

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 1 январь 1988

**ВОЙНА НЕРВОВ
ИЗ-ЗА «ПРЕКРАСНОЙ
ИНОСТРАНКИ»**

**ЛИЦА НЕОБЩИМ
ВЫРАЖЕНИЕМ**

**ГРЭМ ГРИН:
РОМАН
«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР»**

**КОГДА
УМИРАЕТ МОРЕ**

**ПЕРВЫЙ
НОВОГОДНИЙ
ПРАЗДНИК**

SL

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 1 (3154)

1—9 ЯНВАРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

Л. Н. ГУЩИН

(первый заместитель
главного редактора),

К. А. ЕЛЮТИН,

В. П. ЕНИШЕРЛОВ,

Н. А. ЗЛОБИН,

Д. К. ИВАНОВ

(ответственный
секретарь),

Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,

В. Д. НИКОЛАЕВ

(заместитель
главного редактора),

Ю. В. НИКУЛИН,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

А. Б. СТУКОВ,

С. Н. ФЕДОРОВ,

Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,

В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Сергея Фокина — главного героя репортажа корреспондентов «Огонька» Новеллы Ивановой и Геннадия Копосова. (См. в номере материал «О докторе Споке, игрушках и генах прабабушки».)

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистический — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформление —
212-15-77; Литературных приложений —
212-22-13.

*Рукописи объемом более двух авторских листов
не рассматриваются.*

Сдано в набор 10.12.87. Подписано к печати
28.12.87. А 00483. Формат 70 × 108 $\frac{1}{8}$. Глубокая
печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл.
кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 1669.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина издательства ЦК
КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица
«Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Мы рады приветствовать вас в новом, 1988 году, тем более зная, что теперь читателей «Огонька» стало гораздо больше.

В прошлом году на журнал подписалось 561 415 человек, а этот, 1-й номер «Огонька» за 1988 год из своих почтовых ящиков достанут 1 313 349 читателей. Именно столько теперь у журнала подписчиков.

Не могу, правда, не заметить тут же, что в связи с ростом подписки почти в два раза сократится розничная торговля: купить «Огонек» в киоске «Союзпечати» станет делом и вовсе не простым. Это нас, конечно же, огорчает, и здесь мы надеемся на поддержку и помощь издателей, полиграфистов — тираж журнала должен быть увеличен, нельзя из «Огонька» создавать дефицит.

Одним из главных завоеваний нового «Огонька» мы считаем возвращение доверия читателей к журналу. Ощущаем это по всему: тональности писем — откровенных, искренних, предельно открытых, по остроте нашей почты — о самом больном, наболевшем, требующем всеобщего внимания пишут люди в «Огонек». Наверное, вы заметили: почта, приходящая в журнал, заняла постоянное место на его страницах. Мы публикуем те письма, с которыми солидарны, которые ярко, точно, в полной мере отражают позицию «Огонька», и в то же время печатаем и мнения, вызывающие у нас неприятие, чувство протеста. Делаем мы это потому, что монополия на одно, пусть даже самое правильное мнение ни к чему хорошему еще никогда не приводила. Истину надо доказывать в споре. И читатели «Огонька» спорят. Рубрика «Слово читателя» стала одним из главных приобретений «Огонька» в прошлом году. Ваше, дорогие друзья, активное участие в предложении тем журналистского поиска, в планировании номеров, в оценках времени и журнала чрезвычайно важно для нас. Приведу еще цифры: за 1986 год «Огонек» получил 15 372 письма, за 1987-й — в три раза больше — 49 618.

Уважаемые подписчики, читатели, все, кому дорог журнал! Мы очень хотим, чтобы наступающий год удался, и будем стремиться делать для этого все, что в наших силах. Приближающаяся XIX Всесоюзная партийная конференция — смотр движущих сил перестройки — обязывает нас делами утверждать веру в конечный успех великого дела.

Только что мы подвели исторические итоги — празднование 70-летия Великого Октября стало всемирным событием. Накануне Нового года Михаил Сергеевич Горбачев от имени Советской страны поставил свою подпись на Договоре о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. На планете убавится ракет, надежды на свете прибавится. Будучи патриотами своей Родины, живя ее интересами, мы в то же время все больше приобщаемся личными делами и судьбами к судьбе человечества, утверждаем свое интернационалистское мировоззрение в конкретных делах.

То, что делает «Огонек», — часть общего дела, иначе не может быть. Мы от души рады, что нашего читательского полку прибыло. И коллектив журнала сделает все, чтобы оправдать ваше доверие.

С Новым годом, дорогие друзья!

Виталий КОРОТИЧ,
главный редактор журнала
«Огонек»

Слов нет, читать «Огонек» стало трудно — не удается перелистывать его как когда-то по диагонали. Много эффектных, броских, нужных материалов, которым не откажешь, так сказать, в идеологической последовательности. Но не оставляет мысль о заданности журнальных вдохновений, о расчете, о заказанной музыке.

Я не сталистка. Отнюдь, но разоблачения того, что было 40—50 лет назад, назойливо переходящие из номера в номер, причем сосредоточенные на одной фигуре, вырванной из исторического контекста и словно бы чуждой ему, уже начинают приедаться.

Художник не может быть равнодушен к чужой судьбе. И страшно, если Зубры, Вавиловы, Королевы и даже Бухарины становятся в определенное время материалом для заработка и сомнительной славы, когда мертвым дарят признание и мертвых же охаивают.

Все мы слабы и дорожим мирскими благами, но в разные времена эти блага подаются за разные услуги. Но вот вопрос: истине ли вы служите и беды ли страны заставляют вас брать за перо, сострадание ли к человеку и праведный жар? Или?..

Сдается мне, что пора искать новые темы.

Н. ВАРШАВСКАЯ
Москва.

Дорогой товарищ и друг! Да, да, именно так, «Огонек» — это наш товарищ и наш друг, советчик и помощник. С 1949 года выписываем «Огонек», все журналы храним в целости и сохранности. По этим подшивкам лучше всякого учебника можно изучать историю страны. Журнал, как зеркало, отобразил разные периоды в нашей жизни. Например, как на ладони видны все культы власти — Сталина и Мао Цзедун, Хрущева и Брежнева. Особенно первого и последнего. Грустно читать подхалимажные и хамелеонские репортажи и очерки 70-х годов. «Огонек» тех лет сам, как болото, при этом очень точно отобразил то застойное время.

Зато сейчас именно по «Огоньку» мы судим о перестройке. Сегодняшнее время гласности мы не представляем себе без вашего журнала. Каждый номер ждем с нетерпением. Читаем, перечитываем, делимся впечатлениями, журнал просят читать друзья и соседи. Так держать!

А. А. ФЕОФАНОВА
Томск.

Разрешите признаться в любви к вам, товарищи журналисты, и к «Огоньку», который стал интересным от первой обложки до последней. И все же наиболее яркими считаю те страницы, на которых вы публикуете письма читателей и материалы на исторические темы.

Не могу согласиться с теми читателями, которые требуют «закрыть» тему трудных тридцатых годов и писать только о наших победах. По всей видимости, они живут по инерции. Жить по-современному — значит, писать правду. Родился я в 1953 году, вырос в деревне и, читая сегодняшний «Огонек», не перестаю удивляться, как мало знаю свою историю. Наверное, подобное признание вы читаете чуть ли не в каждом втором письме. И вот что удивительно: о каком-то заморском княжестве — статьи, брошюры, книги. Века перед глазами. А о стране, где живем и творим, пишем так, что читать не хочется, забывая по ходу народных героев, события, трагедии. И если в одном издании появляются факты интересные, то во втором, «дополненном» их уже нет. Портреты одинаковые, статьи почти одинаковые, а «дополнения» существенно уменьшают книгу.

Вот, например, трехтомник трудов М. А. Суслова. Очень интересное собрание, но вы не найдете здесь его речи на февральском Пленуме ЦК КПСС 1964 года, где он говорил о культе личности. И таких примеров множество. Думаю, что разоблачение культа личности было приостановлено в недавнюю пору лицами, которые сами участвовали в его становлении и по прошествии ряда лет продолжали оставаться у власти.

В сельской библиотеке с большим трудом я разыскал материалы XX, XXI, XXII съездов партии, при чтении которых получил ответы на многие вопросы. И еще раз убедился, что надо писать о Днепротэсе и Магнитке, но нельзя не писать и о страхе тысяч людей, ожидающих ночного звонка в дверь. Все это — наша история. Как и та, которую творим мы сегодня. И если мы не винтики, а рыцари перестройки, как говорят журналисты, то мы должны знать тех, кто вставляет нам палки в колеса, кто тормозит процесс демократизации. О каком-то заграничном мафиози мы знаем все, а своих покрываем. Недавно по телевидению показывали три вечера подряд волгоградскую мафию. Вот пример, как надо делать разоблачения тех, кто, деликатничая, набивал свои карманы, жирел за счет общества и не думал о таком финале.

Не буду утомлять вас своими примерами и рассуждениями, скажу еще только, что именно «Огонек» заставил взглянуть шире на жизнь, вызвал острую необходимость участвовать в социальном переустройстве нашего общества.

Н. И. КРАСНОБОРОДЬКО
п. Черский, Якутская АССР.

Уж сколько раз «Огонек» обещал своим читателям публиковать репродукции полотен старых мастеров, рассказывать о шедеврах мировой, русской и советской классики. Но... кроме обещаний и нескольких публикаций в прошлые годы, в таком знаменательном для журнала и его подписчиков 1987 году почти ничего не было.

Вот открываю лежащий на столе сентябрьский номер. На вкладке — нечто под названием «Театр». Это что? Может быть, кто-то и понимает эту мазню, но я ее к классическим полотнам никак отнести не могу. Или вот художник написал «Девочек...». Но на его картине скорее старухи, а не девочки. Или... И сколько таких «шедевров» было в предыдущих и последующих номерах?!

Не знаю, может быть, я мало понимаю в изобразительном искусстве, но это именно я не могу оторвать глаз от полотен старых мастеров, репродукции которых появлялись раньше на страницах журнала. Я даже не могу вам объяснить, что у меня происходит в душе, какая вспыхивает боль, или умиление, или восторг, когда, забывая все на свете, смотрю на эти репродукции.

Я сомневаюсь, что письмо старой пенсионерки найдет понимание, но очень прошу опубликовать хотя бы частичку тех шедевров, которые украсят журнал и нашу жизнь. Среди них картины И. Репина, Н. Ярошенко, А. Саврасова, В. Сурикова, А. Иванова и других настоящих классиков.

Мария Филипповна ПЕСТОВА,
пенсионерка
Жигулевск Куйбышевской области.

Прочитал я в № 47, что в Ставрополе существует «Клуб друзей журнала «Огонек». Молодцы ставропольцы! Такой клуб, считаю, надо организовать в Москве и других городах. Если в столице он существует, сообщите адрес.

Выражая, может быть, только свое личное мнение, скажу, что перестройка экономики, модернизация промышленности и даже повышение боеготовности армии в определенной степени вторичны и зависят в более значительной степени от нравственного возрождения и обновления. А сегодняшнему обновлению как нельзя больше способствуют ваши публикации.

В. А. СТРОНГИН,
подполковник запаса, 48 лет
Москва.

Под Новый год принято желать людям добра и счастья, а я хочу вас «отругать». Ведь что же получается? До чего мы докатились? Раньше, бывало, возьмешь «Огонек», посмотришь картинки, решишь кроссворд и свободен! На все это уходило не более одного вечера. А журнал — на макулатуру...

А сейчас? Пока его прочитаешь, да еще перечитаешь, да еще и подумать надо... Это ж сколько времени вы отнимаете?! Да и прочитанное обсудить требуется с соседями, в семье, на работе, журнал «на потом» оставить... А на макулатуру что? Подумали об этом?

Раньше как было: идешь в киоск и хочешь купить, хочешь нет. Дело хозяйское. А сейчас не найдешь ни одного номера в киосках. Значит, надо выписывать на год. Грабеж, грабеж... Отнимаете все свободное время, видно, забыли, что и телевизор существует...

Ну, «Огонек», погоди!

П. Н. ЛЬВОВ
Краснодон.

У нас в районе (точно знаю) «Огонек» выписывают в основном интеллигенция. Подписчиков среди колхозников единицы. Надо для них давать материалы. Предлагаю тему. Сельского жителя крайне интересует судьба малых деревень. У нас в Обливском районе дышат на ладан хутора Секретев, Слепихин, Трухин, Чернов, Варламов, Артемов и ряд других.

Малые хутора — наша боль. Их исчезновение начиналось с того, что укрупнили колхозы. Потом постепенно закрыли школы, магазины, перевели на центральные усадьбы клубы, фельдшерско-акушерские пункты. Злую роль сыграло наречение названных выше хуторов неперспективными.

Сейчас спохватились. В хуторах Машенском и Новорыбукхин, которым грозило полное исчезновение, снова восстановили колхозы. Они стали многолюднее, чем были до войны. В колхозе «Родина» хутор Самохин спасли благодаря тому, что подвели сюда асфальтовую дорогу.

Думаю, что направление разговора вам понятно. Наверное, те же проблемы характерны и для других регионов страны.

К. Д. ПЕРЕХОДКИН,
юрисконсульт
ст. Обливская Ростовской области.

Дорогие товарищи! Молю о помощи! Пожалуйста, выручите. У клиента пропал «Огонек» № 48. Доказать мы никак не можем, что доставляли журнал. Купили бы на свои деньги, но в киосках он уже продан. В этом году с «Огоньком» творится что-то невообразимое: все читают, ажиотаж, вот и тащат соседи друг у друга. Вся надежда на вас. Клиент согласился ждать. Но я еще и письмо не успела отправить вам, а он уже звонит, требует журнал. Прежде чем вам писать, мы пытались найти журнал сами, но, увы... Пожалуйста, помогите.

Г. ЯВЛЕНИЧЕВА,
почтальон отдела доставки
28-го почтового отделения
Ленинград.

ОТ РЕДАКЦИИ. В виде исключения и в честь Нового года сотрудники отдела морали и писем выслали свой собственный экземпляр журнала в Ленинград. Клиент, хочется верить, будет доволен, а всех соседей, кто еще на «Огонек» не подписался, просим это сделать как можно быстрее, чтобы не одалживать журнал из чужого почтового ящика.

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

В № 50 за 1987 год в журнале «Огонек» было опубликовано письмо группы ученых «Демократия и генетика». По просьбе читателей сообщаем, что в действительные члены АН СССР по Отделению общей биологии избраны: В. А. Струнников, А. В. Жирмунский, В. Н. Большаков.

Президент АН Молдавской ССР А. А. Жученко не набрал достаточного количества голосов и не был избран в действительные члены АН СССР.

По специальности генетика членами-корреспондентами избраны С. Г. Инге-Вечтомов и С. В. Шестаков.

Наш адрес:
101456, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

**ГЛАВНЫЙ
КОЗЫРЬ —
ВНЕДРЕНИЕ
ХОЗРАСЧЕТА.**

Видеомагнитофоны, малогабаритные цветные телевизоры, выпущенные ленинградским научно-производственным объединением «Позитрон», купить не просто. Продаются они по предварительной записи, хвост очереди теряется где-то в следующем десятилетии, так что познакомиться с их работой скорее всего можно на какой-нибудь выставке. И приятно удивиться: оказывается, и сложную бытовую радиоэлектронику мы умеем делать на весьма приличном уровне и даже выходим со своими цветными телевизорами на избалованный рынок таких стран, как ФРГ, Италия, Англия. Факт, конечно, приятный, но вызывает не столько радость, сколько недоумение: если можем делать хорошо, так почему делаем мало? Почему в одном конце города выпускают «Электронику», идущую на экспорт, а в другом, на заводе имени Козицкого, кубометрами гонят халтурную «Радугу», которую, по совести, можно предлагать покупателю только в «комплекте» с дежурным телемастером и пожарным караулом?

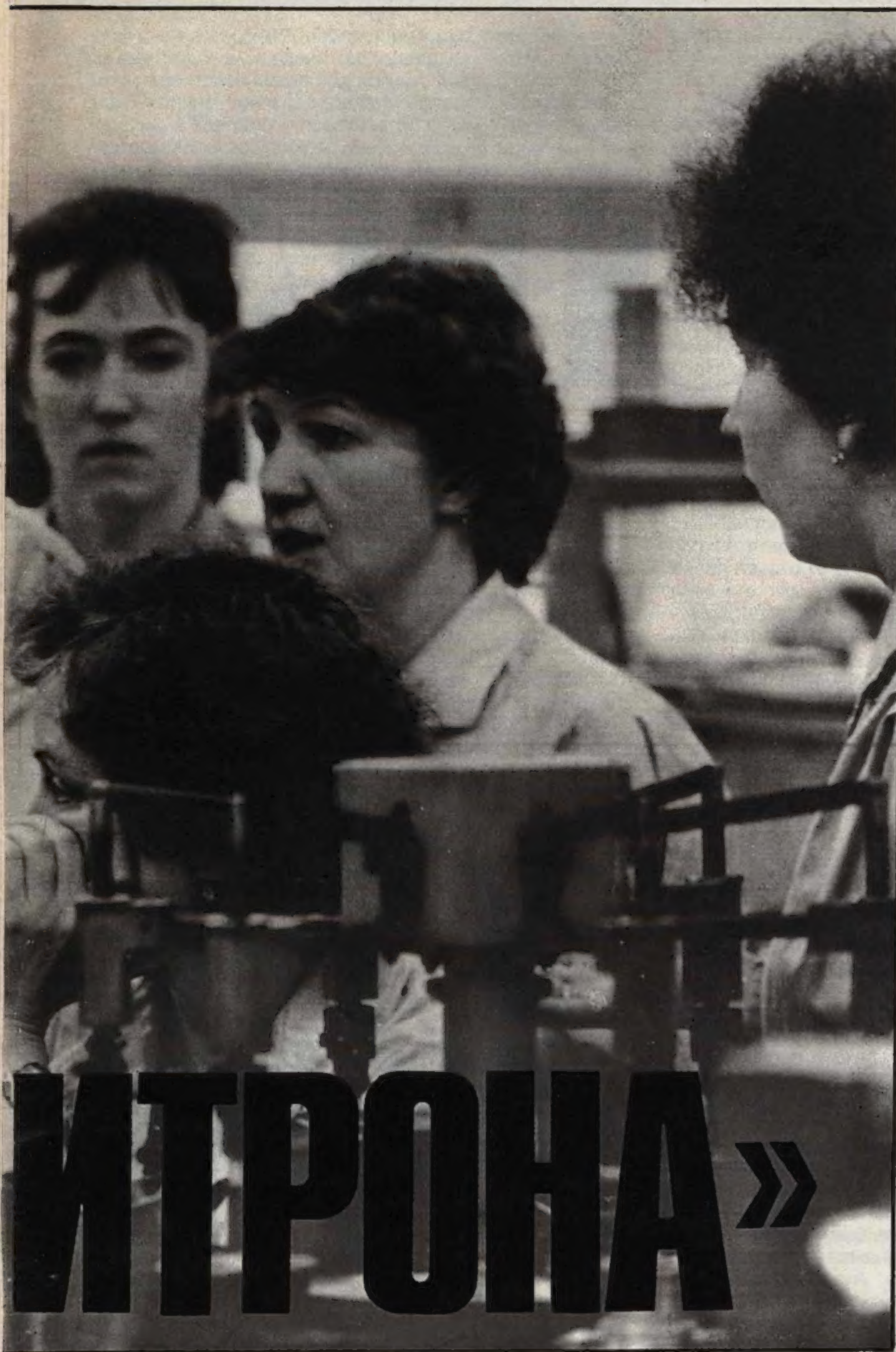
Не будем сейчас искать ответы на эти вопросы. Будем, как потребители, радоваться тому, что «Позитрон» наращивает свои мощности и перед ним, в частности, поставлена задача для начала удвоить за год производство видеомагнитофонов. Конечно, нынешняя капля в море (10,5 тысячи штук в год) не скоро превратится в полноводную, способную напоить всех жаждущих, реку. Но, согласитесь, для одного

предприятия темпы роста впечатляющие. Тем более что речь идет о самом, наверное, технически сложном виде товаров народного потребления. Так что, естественно, никто из нас не против таких темпов.

Против, как выяснилось, Любовь Григорьевна Мисько — работница завода «Видеотон», где непосредственно делают эту отличную видеотехнику и телевизоры. На одном из последних заседаний Совета трудового коллектива объединения она попросила слово и от имени своих товарищей сказала, что планы, установленные для их завода на следующий год, нереальны. И убедительно обосновала свои слова, чем, признаться, поставила руководство объединения в сложное положение. С одной стороны, крыть вроде бы нечем, аргументы Любовь Григорьевна привела серьезные. А с другой, — тоже деваться некуда — госзаказ не переинаешь в меньшую сторону.

Кто же такая Л. Мисько и почему ее выступление эхом отозвалось во всех подразделениях фирмы, и это эхо, полагаю, докатится до министерства?

По специальности она регулировщица радиоаппаратуры. В объединении с момента создания — с 1969 года. Поступила сюда ученицей, окончила вечернее базовое училище. Пятнадцать лет практически бессменно возглавляет цеховой комитет, и общественная работа для нее неотделима от основной. Это тем более достойно уважения, что живет Мисько довольно далеко за горо-

дом (в известном всем спортсменам поселке Токсово), вырастила двоих детей, и сын, кстати, тоже окончивший заводское ПТУ, отслужив в армии, скоро вернется в свою бригаду. В общем, «Видеотон» для нее — неотъемлемая частичка жизни, судьбы, на таких, как она, завод, что называется, держится. И уважают ее товарищи искренне, как человека, утвердившего свой авторитет многолетней безупречной, бескорыстной работой. Еще одним подтверждением этого уважения стало доверие коллектива, поручившего осенью 1986 года Любови Григорьевне представлять интересы всего завода в СТК фирмы.

Вы обратили внимание на дату? Да, именно в октябре 1986 года, еще до принятия Закона о государственном предприятии (объединении), на «Позитроне» был создан такой Совет. Хозрасчет, самофинансирование, самоуправление представлялись тогда делом относительно далекого будущего, а здесь, не дожидаясь каких-то указаний, самостоятельно пришли к мысли о необходимости создания, «обкатки» принципиально нового общественного органа, способствующего дальнейшему развитию демократии, гласности в коллективе, более широкому участию трудящихся в управлении производством. Споры вокруг того, каким должен быть СТК, на многих предприятиях не утихают и по сей день. Где-то такие Советы делают лишь самые первые шаги, а на «Позитроне» уже смело можно гово-

рить о накопленном опыте, вполне конкретных результатах деятельности Совета, а главное — о его безусловно доказанной жизнеспособности.

Хотя не буду скрывать, что, отправляясь в объединение, невольно вспоминал иные Советы — директоров, бригадиров, мастеров, наставников, женсоветы и т. д. Задумывались все они, несомненно, с благой целью, но далеко не все, как показала жизнь, подтвердили свое право на существование. Да что об этом говорить, если даже решения куда как авторитетных, правомочных Советов народных депутатов уходят, порой, в песок, не принося заметной пользы.

— Знаете, — заметила Л. Мисько, — поначалу я тоже плохо представляла возможности СТК, свои права и обязанности в нем. И силу почувствовала лишь тогда, когда поняла, какой вес имеет мое слово, сказанное от имени многотысячного коллектива. У нас вопрос считается решенным, если «за» проголосовали все члены Совета. Если же, к примеру, я, единственная из тринадцати членов, «против» — жизненно важное для всего объединения дело откладывается для дальнейшего обсуждения, доработки. Представляете, какая ответственность! Поэтому к каждому заседанию (проходят они раз в месяц) готовлюсь как к экзамену, и помогают мне в этом экономисты, ведущие специалисты, администрация завода. Рассматриваются на СТК обычно два вопроса — один предварительно,

второй, ранее обсуждавшийся, выносятся на голосование. Подчеркиваю, обсуждавшийся не только нами — материалы к очередному заседанию получаем заранее, советуемся по ним в своем коллективе, вносим, если потребуется, какие-то поправки, уточнения и, лишь выработав общую для предприятия точку зрения, отстаиваем ее на Совете.

Какие же вопросы рассматривал СТК объединения за последние месяцы? О перестройке структуры управления объединения и заводов; о системе морального и материального стимулирования; об определении количества освобожденных и неосвобожденных работников в партийной и общественных организациях. Обсуждался проект положения о внутризаводском хозрасчете; кадровый резерв номенклатуры генерального директора; проект порядка очереди на получение жилплощади работниками объединения и т. д.

За каждой из проблем (а перечислена лишь часть их) острейшие дискуссии, столкновения характеров, противоречивых порой точек зрения. Ну как быть с таким вот письмом:

«Средняя зарплата ИТР цеха № 3 без учета премии и с учетом отчислений на подоходный налог и взносы составляет 130 рублей, что при составе семьи в три человека ниже прожиточного минимума (из 23 ИТР — пятеро являются единственными кормильцами семьи). Кроме того, зарплата в 130 рублей не укрепляет авторитет ИТР среди рабочих цеха».

Аналогичные по содержанию коллективные письма поступили в СТК от инженерно-технических работников цехов №№ 5, 13, не согласившихся с принятым «Положением о премировании ИТР».

— Претензии высказали инженеры Опытного завода, — пояснил генеральный директор объединения Ю. Блохин. — СТК пришел к выводу о необходимости сделать для них исключение, поскольку действительно в условиях опытного производства общее для всех других подразделений Положение о премировании ущемляло их интересы.

— И это, полагаю, не единственная конфликтная ситуация, возникавшая у вас?

— Ну, конфликтными их называть, пожалуй, не стоит — это нормальный демократический процесс обсуждения, выработки наиболее объективной точки зрения. Несколько раз откладывалось, например, для доработки положение о внутрифирменном хозрасчете, не сразу была поддержана инициатива Северского трубного завода, предусматривающая коллективную ответственность за соблюдение трудовой дисциплины, всегда остро проходит рассмотрение кандидатур для выдвижения на руководящие должности.

Что ж, прекрасно, что в Совет избраны не послушные «согласатели» с любым мнением начальства, а принципиальные, самостоятельно думающие люди. Помимо генерального директора, секретарей парткома, профкома, комитета ВЛКСМ, в него вошли семь рабочих, два представителя научного, конструкторского подразделений. Возглавляет СТК Ю. Блохин, но личным авторитетом на него не «давят» и считают свое руководство временным, возможным на период становления нового общественного органа.

Избираются члены Совета на два года открытым голосованием на собраниях представителей своих трудовых коллективов. Помимо естественного доверия к ним, есть лично мне, например, непонятное условие: кандидат (кроме тех, кто входит в «четырехугольник» фирмы и попадает в Совет автоматически) должен проработать в объединении не менее пятнадцати лет.

— Ну, а если появится вдруг молодой, башковитый парень из числа неформальных лидеров, ему, что же, до-

рога на Олимп закрыта? — поинтересовался я у председателя профкома Г. Иванова.

— Почему же? Предложить его кандидатуру может комитет ВЛКСМ, вольный выдвигать в Совет необязательно своего секретаря. Но, разумеется, наше положение об СТК не догма. Создавали мы его на свой страх и риск, не имея никаких образцов, получилось, по общему мнению, неплохо, но это не значит, что мы не будем и дальше совершенствовать его структуру, характер работы. Главное для нас не засушить новое дело, добиться, чтобы оно всегда было живым, помогало труженикам почувствовать себя подлинными руководителями объединения.

Любое решение Совета имеет силу приказа, выполнение которого находится под строгим, постоянным контролем. А если учесть, что аналогичные, но значительно большие по составу СТК созданы на всех заводах, избраны туда, как правило, самые зубастые и беспокойные за общественный интерес люди, то можно утверждать, что на «Позитроне» уже действует неплохо налаженная система широкого участия трудящихся в управлении объединением. На «Кулоне», скажем, бригадир слесарей В. Головнев уже сменил директора на посту председателя Совета; с самой лучшей стороны зарекомендовали себя в СТК фирмы измеритель Г. Вдовина, плотник А. Веремейчик, наладчик М. Канаев, токарь И. Сахаров, оператор Г. Рассадина, слесарь В. Сучков.

Ну, а чем же завершился «демарш» Л. Мисько?

Признаться, мне, человеку постороннему, ее сомнения показались весьма правомерными. Судите сами: сейчас завод не без труда делает примерно 43 тысячи комплектов блоков для видеоманитов, а в 1988 году должен удвоить их выпуск. Нынешние сложности вызваны необязательностью поставщиков, большой долей ручного труда, нехваткой людей, другими причинами, которые накапливались годами. И в этих условиях, когда и существующий план дается нелегко, его увеличивают вдвое.

— Тем не менее убежден — обязаны справиться в основном своими силами, — твердо сказал мне генеральный директор. — Главным козырем считаю внедрение хозрасчета в каждом цехе. Есть у нас свое КБ, завод, которые помогут за счет механизации снизить трудоемкость операций на 40 процентов. Другие предприятия поделятся с «Видеотон» людьми. Правда, когда на Совете прозвучало предложение выделить по сто человек, кое-кто возмутился: «А сами как же потом?» Но поостыв, поняв, что речь идет об интересах, престиже всего объединения, задумались, обещали поискать у себя резервы, откомандировать сколько возможно специалистов. Одним словом, мы постарались проанализировать буквально каждую цифру, прикинули, что можем сделать, и решили все-таки госплан принять. На следующем заседании СТК выступит директор «Видеотона», которому поручено собрать, еще раз обдумать все предложения, доложить, какая дополнительная помощь требуется. А оппонентом его будет главный инженер объединения.

Ну что ж, убежденность Ю. Блохина подкупает. За ней не просто огромный личный опыт руководителя, но и мнение большинства членов Совета, проголосовавших за трудную жизнь в наступающем году.

Полагаю, что эта уверенность и есть один из основных элементов хозрасчета, экономические рычаги которого срабатывают только в том случае, если за них сообща возьмутся толковые, уверенные в своих силах люди.

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
собственный корреспондент
«Огонька»

Анатолий БОЧИНИН (фото)

Павел НИЛИН

КИРЮШКА

Имя автора нередко ассоциируется с наиболее запомнившейся его книгой. И ее название как бы становится синонимом писательской известности. Читатель, которому знакомо имя Павла Нилина, почти наверняка вспомнит «Жестокость»... Повесть эта написана — и в тот же год опубликована — более трех десятилетий назад. И то, что она не забыта, — неплохая, наверное, рекомендация ее автору. Но тот же читатель, узнав о восьмидесятилетнем юбилее писателя (даты жизни П. Ф. Нилина: 1908—1981 гг.), вправе задаться вопросом, касающимся больших подробностей литературной жизни Павла Нилина. Кстати, одна из заметных вещей этого писателя — повесть «Испытательный срок» — отнесена к циклу, так и названному им: «Подробности жизни». Публикуемый здесь рассказ, написанный в 1965 году, вряд ли стоит сейчас поспешно относить к циклу сформировавшемуся и как-то озаглавленному. Можно предположить, что автор не стремился к его публикации не столько из соображений «непроходимости» «Кирюшки», сколько потому, что виделся он писателю в контексте других, задуманных, начатых, но незавершенных сочинений. Но разве не бывает, что контекст вещи образует и прошедшее с момента написания время и даже произведения, созданные позднее, другими авторами?

К сожалению, я этого сделать не могу. Просто не хватает для этого моей власти, — кокетливо улыбнулся министр. — Хотя дело это хорошее и я сам, если хотите, в нем заинтересован... Да, впрочем, чего мы тут... Вы сами, Ефрем Петрович, можете в два счета это дело обтупить. Стоит вам только заглянуть к Кириллу Романовичу. Он — мигом. Уж ему-то власти хватает. И все знают, что он, так сказать, ваш воспитанник. Старая ведь хлеб-соль, как говорится, не забывается...

Ефрем Петрович подумал: «А что в самом деле! Не для себя же я прошу. И Кирюшку к стати повидаю. Ведь это что же, лет пятнадцать его не видел. Да, лет пятнадцать». И, вернувшись от министра к себе в кабинет, Ефрем Петрович тотчас же снял телефонную трубку.

— Кирилл Романовича нет. А кто его спрашивает?

— Потапенко Ефрем Петрович. Скажите, что я хотел бы попасть к нему на прием. Хотел спросить, когда можно...

Не прошло и десяти минут, как на столе Ефрема Петровича вспыхнула синяя лампочка. Это значило, что секретарь его просит «снять трубочку».

— Ефрем Петрович? Кирилл Романович сказал, что будет рад увидеть сегодня в три часа, то есть в пятнадцать часов сегодня. Пропуск вам заказать или у вас постоянный?..

— Закажите, пожалуйста, — попросил Ефрем Петрович. И посмотрел на часы: пятнадцать минут третьего. — Вера, я ухожу и, очень возможно, сегодня уже не буду, — сказал он секретарю, тут же, в кабинете, надевая модный коричневый плащ-боло-нья. — Вот ведь простая удобная вещь, а не умеем мы сами делать такие...

— Да зачем вам плащ, Ефрем Петрович? Тепло, — по-домашнему заботливо сказала немолодая Вера Сергеевна. — Возьмите его просто на руку. Тепло же.

— Это вам тепло, — вздохнул Ефрем Петрович. — А меня отчего-то познабливает.

Познабливало его, однако, не от легкой прохлады в этом просторном полузасторенном кабинете, а вот именно «отчего-то», что и выразить невозможно сразу.

Шагая по длинному затемненному коридору мимо высокостворчатых, обитых коричневым дерматином дверей, спускаясь по широкой лестнице с изрядно вытертыми множеством ног ступенями, Ефим Петрович не то чтобы обдумывал, а все время для чего-то как бы повторял про себя эти странно застрявшие в его мозгу слова: «Пропуск вам заказать или у вас постоянный?»

Был в свое время у Ефрема Петровича пропуск и временный, и постоянный. И такой, какого, пожалуй, ни у кого не было. Или, лучше сказать, какой был совсем у немногих. Вхож был Ефрем Петрович и к самому Сталину. И сейчас он все еще занимает совсем не маленький пост. Многим еще корячиться

и корячиться до этого поста начальника главка. А для Ефрема Петровича это почти что падение.

Обогнув клетку огромного вместительного лифта, Ефрем Петрович вышел к подъезду. И несколько задержавшись здесь на каменной площадке, внимательно и хмуро оглядел стоявшие у подъезда автомобили, будто ожидая, что один из шоферов увидит его и сию минуту предупредительно и поспешно откроет ему дверцу автомобиля.

Ни один шофер, однако, не шелохнулся. Да Ефрем Петрович на самом деле и не ожидал этого. А нахмурился оттого, что подумал: «Себе небось ни в чем не отказал. Жил, как не всякий король может себе позволить. А тут, видать, решил наводить экономию и демократию, — подумал он о человеке, по чьему распоряжению было сокращено бесплатное пользование служебными автомобилями. — Деревенский лавочник, тщеславный, трепач. А теперь вот и его погнажи».

И от этих мыслей Ефрем Петрович вдруг взбодрился и почти весело зашагал через площадь Ноги-на, полную движения и солнца.

То, что прогнали, сняли, сбросили «того человека», как бы облегчало судьбу самого Ефрема Петровича, как бы смягчало то, что и он, Ефрем Петрович, теперь только рядовой начальник главка и вот за-просто идет пешком. Хотя, конечно, если б требовалась серьезная поездка, он свободно мог бы вызвать служебный автомобиль или в крайнем случае взять такси. Но тут совсем близко. Можно и пешком.

Ефрем Петрович с удовольствием шел по веселым улицам, испытывая естественную радость от правильного кровообращения, от того, что ноги у него все еще крепкие. Уж не такая старость — шестьдесят шестой год. Конечно, не такая уж старость при нормальном образе жизни. Человек еще работает, вносит, так сказать, свой вклад и посмеивается, когда ему намекают, что-де пенсионный возраст.

— Потянем еще по-стариковски, — посмеивается всегда в таких случаях Ефрем Петрович. — Пусть молодые поработают с наше...

И еще испытывал он удовольствие оттого, что улавливал на себе пристальные взгляды прохожих. Правда, не многих, но некоторых. Значит, кое-кто помнит его, запомнил. И немудрено было запомнить. Портреты его когда-то вместе с другими портретами украшали в праздники даже фронтоны домов. Да, все было когда-то...

— Ваш пропуск.

— Ах, да, извините, пожалуйста.

Ефрем Петрович сконфузился. Все время думал о пропуске, о том, что надо зайти сперва в бюро пропусков, и в самый последний момент забыл. И тоже немудрено. Не был он в этом доме да тоже не меньше десяти лет. Нет, больше. Лет двенадцать он здесь не был.

Очень любезно и быстро ему выписали пропуск. Он поднялся в лифте. И ему показалось, что и этот

Рисунок
Левона
ХАЧАТРЯНА

лифт, и просторный, поблескивающий стеклом и никелем холл, в который он вышел из лифта, и толстый ворсистый ковер под ногами, все это было иным при Сталине, все это отдавало большей торжественностью и вселяло в посетителя, в даже очень высокопоставленных посетителей большую робость.

— Потапенко? — поднялся ему навстречу очень чистенький, просто весь какой-то накрахмаленный, что ли, секретарь. — Ефрем Петрович, придется минуточку, извините, подождать. Непредвиденные обстоятельства. Кирилл Романович некоторое время будет занят. Вот здесь, пожалуйста, прошу вас подождать.

Боже мой, как идет время, как оно беспощадно меняет все...

Ефрем Петрович погрузился в большое кожаное кресло и на мгновение как бы отключился от этой приемной, от всего.

— Нет, нет, ничего не надо, — почти грубо отстранил он секретаря, спросившего, не хочет ли он полистать вот эти свежие журналы. — Спасибо, — спохватился сказать Ефрем Петрович чуть позднее, стараясь в то же время вспомнить что-то, вдруг показавшееся ему очень важным.

И вспомнить никак не мог.

То ли было это в двадцать восьмом году, то есть в тысяча девятьсот двадцать восьмом, то ли раньше. Нет, кажется, именно в 1928-м, когда было очень опасное положение с хлебом. Даже Сталин выезжал по этому поводу в Сибирь, в Барабинск. И после Сталина туда же по его поручению выезжал Ефрем Петрович. А потом он по тем же делам объехал половину Украины, Поволжье и почти всю Белоруссию. И вот сейчас он не может уже вспомнить, где, в каких местах он встретил востроглазого такого мальчишку, полюбившегося ему с первого взгляда.

Мальчишка этот, или, вернее, лучше сказать паренек, лет тогда семнадцати, а может, и девятнадцати, небольшого роста, востроглазый, черненький выступал на одном сельском собрании и, обращаясь к Ефрему Петровичу как к представителю центра, прокричал:

— Заверяю вас, товарищ Потапенко, от имени нашей комсомольской организации и просим передать нашему ленинскому ЦК, правительству и лично товарищу Сталину, что мы тут жизни нашим кулакам не дадим, что мы с них выколоти́м нужный Родине хлеб, кровь с их носу...

Нет, это было не в двадцать восьмом году. Тогда еще не писали и не говорили «лично товарищу Сталину». Это было уже в тридцатых годах, в самом начале тридцатых.

А что было это именно так, что эти самые слова произнес тогда тот паренек, запомнилось Ефрему Петровичу, потому что он доподлинно записал их и приводил потом, в то суровое время, неоднократно в своих речах и в статье, напечатанной в «Правде», как пример готовности сельской молодежи, сельской общественности во что бы то ни стало громить кулачество, оказывающее сопротивление Советской власти, задерживающее хлеб в тайных закромах.

Конечно, не один такой паренек встретился тогда Ефрему Петровичу среди деревенских активистов. Но этот особый звонкостью, что ли, запомнился больше других, тем более что он еще два или три раза потом попался на глаза в районном штабе по хлебозаготовкам, и Ефрем Петрович на всякий случай записал его фамилию. Ведь, правда, тогда были такие районные и, кажется, даже областные штабы по хлебозаготовкам. Многовато было тогда и в штабах этих вялых, неповоротливых людей. Были и такие, что боялись этого грандиозного движения по ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации. Попадались и такие, что жалели кулаков. Все-таки, мол, тоже люди. Не слишком ли жестоко мы их раскулачиваем, детей, мол, и стариков прямо вышибаем из теплых гнезд. Не очень ли, мол, это не гуманно. Людей таких жалеющих и в газетах тогда, и на собраниях называли слизняка́ми, нытиками и малове́рами. Их приплюсовывали тогда, так сказать, к оппозиции. Ценились же в ту пору люди молодые, огневые. И неудивительно, что Ефрем Петрович запомнил тогда паренька.

Не Ефрем Петрович, впрочем, так кто-нибудь другой его бы, наверное, все равно отличил. Уж больно заметный — черненький, с курчавинкой, востроглазый и, главное, боевой, голосистый он был.

Ефрем Петрович и сейчас не хочет приписывать себе каких-то особых заслуг. Хотя это действительно он вызвал в свое время в область на учебу этого паренька. И в одном, может быть, поступил не очень правильно: не дали парню доучиться на рабфаке. Когда остро потребовались боевые люди на строительстве тракторного завода, где пришлось сменить все партийное и комсомольское руководство за оппортунистические настроения, Ефрем Петрович опять вспомнил про этого чернявого и выдвинул его в заводские комсомольские вожаки. И в последую-

щие годы еще два или три он перебрасывал его с места на место, все повышая. Наконец, чернявый стал руководителем комсомола области.

Доходили до Ефрема Петровича слухи, что он стал задаваться, важничать, выстраивать из себя этакое медлительное вождя в темно-зеленой, наглухо застегнутой куртке-сталинке. Все тогда ответственные и мало ответственные и совсем безответственные работники, даже молоденькие пионервожатые старались во всем подражать Сталину, копировать его медлительные, старческие манеры, за которыми предполагалась мудрость. И Ефрем Петрович грешил этим, как другие. Никогда ни при каких обстоятельствах в ту пору он не решился бы повязать галстук. Всегда в сталинке, в сапогах, в защитного цвета фуражке. И говорил постоянно очень тихо, вполголоса, как Сталин. Кому, мол, надо, все равно услышат. И находились люди в ближайшем окружении, которые подражали и Ефрему Петровичу. Все, так сказать, было в порядке вещей. И удивляться было нечему.

Для множества людей этот чернявенький паренек становился уже крупным деятелем. И держался соответственно. А для Ефрема Петровича он оставался просто Кирюшкой. И в семье у Ефрема Петровича его так называли.

После смерти Сталина много изменилось. Некоторые из тех, что были при нем наверху и в большой известности, ушли, напротив, в неизвестность или сгинули совсем, в том числе, может быть, кто-нибудь считает и Ефрема Петровича. Но он не сгинул. Все время снижаясь под влиянием обстоятельств и личных столкновений с высокими постами на все более низкие, он, однако, удержался, кажется, надолго в должности начальника главка. И не тужит, не огорчается. И, во всяком случае, не жалуется. Он-то уж считает огромным достижением, что не дал спихнуть себя, как многих своих сверстников, на пенсию. И теперь задача удержаться в этом положении хотя бы десяток лет. А что? Здоровье у него неплохое. Даже отличное. «Нет, мы еще потянем».

В прошлом году глубокой осенью, развернув поутру газету, Тамара Ибрагимовна вдруг всплеснула руками:

— Ефрем, да посмотри ты, тюлень проклятый, что в газете! Когда назначили-то. Наш Кирюшка-то кем.

Для Ефрема Петровича это не было какой-то, как говорится, сногшибательной новостью.

— Люди растут, — отозвался он из ванной комнаты. — Ничего удивительного нет. Он уже вон какие посты занимал...

— Наверное, вспомнит теперь о тебе, — сказала, ткнув в газету пальцем, Тамара Ибрагимовна, когда Ефрем Петрович уселся завтракать. — Все-таки он тебе многим обязан...

— Чем? — вдруг вспыхнул Ефрем Петрович. И весь разговор этот, и даже самое назначение показались ему неприятными. — Чем мне обязан? Что ты болтаешь ерунду?

— Ну все-таки, — смутилась Тамара Ибрагимовна. И помолчала минутку: — Сердись, не сердись, а я не удивлюсь, Фима, если он позовет тебя и, ты знаешь, как бывает, предложит тебе.

— Что он мне предложит?

— Как что? Пост, должность...

— Я и так имею...

— Это что ты имеешь. А вдруг попросят сейчас из министров вашего высокомерного Виктора Павловича и — тебя на его место. Кирюшке теперь только высказать свое мнение.

— И перестань называть его Кирюшкой, — с гневом отодвинул чашку Ефрем Петрович. — Он тебе никакой не Кирюшка. До чего не люблю этих базарных разговоров из татарского табора.

— Индюк, — вздохнула Тамара Ибрагимовна. — Да что я такое сказала? Что особенного? Что ты, не сможешь опять быть министром? Слава богу, ты был... был повыше...

— Был, был, — передразнил Ефрем Петрович. — Кто кем был, теперь поздно вспоминать. Были люди и покрупнее меня. И считали, что они и после смерти будут повелевать и из гроба грозить. И вечно с президентами да с королями чай гонять. А как все обернулось? Мне будет хорошо, если я и в этой позиции останусь. Не дай бог спихнут на пенсию.

— Не бойся, не спихнут...

— А могут. Позади меня, за моим креслом уже молодые стучат копытами. Только зазевайся...

— ...Может быть, чайку выпьете. У нас тут буфет, — вывел Ефрема Петровича из задумчивости любезный секретарь. — Кирилл Романович, вероятно, еще задержится...

И в этот момент из высоких массивных бело-кремовых дверей вышел сам Кирилл Романович. Нет, он, кажется, совсем не вырос за эти пятнадцать, что ли, лет, пока не видел его Ефрем Петрович. Даже не ниже ли стал? Или кажется так в этом

высоком помещении. Просто он стал полнее и несколько шире в плечах. А такие быстрые, такие вострые глаза стали неожиданно неподвижными. И голос очень заметно потишел.

— Дорогой Ефрем Петрович, извините великодушно, что задержал. Рад вас видеть. Чрезвычайно. Ну, как вы? Как Тамара Ибрагимовна? Как Леночка?

— Спасибо, все хорошо. Большое спасибо. Леночка замужем на Дальнем Востоке.

— Вот как! Что же она туда забралась?

— Муж...

Но в это время секретарь сказал:

— Вас просит к телефону опять Семен Семенович.

Кирилл Романович направился было к себе в кабинет и в то же мгновение задержался, полуобнял Ефрема Петровича за талию:

— Пойдемте, пойдемте ко мне.

После телефонного разговора Кирилл Романович положил трубку и посмотрел на Ефрема Петровича как бы в некотором недоумении, как бы не понимая, как и зачем появился здесь этот посетитель. И Ефрем Петрович не считал уже возможным продолжать разговор о Леночке и о том, почему она забралась на Дальний Восток.

— Вот пришел побеспокоить, — вынул он из портфеля небольшую обложку с бумагами, не решив еще, как обращаться к Кириллу Романовичу — как раньше, на «ты», или с подчеркнутой почтительностью. Пожалуй, почтительность-то может покори́ть его, почтет за подхалимство. Но и развязность прежняя сейчас ни к чему. — Никак не можем, Кирю..., Кирилл Романович, пробить глухую стену бюрократизма. Правда, все резервы исчерпаны. Министерство финансов решительно возражает, но ведь мы, большевики, знаем, что дело дороже всего...

— А в чем дело? — Протянул руку к бумагам Кирилл Романович и, разложив их на массивном столе, стал вглядываться в крупную машинопись.

— Без очков? — как бы восхитился Ефрем Петрович.

А Кирилл Романович вдруг почти сердито вскинул на него глаза:

— В каком смысле без очков?

— Ну в том, что хорошее зрение...

— А почему у меня должно быть плохое?

— Ну, как сказать... Сейчас у многих... Словом, многие...

— Не очень понимаю, почему вы тут третируете Министерство финансов, — опять склонился над бумагами Кирилл Романович. — Не вижу повода для насмешки...

— Это не насмешка, Кирилл Романович. Но мы буквально и наш министр не можем пробить глухую, так сказать, стену. Я вам сейчас поясню.

— Не надо. Вы это оставьте, — завернул в обложку бумаги Кирилл Романович. — Я потом посмотрю.

«Оставьте, я посмотрю», — это так, бывало, говорил Ефрем Петрович. Изредка он и сейчас так говорит нижестоящим, особо помогающим чего-нибудь. И ему-то уж понятно, что это значит. И не у него ли позаимствовал эту фразу Кирилл Романович, когда еще был Кирюшкой?

— Оставьте, я посмотрю! — повторил он, должно быть, для большей ясности и как-то по-особому пошевелил верхней губой. — Вы лучше расскажите, Ефрем Петрович, как чувствуете себя.

— Ничего. В общем, даже неплохо.

— Значит, на зрение только жалуетесь?

— Нет, ничего, — вдруг почти испугался Ефрем Петрович. — Читаю тоже без очков. Пока. И так, в общем, вполне чувствую себя...

— Прошу передать мой большой поклон Тамаре Ибрагимовне и Лене, — выпрямился Кирилл Романович. — Если они еще помнят меня.

— Помнят, помнят, как же, — заторопился с несвойственной ему улыбкой, вдруг искажившей его суровое лицо, Ефрем Петрович. — Для всех нас было большой радостью узнать...

— Что именно?

— Ну, что вы уже в Москве и заняли... Словом, заслуженно...

— Буду рад вам помочь всегда. Звоните, если что. И всегда милости прошу, — первым протянул руку Кирилл Романович для прощания. — Там больше никого нету? — спросил он у секретаря, пока Ефрем Петрович пересекал приемную. — Тогда вызывайте машину.

А пока Ефрем Петрович спускался по лестнице, Кирилл Романович соединился по особому телефону, без помощи секретаря, и говорил:

— ...Что же вы хотите, чтобы я нарушил финансовую дисциплину? И это вы называете пробивать глухую стену? Подсылаете ко мне человека. Кстати, сколько лет Потапенке? И он не на пенсии? Почему? Нет, нет, не настаиваю. Это дело ваше. Но закон для всех одинаков...

Публикация А. НИЛИНА

Уважаемые читатели, регулярно публикуя подборки ваших писем, мы подумали о том, что у нас накопилось большое количество записок, которые вы присылали во время вечеров «Огонька» в Москве, Ленинграде, в других городах страны. Записки эти очень интересны, и, публикуя даже некоторые из них, мы хотим подчеркнуть, насколько активно вы осмысливаете время, насколько требовательны к нему, насколько хотите перемен к лучшему и готовы трудиться для того, чтобы перемены эти наступили скорее. Оригиналы записок хранятся в редакции; чаще всего они подписаны именами и фамилиями, указаны и адреса. Спасибо за открытость и помощь!

Не намерена ли редакция издавать сборник в качестве приложения к «Огоньку», куда бы вошли основные, самые интересные материалы, опубликованные в последнее время?

Не пора ли переименовать Ленинградский университет имени А.А.Жданова?

Очень важно!!! В эти самые минуты, когда идет наша с вами встреча, на Дворцовой площади Ленинграда проходит репетиция торжественного открытия праздника-слета молодежи. Несомненно, пресса напишет об этом в торжественных тонах. «Огонек» наверняка поместит роскошные фотографии. Да, уже третью неделю тысячи учащихся ПТУ сняты с занятий и ежедневно репетируют (с перерывами) с утра до вечера. При этом обеспечение транспортом, питанием неудовлетворительное. Но самое главное — зачем эта пыль в глаза?

ЧИТАТЕЛЬ —

ЖУРНАЛ —

ЧИТАТЕЛЬ

Участников встречи
приветствует
Расул Гамзатов.

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

Майор Валерий Бурков,
вернувшийся недавно
из Афганистана,
исполняет свои песни.

В октябре 1964 года лидер нашей партии и глава правительства Н.С. Хрущев был смещен «по состоянию здоровья». Перед народом ему не предъявлены конкретные обвинения, а заслуги призабыты. Деятель, делавший первые шаги в демократизации общества (и спотыкавшийся), похоронен не на Красной площади, а тот, кто эти начинания свернул, довел страну до предкризисных явлений, похоронен как «верный ленинец». Надо восстановить справедливость.

Большая просьба! Когда будут обсуждаться вопросы о сооружении в Ленинграде памятников великим гражданам великого города—Ахматовой, Берггольц, Шостаковичу?

Актер Юрий Никулин сейчас сказал, что врачи призывают больше смеяться. Но врачам самим сейчас смеяться трудно: положение в здравоохранении печальное. Не планируете ли вы встреч с компетентным человеком, который дал бы обоснованный анализ сложившейся сложной ситуации и правдивый прогноз на будущее?

Почему бы не перенести прах Ф.Ф.Раскольниковца, о котором писал «Огонек», в СССР и с почестью похоронить?

Предлагаю на страницах журнала рассказать о судьбе каждого из членов первого Советского правительства.

Ставит ли журнал в известность компетентные органы о поступающих в редакцию с читательской почтой конкретных предложениях и мнениях, которые выходят за рамки компетенции редакции?

Почему в ВЦСПС и ВЛКСМ столько материалов с грифом «служебное»? Неужели столько секретов от рядовых членов?

Опубликуйте фотографию храма Христа Спасителя в Москве. О нем много говорят, но далеко не все представляют его себе.

Больше освещайте экологические проблемы, это важно.

Напечатайте «Все впереди» Белова, и долой со страниц «Огонька» всяких авангардистов.

Больше пишите о судьбах людей старшего поколения, о таких истинно советских людях надо больше писать.

Почему в напечатанном у вас письме Андрея Тарковского к отцу пропущены фамилии людей, причастных к тяжелой судьбе талантливого режиссера?

Ходят слухи, что вас накажут и закроют. Кто распускает их?

Больше пишите о противниках перестройки. Мы должны видеть их и знать.

Вот такие вопросы. От семисот до тысячи записок на каждом вечере...

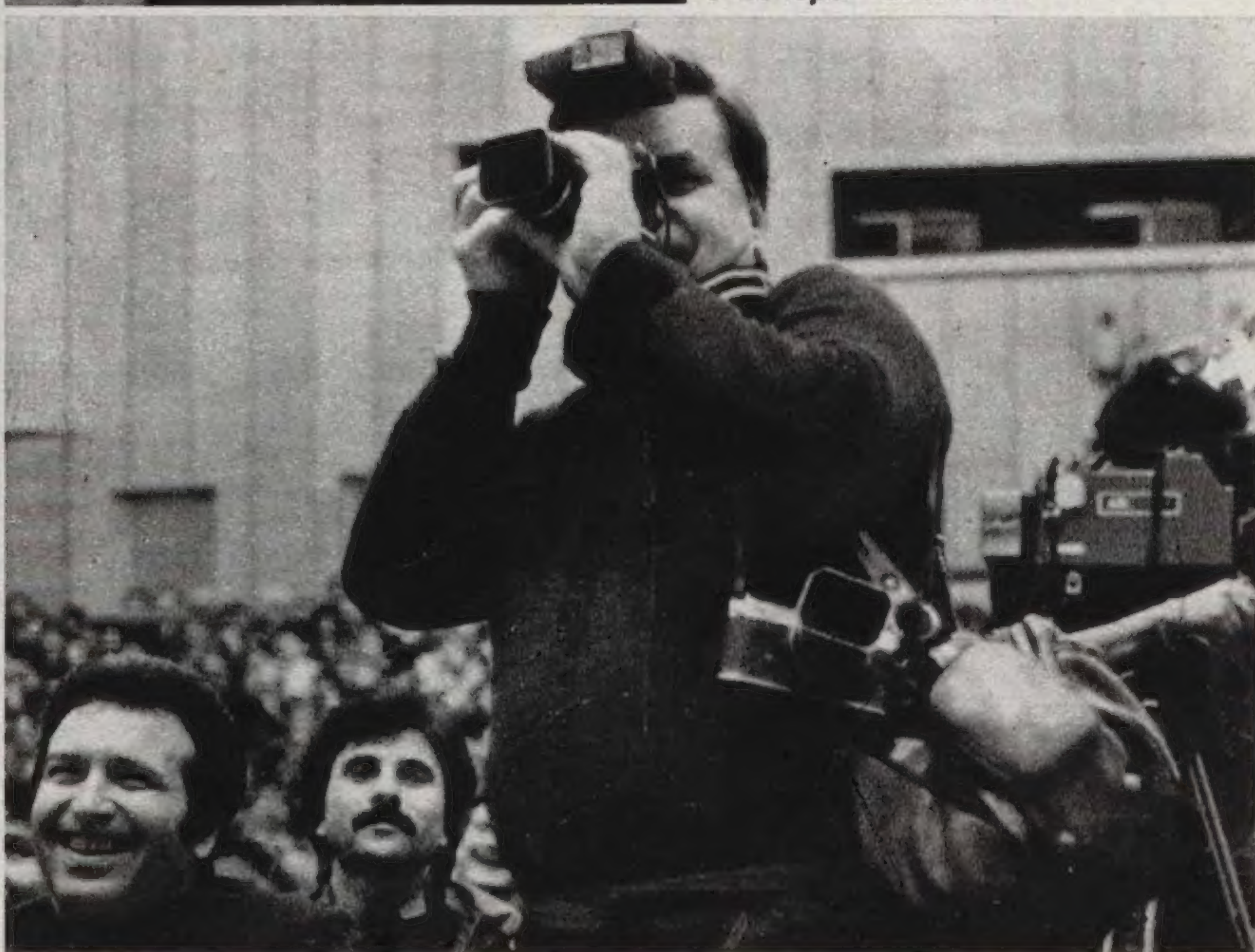
Подготовил подборку Феликс МЕДВЕДЕВ.

Евгений Евтушенко:
вопрос не прост,
как ответить?

Когда на сцене
Геннадий Хазанов...

Кадр на память
о вечере «Огонька».

Однажды, гласит легенда, сломался у Петра I любимый пистолет — «зело затейливой выделки и механики». Ни причину поломки, ни способа ее устранения не могли определить лучшие иноземные специалисты, хотя брались за дело многие. Прослышал о царской заботе и русский мастеровой. Прослышал и, не мудрствуя лукаво, отковал заново то, что было необходимо, а заодно заменил затейливую механику еще более хитроумной. Подивился Петр работе соотечественника, похвалил его и сказал: «Мы-то умельцев и рудознатцев за границей ищем, а они и у нас есть...»

ОНИ ЕСТЬ И У НАС!

**Виталий ЗАСЕЕВ,
Павел КРИВЦОВ (фото),
специальные
корреспонденты «Огонька»**

Легенда эта припомнилась мне, когда я слушал рассказ ведущих западногерманских специалистов Вильгельма Фосскуле и Клауса Рибшлегера, представляющих всемирно известную фирму «Шлеманн-Зимаг» (сокращенно СМС). Встреча проходила в Старом Осколе, на крупнейшем в Европе электрометаллургическом комбинате, «начинку» которого и поставила нам вездесущая СМС. Поставила, как водится в этих случаях, за весьма приличную сумму. Оба мои собеседника, не скрывая удовлетворения от совместной работы, уважительно отзывались о советских электронщиках. «Многие из них, — говорил представительный В. Фосскуле, — обладают той же квалификацией, что и лучшие наши компьютерщики. Большинство из них без особого труда вписались бы в инженерную «команду» фирмы, которая поставляет свое оборудование не только всей Европе, но и многим странам Северной и Южной Америки, Азии и Африки...»

Уверенные в себе представители СМС рассуждали не спеша, а мне в паузах отрывистой немецкой речи слышались все те же слова: «Мы-то умельцев и рудознатцев за границей ищем, а они и у нас есть...»

В мудрости этих слов я лишний раз убедился, знакомясь с работой коллектива новейшего Старооскольского комбината, где долгие месяцы велось соперничество между фирмой-постав-

щиком и только что народившимся инженерным коллективом предприятия.

Справедливости ради следует заметить, что счастливые улыбки на лицах наших ребят начали появляться совсем недавно.

— До этого, — скажет позже в беседе с корреспондентом «Огонька» начальник вычислительного центра электросталеплавильного цеха Валерий Бекасов, — мы отработывали умение хранить достоинство в минуты полнейшей растерянности. Или, попросту говоря, старались сохранять хорошую мину при плохой игре...

«Игра» и впрямь была тогда никудышной. Поставщики сразу это поняли и, симулируя сочувствие, принялись методично и безжалостно

Инженеры-программисты Владимир Сизинцев и Марина Каплиенко.

«учить хозяев жить по суровым законам свободного предпринимательства». Расставили, к примеру, старооскольцы уникальную импортную аппаратуру не в строгом соответствии с предписаниями фирмы, — и тут же педантичная СМС наотрез отказалась вести наладку. Заметили ее представители несколько повышенную степень влажности в помещениях — и вновь санкции.

А время не ждет. Горят планы ввода предприятия, простаивает техника. Пришлось нашим инженерам повысить засучивать рукава...

Со многими представителями ведущих профессий сталеплавильного производства беседовал я на комбинате, и все они — и сталевары, и вальцовщики, и машинисты насосов, и наладчики — в один голос с нескрываемым восхищением говорили об «инженерном дивизионе» комбината, который на своих плечах поднял это уникальное детище современной индустрии. И не только поднял, а вдохнул в него жизнь и «разум».

Чтобы окончательно понять, какую роль на Оскольском электрометаллургическом комбинате играет сегодня инженер, приведу такой пример. Все управление гигантом осуществляется с единого вычислительного центра. Компьютеры держат под контролем все технологические процессы, и малейшее отклонение от нормы тут же фиксируется на светящихся круглые сутки дисплеях. «Настроение» сверхмощных электросталеплавильных печей емкостью в 150 и 200 тонн так же держится под контролем компьютеров.

— Отдадим должное западногерманским инженерам, — говорит Валерий Бекасов. — Электроника, которую они производят и поставляют, заслужива-

ет высочайшей оценки. И нам есть чему поучиться.

Судя по тому, с каким уважением говорит Валерий о своих коллегах с фирмы СМС, я понимаю, что зла он на них не держит. Хотя, если признаться честно, основная тяжесть последствий «войны нервов» легла на его плечи и плечи многих других наших молодых электронщиков из вычислительного центра.

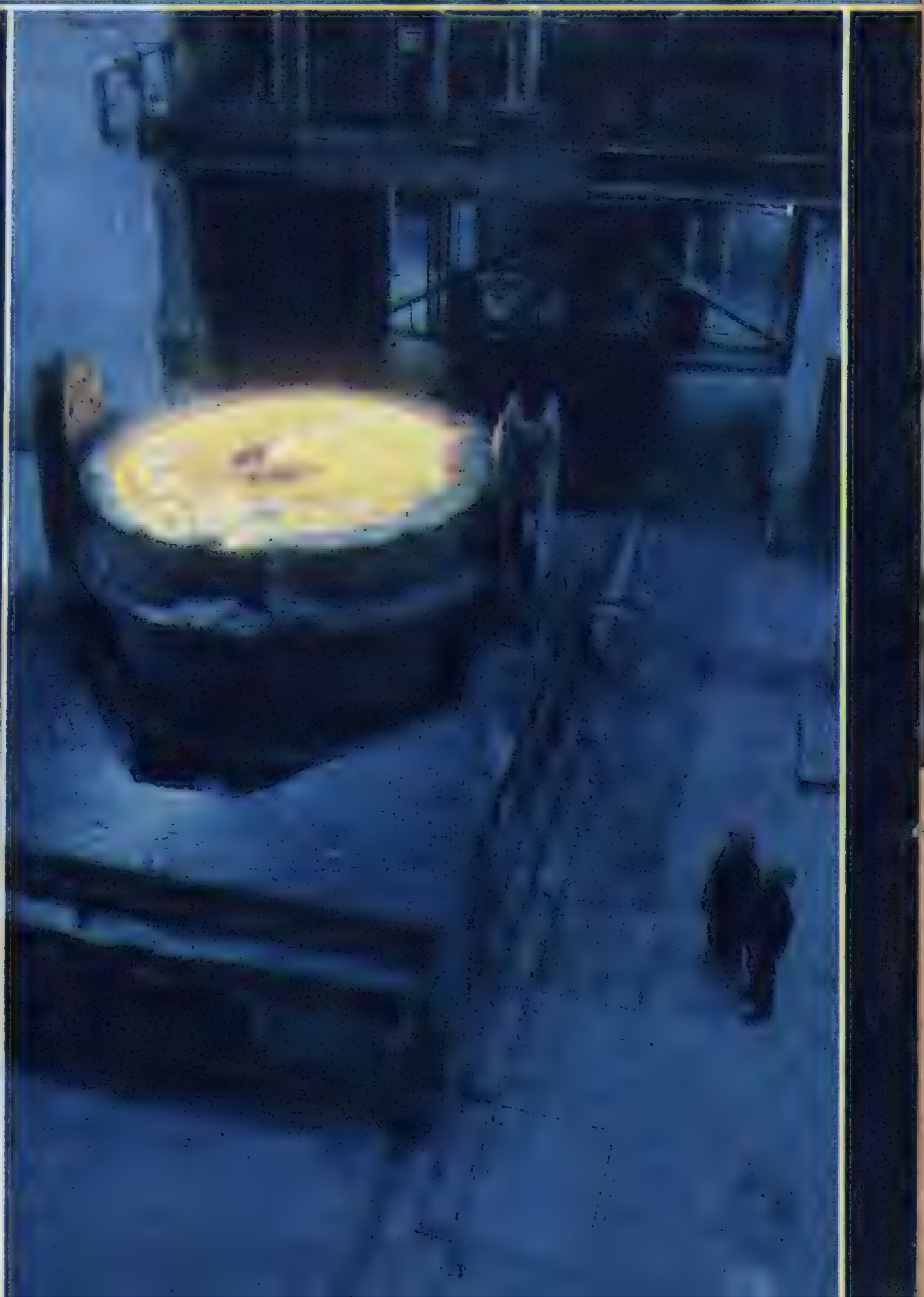
Взять, к примеру, электросталеплавильный цех и его участок разлива. Установили наладчики в центральной лаборатории автоматизации фирменную электронику, а на климатические условия, в которых ей положено трудиться, рукой махнули. А когда СМС предъявила ультиматум — сами же от себя откrestились. И поехал Валерий Бекасов по стране искать электронщиков, способных «с листа прочесть» то, что годами создавали «классики европейской компьютерной цивилизации» из Дюссельдорфа.

Хорошо представляю себе, как приезжал в Москву, Ленинград, Харьков, Воронеж худенький очкарик из Старого Оскола, с прожиточным максимумом в два рубля шестьдесят копеек и без всякой надежды на место в гостинице. Приезжал и соблазнял лучших молодых компьютерщиков работой на комбинате, прельщал — чем бы вы думали? — трудностями наладки и жильем... в необозримом будущем.

Не зря говорят в народе, что покой пьет воду, а беспокойство — мед. Мотался В. Бекасов по городам и весям, спал на вокзалах, собрал-таки под свои знамена несколько десятков «элек-

На посту управления — оператор сортопрокатного цеха Дмитрий Долгих.

тронщиков от бога». Собрал, привез в Старый Оскол и принялся за дело. Вопрос с запыленностью и влажностью помещений, где были установлены чувствительные ЭВМ, новички решили просто: взяли и поместили дорогостоящее оборудование под стеклянные колпаки. А чтобы до конца соблюсти условия контракта с СМС — приспособили к ним отечественные кондиционеры, те, что, как орлиные гнезда, торчат по фасадам учреждений. Получилось не очень красиво, но зато полностью соответствовало нормам. Верно, для этого пришлось «команде Бекасова» провести «раскулачивание» кабинетов и приемных всех руководящих работников комбината. Единственный кондиционер, который уцелел на своем месте, находился в кабинете директора комбината. Его хозяин, Алексей Алексеевич Угаров, был в отъезде, и ребята не отважились на решительный шаг. За что впоследствии получили от него строжайший нагоняй.

— Вот уж никак не думал, что и молодым компьютерщикам присуще низкопоклонство перед начальством! — шумел по возвращении на комбинат А. Угаров. — Первым должны были забрать кондиционер из моего кабинета.

Тогда и остальные было бы получать много легче.

Ребята, как могли, оправдывались, ссылаясь на всеобщее уважение к директору, на высокий его авторитет в коллективе.

— Авторитет ни званием, ни размером приемной не измеряется, — наступал на них Алексей Алексеевич. — В любом деле авторитет нуждается не только в постоянном испытании на прочность, но и в проверке на человечность...

Молодые электронщики хорошо запомнили слова об испытании авторитета на прочность и вскоре, к полной неожиданности А. Угарова, преподнесли руководству комбината сюрприз.

— Верите, поначалу у меня даже сердце остановилось, — признавался позже Алексей Алексеевич. — Решил, что на этот раз не избежать нам междоусобицы народного скандала и приготовился к самому худшему...

Телефонный звонок прервал моего собеседника на самом таинственном месте повествования и, чтобы не томить читателя, коротко расскажу о сути дела.

С появлением на комбинате «команды Бекасова» наладка аппаратуры ускорилась чуть ли не вдвое.

Но стоило одному из ее самых смиренных участников Владимиру Скидоненко получить для отладки электронную программу управления печами замедленного охлаждения, поставленную фирмой, как он тут же напроць ее забраковал. «Уж не хватили ли через край «электронщики от бога», — заволновались на комбинате. — Как-никак, а ведь у них ни опыта работы с подобными программами нет, ни соответствующих знаний, ни навыков».

— Готовясь к встрече с посрамленными поставщиками, — вспоминает А. Угаров, — пригласили мы на «консилиум» главного возмутителя спокойствия. А когда увидели его, смущенного, нерешительного на людях, то и вовсе забеспокоились. Но когда речь зашла о программе, о ее «насыщенности», В. Скидоненко убедительно и четко доказал поставщикам ее полную несостоятельность. И тем ничего не оставалось, как принести свои извинения и... уплатить довольно-таки солидный штраф за некачественную работу.

Владимир Скидоненко, о котором рассказывал директор, встретил корреспондента «Огонька» без особого энтузиазма. Выпускник Харьковского авиационного института, специалист по прикладной математике, он и сегодня считает, что «не боги горшки обжигают» и что «нечего нам снизу вверх смотреть на зарубежных специалистов».

— Беда многих наших молодых компьютерщиков, — считает Владимир, — состоит не в том, что они мало знают, а в том, что, учась в институте, они оторваны от жизни. Так, к примеру, за год работы в вычислительном центре на Старооскольском комбинате можно большему научиться, чем за годы учебы в вузе. Что касается безоговорочного авторитета западных фирм, — то это явление временное. Социально-экономическое развитие страны, намеченное XXVII съездом КПСС, думается, вскоре даст нам возможность на равных конкурировать с передовыми странами мира.

Дальнейшие события на комбинате в связи с этим развивались также по сценарию «команды Бекасова». Заплатив штраф, фирма, конечно же, была уверена, что старооскольцы вынуждены будут обратиться к ней за помощью. Но... не тут-то было. Владимир Скидоненко со своими товарищами создал для зарубежной ЭВМ свою программу и заставил машину трудиться по-новому. И как трудиться! Ни единого сбоя, ни одной ошибки за многие месяцы работы.

Знакомая со многими молодыми нашими электронщиками, которые смело взялись осваивать совершеннейшую западногерманскую технику на электрометаллургическом комбинате, я подметил в их характере одну общую для всех черту, которая не могла не броситься в глаза, не могла и не понравиться. Речь идет о развитом чувстве собственного достоинства. Нет, не о себялюбии я сейчас говорю. А о том самолюбии, которое, по словам великого писателя, как архимедов рычаг, землю с места может сдвинуть.

...Синие глаза Валентины Дойниковой, когда она вспоминает о своем недавнем «поединке» с Матсом Хансеном, то вспыхивают огнем, то делаются совсем темными. Валя и сегодня остро переживает всю эту историю и, разволновавшись, долго не может успокоиться.

— Представьте себе, что на восемьдесят процентов программа, которую поставили нам для машины шведские специалисты, оказалась непригодной, — рассказывает В. Дойникова. — Работа остановилась. Надо было предпринимать срочные меры. С комбината откомандировали в Швецию двух человек, но, как выяснилось позже, не тех, кого надо было. И тогда поставщики прислали своего специалиста, чтобы он обу-

чил русских «компьютерной грамматикой». И вот в Старый Оскол прибыл Матс Хансен. Что и говорить, программист он высокого класса, только приехал к нам с уверенностью, что будут его здесь чуть ли не на руках носить.

Однако вскоре швед понял, с кем имеет дело. Валентина буквально «вцепилась в Хансена». Нередко «поединки» между «учителем» и «ученицей» заканчивались спорами, в которых доводы В. Дойниковой были доказательными. Под конец работы Хансен возмущался о пощаде и, выложив все, что было необходимо для совершенствования программы, улетел восвояси.

— Попробовал бы Матс схалтурить, — смеется сегодня Валентина, — так ему была бы уготована судьба Германа Круппа, западногерманского программиста, которого, по требованию молодых советских электронщиков, фирма-поставщик отозвала из Советского Союза как не справившегося со своими обязанностями...

Полтора миллиона тонн высококачественной стали в год дает сегодня Старооскольский металлургический. Новейшая технология производства металла, основанная на прямом получении железа из руды, позволила исключить из его состава такие источники загрязнения окружающей среды, как аглофабрики, доменные цеха, коксохимпроизводство. Здесь все сделано для создания наиболее совершенных условий труда. Так, для снижения вредных воздействий печей на окружающую среду каждая из них заключена в шумоизолирующий кожух. Впервые в отечественной черной металлургии вместо железнодорожного транспорта для межцеховых и внутрицеховых перевозок здесь используются конвейерные системы, самозагружающиеся автошлаковозы и многое, многое другое.

Действительно, нет равных сегодня в стране производств тому, которое создано руками нашей молодежи в Старом Осколе. Самофинансирование, самокупаемость — вот критерии, до которых предстоит подняться молодежному коллективу.

...Над Старым Осколом раннее утро, идет редкий снег. По серым тропинкам, протоптанным ночной сменой, спешат на вахту сталевары и наладчики, разливщики стали и вальцовщики, крановщики и электронщики. Легкий морозец размягчил им лица, добавил энергии в походку. Вот промелькнуло знакомое лицо Володи Сизинцева, которого даже среди компьютерщиков уважительно называют «мозгом и памятью» вычислительного центра. (Это он, Владимир Сизинцев, как никто другой на комбинате, может в считанные минуты установить «диагноз болезни» любой, самой сложной и дорогостоящей ЭВМ. И не просто установить, а и прийти ей на помощь.)

Легкой походкой прошли мимо вчерашняя выпускница Харьковского института радиотехники Марина Каплиенко и ее земляк Сергей Кумов. О чем-то переговариваясь, идут рядом сталевар внепечной обработки Дмитрий Хомяков и мастер-механик Андрей Дударев, оператор Виктор Вивчаренко и старший инженер Александр Устинов. Это они четвером разработали и внедрили на комбинате новый способ очистки шестнадцатикубовой шлаковой чаши, сэкономив производству десятки тысяч рублей...

И сколько же их таких трудится здесь сегодня! Молодое, динамичное пополнение перестройки! Это про всех про них сказал Михаил Сергеевич Горбачев: «...Мы можем гордиться нашей молодежью, воздаем ее труду должное — это и фактически верно, и политически правильно. Но время требует от каждого еще большей энергии. И, конечно же, молодежь, заинтересованная в перестройке, должна действовать активнее. Ей жить и работать в обновленном обществе».

Рабочее собрание.

В вычислительном центре.

Участок разливки электрошлакового цеха № 2.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА АВТОБАНАЕ

ИЗ ДАЛЬНИХ
СТРАНСТВИЙ
ВОЗВРАТЯСЬ

Лев СТРЖИЖОВСКИЙ

Автобан № 7 пересекает Западную Германию с юга на север, соединяя крупнейший международный аэропорт Франкфурт-на-Майне с вольным ганзейским городом Гамбургом.

Как и положено скоростной дороге, он проходит вне городов, по пустынным полям и лесам, и все населенные пункты вдоль дороги № 7 появились уже как ее спутники. Шестисот с лишним километров наезженной, ухоженной сверкающей асфальтовой ленты, местами несущей по четыре ряда машин, мы проехали с одной остановкой всего за пять часов чистого времени. Цифра не рекордная, хотя и вполне приличная для непрофессионалов. Но сразу хочу оговориться, что дело не в водительском мастерстве, а в тех условиях, которые позволяют держать стабильно среднюю скорость 120 километров в час. Дорога № 7 позволяет!

Автобаны в Западной Германии окружены любовью, поклонением и легендами. Культ этот оправдан: идеальные условия позволяют ездить быстро и на дальние расстояния, так что многие западные немцы предпочитают автомобиль другим средствам передвижения. Легенды, искусно раздуваемые, возводят автобан в некое немецкое чудо. Первая из них гласит, что скоростные дороги были придуманы и спроектированы лично фюрером.

Фриц Тодт, «старый камерад», позднее получивший титул «генерального инспектора немецких дорог», назвал

первые скоростные шоссе «километрами фюрера». Эта сторона деятельности Тодта мало известна у нас в стране. Мы больше слышали и знаем о «службе Тодта», инженерных частях вермахта, обеспечивающих армейские саперные работы. Однако служба фюреру для мюнхенского обер-инженера строительной фирмы «Загер унд Вернер» началась именно с прокладки скоростных дорог. Он — творец этой легенды.

С помощью Геббельса легенда обросла подробностями и стала еще одной национальной ипостасью фюрера: Гитлер — духовный отец и создатель автобана. Позднее к ней добавили, что семь миллионов безработных были спасены от голодной смерти благодаря участию в строительстве скоростных дорог. Когда после войны началось разоблачение национал-социализма, постепенно дошло дело до этой главы его истории, и тогда обнаружилось, что она лжива от начала до конца.

В действительности первая четырехрядная трасса, предназначенная только для скоростного движения автомобилей, была построена итальянским инженером П. Пурицелли в 1924 году. В том же году в Германии возникло «Общество по изучению вопроса об автострадах», а два года спустя — «Объединение подготовки строительства автотрассы Гамбург — Франкфурт — Базель» (сокращенно «Гафраба»). Немного позже начались строительные работы, а движение на первом участке новой дороги открылось в 1932 году. Приход нацистов к власти привел к созданию в 1937 году «Имперского объединения автострад». В нем собраны ранее разработанные проекты, которые позднее и были выданы Тодтом за «гениальные планы фюрера».

Когда нацисты принялись за скоростные дороги, используя их в стратеги-

ческих целях, были уже готовы четыре участка немецких автобанов, чей опыт и лег в основу будущего строительства. Прокладывали их безработные в порядке «чрезвычайных работ». Характерно, что весь «Гафраба» полностью был закончен лишь в 1962 году. Объясняется это тем, что фюрер отдавал предпочтение стратегическому автобану Ост — Вест. Так выглядит на самом деле история проектирования, создания и прокладки скоростных дорог. Невозможно убедиться, что Гитлер оценивал их лишь как стратегические объекты, и никакого отношения к подлинному авторству не имел. Так рушится легенда, как не выдержавшая исторической проверки, и все, что накручено вокруг нее, предстает в ином свете.

Совсем по-другому, например, выглядит миф о занятости безработных. Нацисты утверждали, что «провидение фюрера» заключается не только в идее прокладки дорог, но и в привлечении к их строительству семи миллионов безработных. Теперь доказано, что временами лишь четыре процента (от семи миллионов) безработных действительно привлекались к строительству. Остальных старались использовать на других работах, преимущественно военных.

Так, насаждая одну ложь на другую, нацисты пытались объединить народ вокруг общенациональных ценностей. Автобаны были одной из них. Бывшие солдаты первой мировой войны, ставшие безработными в результате экономического кризиса, тянули многорядные ленты со скоростью улитки и упорством муравьев. «Мирная программа» оказалась строительством военных объектов. Рабочие вскоре стали солдатами. Они прокладывали, как оказалось, рельсы войны. Обещанный им путь к славе Германии на самом

деле оказался дорогой в небытие. Так обманывали нацисты собственный народ.

Такова история автобана, уходящая корнями в черные времена нацизма. О ней вряд ли знают тысячи водителей, мчащихся ежедневно по прямым бетонным полосам. Ничто не отвлекает их внимания от быстрой езды. До сих пор дороги остаются за пределами городской цивилизации. Можно проехать мимо большого центра, так и не увидев его. Он прячется где-то за горизонтом, и о его приближении сообщает только крайняя правая полоса, над которой появляются указатели. Полоса словно нижет на себя информацию. Если, как принято считать у нас, «язык доведет до Киева», то в ФРГ автобан доведет куда угодно. По дороге не у кого, да и незачем спрашивать, все написано на указателях.

Другая особенность автобана — прямолинейность. Он прям, насколько хватает глаз. Встречаются, конечно, «лепестки» и «развертки», но повороты — никогда. Даже пересечения дорог сделаны в разных уровнях. Эта прямолинейность порождает однообразие, она требует постоянного внимания. На автобанах не останавливаются, а только меняют ряд и скорость. Едешь в своем ряду до конечного пункта, едва успеваешь глянуть по сторонам.

Одно из условий быстрой езды — оперативная и четкая информация на всем пути следования. Она содержится во всевозможных справочниках и картах с особым вынесением всех попутных городов и деревень. Посмотрел один раз, запомнил номер шоссе — и этого достаточно, чтобы доехать до места следования. Главное на автобанах — дорожные знаки. Они предупреждают водителя о городах, которые он проезжает, о скорости, которую на дан-

ном отрезке надо держать, об условиях погоды, близости полицейского инспектора и многом другом. В конце концов к ним привыкаешь и даже проникаешься симпатией за их почти одушевленную заботу и внимание.

Но вот стоп! Происходит нечто непонятное. Среди дорожных знаков появляются нестандартные — небольшие желтые круги. На них обозначены черные силуэты военной техники. Они явно специального назначения. Мы сбрасываем скорость, раз, другой, третий. Надо присмотреться и выяснить, кто и для кого поставил необычные знаки. Наконец приходит догадка — эти дорожные знаки установлены для военной техники НАТО. Оказывается, в Западной Германии есть и такие! Проехав многие километры, начинаешь их различать: изображения грузовика, боевой машины пехоты, ракетной установки, танка с обозначением цифр под каждым силуэтом вписаны в желтый круг. Черное на желтом означает четкость и видимость. Назойливо повторяясь через несколько километров, новые знаки предписывают каждому виду военной техники двигаться с определенной скоростью. Так складывается двойная бухгалтерия дорожных правил, предназначенная для мирного времени: одна — для граждан, другая — для солдат. Надо ли говорить, что «фольксваген» принесен в жертву танку: когда по автобану движется военная колонна НАТО, машины мирных граждан жмутся к обочине.

А все же, насколько безопасна езда на автобане? Если отвлечься от военных ассоциаций, танков и боевых машин, у западногерманского водителя на дороге есть еще один не менее коварный и опасный враг по имени «король Алкоголь». На автострадах он собирает щедрую дань. Здесь необходимо некоторое пояснение. В 1968 году бундестаг утвердил закон о том, что содержание алкоголя в крови водителя не должно превышать 0,8 промилле. Практически это обозначает: стакан доброго пива, рюмка алкоголя и добавление еще чего-нибудь крепкого за вечерним телевизором.

Когда бундестаг одобрил новый закон, раздавались трезвые голоса, требовавшие еще снизить границу «алкогольного лимита». В ходе научного эксперимента редакция популярного еженедельника «Штерн» направила 25 водителей после выявления алкоголя в крови на тренажеры заводов «Фольксваген» в городе Вольфсбурге. Опытные врачи установили, что при наличии «законных» 0,6 промилле у испытуемых происходило в три раза больше аварий, чем на трезвую голову. Типичная ошибка: они переезжали на противоположную полосу и не вписывались в повороты.

Уже тогда врачи предупреждали, что, с их точки зрения, закон является «крайне великодушным». Давно выявлено, что при 0,3 промилле ослабевает острота зрения, что ведет к ошибочной оценке скорости и определению удаленности. Фары ослепляют такого водителя на более долгое время, а спектр обзора постепенно сужается до туннеля. Замедляется реакция на оптические и звуковые раздражители.

С появлением в бундестаге депутатов от партии «зеленых» вопрос о правилах езды приобрел политическое значение: «зеленые» включили его в свою программу. Они требуют в бундестаге полного запрета на потребление алкоголя за рулем. Бывший министр транспорта В. Доллингер (ХСС) ответил: «Это нереально. Изменение закона не является подходящей мерой для решения проблемы. Мы нуждаемся в усилении разъяснительной работы, а также контроле».

То, о чем я рассказываю, имеет самое непосредственное отношение к автобану. Вот паркуется машина, только что мчавшаяся впереди тебя по полосе, и водитель входит в придорожный ресторанчик. Первый шаг к стойке, где

его уже ждет хозяин. Короткий кивок — и хорошая кружка пива следует почти одновременно. Потом человек располагается за столом и приступает к еде. Так же, как он, поступают и остальные попутчики. А хозяин рестораника держит свой бар лишь в расчете на них. Заведение расположено прямо у автобана. Такие современные «постоялые дворы» представляют собой небольшой жилой комплекс, где есть все необходимое для проезжающих. Но подниматься вверх, где находятся жилые комнаты, чтобы отдохнуть несколько часов, не принято. Эти номера, словно нарочно, держат для проезжих парочек, которые с удовольствием пользуются предоставленной свободой. Благо паспорт никто не спрашивает и в книге приезжающих можно записаться под любой фамилией.

Глядя, как сосед после сытного ужина, разомлевший от пива и телевизора, садится за руль и пристегивается ремнями (это уж обязательно), невольно пропускаешь его вперед. Пусть сам выбирает и полосу и скорость и едет, куда хочет. Как утверждает статистика, за три года на западногерманских дорогах снова должны погибнуть 28 человек, половина из которых, согласно статистике, приняла алкоголь. Оказаться даже трезвому человеку в их числе — ох, как не хочется!

...Вот уже много километров справа и слева автобана тянется изгородь высотой в рост человека. Она состоит из натянутой мелкоячеистой железной сетки. Временами она прячется в листве или кусте винограда, и тогда становится совсем невидимой. Сначала нам показалось, что это местные крестьяне отгородили свои участки от дороги. Но площадка для отдыха, каких на автобане немало, была выгорожена такой же мелкой сеткой. Оказалось, что изгородь поставлена земельными властями, а точнее, принадлежит автобану. Она относится к нему так же, как дорожные знаки и вся дорожная оснастка.

Деньги здесь считать умеют и зря не бросают. Для чего же понадобилась эта прочная, обстоятельная загородка, протянувшаяся на долгие километры и потому весьма недешевая?

Все объясняется весьма прагматично: автобан изолирует от окружающего царства животных. В окрестных заповедных лесах, на бескрайних полях, тянущихся до горизонта, водятся много всякой живности. Если это не частное владение, то в определенные сроки здесь разрешается охота. Но в последние годы благодаря охранам мерам мелкого зверья стало необычайно много. Вот тогда и появилась изгородь. Теперь никто из лесных животных не может выскочить на дорогу. Для выхода людей через определенные промежутки в изгороди сделаны калитки. Так обеспечивается одно из главных условий быстрой езды — отсутствие на автобане всяких помех и прежде всего диких животных.

Любопытна еще одна деталь, тоже появившаяся на скоростных дорогах за последние годы. Разорение мелкого крестьянства (в год исчезает 15 тысяч ферм) выплеснуло к автобанам новые города и поселения. Теперь случается, что дорога пронизывает новый населенный пункт или режет деревню пополам. Поток машин не прерывается ни на минуту. Если надо ехать на большие расстояния, в Западной Германии предпочитают ехать даже ночью. Поэтому на автобане, особенно в дни уикэнда, стоит неумолчный гул. Постоянный монотонный рокот движущегося транспорта — звук не из приятных. Он не успокаивает, скажем, как морской прибой, а заставляет нервы напрягаться. Когда сам сидишь за рулем, его не ощущаешь. Но стоит остановиться, как попадаешь во власть автомобильного гула. Он низок, объемлен, монотонен. Это не шум двигателя одной машины, а слившийся в общий хор шум тысяч лошадиных сил, бушующих в цилиндрах.

С непривычки начинает болеть голова, стучит в висках. Впрочем, не берусь судить, можно ли привыкнуть к нему вообще.

Жить дома в таком шуме — сущий ад. А поскольку все большее число жителей соприкасается с автобаном, проблема приобрела общенациональный характер. Архитекторы нашли выход. В некоторых населенных пунктах, через которые идут скоростные трассы, установлена специальная защитная стенка. Она сложена из особого красного кирпича толщиной в два-три камня. Та ее сторона, что обращена к жилым кварталам, гладкая и ровная, как обычная стена кирпичного дома. Поверхность, выходящая на автобан, ребристая и неровная. Секрет состоит в особой формовке кирпича, который имеет разные грани на поверхностях. Выпуклая ребристая стена позволяет гасить звук, не дает образоваться эху. Отражаясь от неровной поверхности, шум растекается по автобану вперед и назад. Чтобы убедиться в надежности такой стенки, надо постоять возле нее, обойти вокруг. Эффект поразителен: по одну сторону — раздражающий шум транспортного потока, по другую — спокойная тишина нормальной городской жизни. Красиво и практично, хотя ясно, что такая «изоляция» не из дешевых. Далеко не все города, через которые мы проезжали, могут позволить себе отгородиться от автобана.

Еще одна особенность скоростного шоссе заключается в том, что сбоку почти на всем его протяжении тянется мелковолнистая полоса асфальта, так называемая «стиральная доска». Стоит водителю задремать и ослабить управление, как машину заносит на обочину, и она попадает на «стиральную доску». Эффект поразителен — мелкая зыбь тряски моментально возвращает к действительности. Приспособление очень практично, потому что во многих случаях избавляет от серьезных травм и аварий. С какой бы скоростью ни мчалась машина, «стиральная доска» в состоянии существенно погасить ее.

Когда мчишься по скоростной дороге № 7, то перед тобой предстает огромная экологическая карта страны. Поля, леса, заросли хмеля и винограда. Но сегодня западногерманские леса гибнут от человеческой цивилизации. С автобана особенно хорошо видно, как мертвый лес чередуется с живым. Я долго пытался найти образ, способный передать картину мертвого леса. Это какой-то сюрреализм: реально и в то же время нет! Пейзаж без красок: ржавые деревья, ржавый подлесок, ржавые кусты. Только трава сохраняет свой зеленый цвет. На фоне яркого голубого неба, в свете солнечного дня скелеты деревьев вырисовываются особенно рельефно. Таких мертвых участков, как утверждают ученые, будет все больше. Леса умирают. Отчего?

Болезнь, поразившая европейские и больше других западногерманские леса, вызвана так называемыми кислотными дождями. Отходы промышленного производства выбрасываются в атмосферу и затем снова возвращаются на землю. Монополии экономят на строительстве очистных сооружений. Химики установили, что в воздух поступают сернистый ангидрид и окислы азота. В результате реакции этих веществ с водяными парами атмосферы образуются слабые растворы серной и азотной кислоты — кислотные дожди. Зловещие осадки могут выпадать и как твердые частицы вместе со снегом и туманом. Абсорбируясь в почве, они поражают корни деревьев и окружающую растительность.

Гибель леса превратилась в общенациональную проблему. По заданию правительства был подготовлен специальный доклад, проведены дебаты в бундестаге, выработаны определенные рекомендации. Однако бороться с национальным бедствием оказалось весьма трудно. На сегодняшний день темпы

гибели лесов удалось лишь сбить, свести к определенному уровню. Зеленые массивы продолжают гибнуть. Надо выполнять рекомендации ученых. Но... Как ни банально на первый взгляд это утверждение, но монополии не желают расставаться со своими прибылями, не считаются с общенациональными интересами. Автобан — главное тому доказательство, ибо, как оказалось, все, что на нем происходит, губит лес.

ФРГ единственная страна в Западной Европе, где скорость езды не ограничена. На автобане она регулируется знаками, но формально для нее существует один предел: количество лошадиных сил, заложенных в автомобильных моторах. Западные немцы гордятся своей скоростной ездой. В то же время научные исследования и опросы общественного мнения, отводившие машине второе место по вредности, единодушно предлагали регулировать и уменьшить количество ее выхлопных газов. Кроме заводских изменений, которые фирмы обещали заложить в выпускаемые модели, существовал еще один путь: ограничение скорости. «Темполимит» — как звучит оно по-немецки. Сорок семь процентов опрошенных высказались за темполимит.

Это соответствовало научным прогнозам, согласно которым ограничение скорости до ста километров в час на автобанах и до 80 — на международных линиях является оптимальным и экономным для окружающей среды. Подобное ограничение лишь у половины летящих по скоростным трассам машин предотвратит выброс в атмосферу за год 120 тысяч тонн токсических веществ. А если — теоретически — все западногерманские водители будут придерживаться темполимита, это сэкономит 240 тысяч тонн — восемь процентов, распыляемых в воздухе окисей. Цифра впечатляющая!

Правительство канцлера Коля вынуждено было прислушаться к мнению общественности. На отдельных участках автобанов и в ряде городов страны официально было введено ограничение скорости. Эксперимент продолжался год. За это время на общественность обрушился поток цифр и доводов, доказывающих, что введенный темполимит практически ничего не дает окружающей среде, и, кроме неудобств, ничего не приносит водителям.

Подобного результата и ждало правительство. Канцлер Коля поспешил заявить, что до тех пор, пока он останется канцлером, на западногерманских автобанах не будет введено никаких ограничений. Именно под нажимом нефтяных и автомобильных корпораций канцлер Коля принял свое решение. Смешно было бы ожидать от нефтяных монополий заботы о чужих лесах, когда речь идет об их собственных прибылях. Власть монополий оказывается сильнее общественного мнения, а их интересы берут верх над здравым смыслом.

Впрочем, внешне все выглядит благопристойно. С автобана видно, как дружно и споро корчуются погибающие леса. На наших глазах быстро и ловко специальные машины спиливали мертвые деревья и словно пробки выдергивали больные пенки из земли. На соседних участках в таком же темпе шла закладка новых лесов. Кое-где молодые посадки уже проклюнулись и тянули свои макушки вверх, к солнцу. И это чередование здорового леса, юного подлеска и ржавого сухостоя позволяет надеяться, что зеленые массивы, может быть, обретут новую жизнь.

...А как же с легендой об автобане? Сегодня она гласит: свободная езда для свободных граждан. Или: чем выше скорость, тем больше свободы. Легенда выгодна всем, и прежде всего монополиям. Покупай автомобиль, садись и езжай без всякого темполимита. Ведь автобан — часть западногерманского образа жизни, и все, что происходит на нем и вокруг него, неотделимо от сегодняшней действительности.

Думаю, что сегодня, в условиях перестройки, «Искусство кино», оставаясь журналом кинематографическим, не может существовать вне контекста театрального, литературного, вне контекста нашей социальной реальности. Чтобы расширить сферу журнальных интересов, мы специально ввели рубрику, — «Свободная тема».

На наших страницах выступали и выступят с острыми современными размышлениями Александр Гельман, Игорь Дедков, Егор Яковлев, Станислав Рассадин, Владимир Огнев, Инна Соловьева, Юлдуз Эдлис, Камилл Икрамов, такие авторитетные представители кинематографических профессий, как Евгений Габрилович, Николай Машенко, Юрий Богомолов, Али Хамраев, Виктор Демин, Андрей Плахов.

Горячий участок нашей жизни сегодня — это документальный кинематограф. Создаются острые, резкие документальные ленты, и судьба их отнюдь не оказывается простой. Некоторые ведомства, местные руководители по-прежнему склонны рассматривать документальный кинематограф как экранную Доску почета. С такого рода тенденциями мы ведем и будем вести решительную борьбу.

Одна из важнейших забот нашего кинематографа — новая базовая модель производства, созданная совместными усилиями Союза кинематографистов и Госкино, предполагающая решительную демократизацию кинематографа, гораздо большую самостоятельность создателей фильма и, естественно, большую ответственность за сделанное.

Одна из задач журнала — ликвидировать белые пятна в истории нашего кинематографа, а таких белых пятен, увы, немало. В этой связи хотелось бы обратить внимание читателей на документальную повесть Г. Файмана «Кинороман Михаила Булгакова», рассказавшую о драматической судьбе Булгакова в кино. Мы и далее будем печатать не опубликованные ранее материалы, касающиеся творчества или принадлежащие перу Сергея Эйзенштейна, Михаила Ромма, Григория Александрова, Сергея Герасимова, Сергея Юткевича. Причем материалы эти будут касаться и трудных для нашего искусства периодов, в частности 1949 года. Достаточно белых пятен было у нас и в освещении зарубежного кинематографа. В частности, бедное, отрывочное представление о польском, чехословацком кинематографе последних лет. Мы не видели многие лучшие фильмы из этих стран, мы не знаем некоторых лент классиков западного кинематографа. Задача журнала — наверстывать упущенное, создавать картину полную, объективную, движущуюся во времени.

Журнал продолжает публиковать сценарии, стараясь, естественно, выбирать лучшие. Советую обратить внимание на сценарий Леонида Зорина, Александра Алова, Владимира Наумова «Закон», который рассказывает о 1954—1955 годах, о начале реабилитации невинно осужденных. Предполагается опубликовать новые сценарии Н. Рязанцевой, Е. Евтушенко, А. Миндадзе, В. Кунина, молодых драматургов В. Вардунаса, Ю. Данилова...

Сегодня вниманию читателей «Огонька» предлагается отрывок из сценария Анатолия Гребнева «Процесс», который публикуется в ближайших номерах журнала. Автор — киносценарист, известный многими сценариями и фильмами о современности («Июльский дождь», «Старые стены», «Частная жизнь», «Время желаний», «Успех», «Прохиндада»), в своем новом произведении обратился к теме, хорошо разработанной в драматургии и кинематографе, но решает он ее, как нам представляется, по-своему, с попыткой взглянуть на вещи глубже и шире.

В этом смысле название сценария звучит расширительно — он не только о процессе судебном. Константин ЩЕРБАКОВ, главный редактор журнала «Искусство кино»

Рисунок
Петра
ПИНКИСЕВИЧА

Анатолий
ГРЕБНЕВ

ПРОЦЕСС

Дача представляла собой добротный дом с мезонином, хороший дом, и не прежних времен, а новых, то есть уже с модным архитектором, приложившим сюда руку. Нарисовал он, в частности, круглые окна-иллюминаторы рядом с прямоугольными, что-то похожее на корабль, и предусмотрел наряду с деревом также кирпич и металл. Над садовым участком тоже потрудился специалист. От калитки к дому шла ухоженная тропинка, а от ворот — бетонный въезд в гараж...

Так жил покойный Петр Георгиевич, выйдя в начале 80-х на заслуженную пенсию. В самом доме, в комнатах, интерьерах также все говорило о богатстве (в наших, разумеется, масштабах), но не безвкусном богатстве торговца, а, скажем так, запросах современного культурного человека, ценящего уют и комфорт при наличии к тому материальных возможностей. В одной из комнат, кабинете хозяина, размещалась его библиотека, и тут тоже было чему подивиться и, может быть, позавидовать. Как раз библиотекой и занялся приехавший сюда следователь Амелин, в то время как его помощник Корытов обследовал письменный стол, доставая ящик за ящиком.

Иными словами, шел обыск.

Перепуганные соседи-посетители сидели в креслах у камина. И время от времени появлялся — уходил и приходил — человек лет 35 в домашней куртке, Ахтырский-младший, сын Петра Георгиевича. Кстати сказать, он совсем не походил на отпрыска богатых, тем более несправедливо разбогатевших родителей.

Амелин разглядывал, перелистывал книги, снимая их с полок. Где-то между страниц был спрятан конверт, он выпал, Амелин нагнулся и поднял, там были деньги. Обернулся к сыну Ахтырского:

— Будьте добры, возьмите. — Протянул конверт. Заметил с искренней завистью: — Да, хорошие книги! Мережковский «Антихрист», Дрюон «Проклятые короли», вся серия, надо же!

— Да, — произнес Ахтырский-младший.

— Вы мне не подскажите: это кто здесь на фотографиях?

— Отец с матерью.

— А это?

— Это отец.

— Это?

— Брат отца.

— Он где сейчас?

— Умер.

— Эти два снимка?

— Четвергов Николай Петрович.

— Знакомая фамилия.

— Бывший председатель облисполкома, сейчас в Москве.

— И здесь Четвергов?

— Да.

— Они были друзья?

— Да. Были.

На первом снимке Ахтырский был молод, с заливчатым чубом из-под военной фуражки, погоны лейтенанта, грудь в орденах. И рядом молодая женщина с простым милым лицом — жена или еще невеста. Встреча после войны.

На другом снимке рядом с ним, теперь уже штатским, все еще молодым, в пиджаке с накладными плечами, начало 50-х годов, сидел такой же молодой, здоровый, мордастый Николай Петрович Четвергов, как только что выяснилось. Два друга.

И опять Николай Петрович. Постарше. Природа дала ему все, чтобы выйти в большие начальники: рост, осанку, волевые черты лица. И вот он теперешний. Трогательная надпись на обороте снимка.

— Вот эти несколько снимков мне придется взять у вас временно, — сказал Амелин.

— По какому случаю? — спросил Ахтырский-сын.

— Как имеющие отношение к материалам расследования.

— Какое они могут иметь отношение?

— Снимки будут вам возвращены, — сказал Амелин, оставив вопрос без ответа. — И записная книжка. Она у тебя, Михаил Иванович?

— Здесь, — отозвался Корытов.

Он пока что работал, не теряя времени, распорядившись содержимым стола столь же свободно и небрежливо, как ворочал чужие вещи, пожалуй, еще только таможенники. Иногда он к тому же и комментировал, не смущаясь присутствием сына:

— Посмотри, какие вещицы славные! А эту видел? Ого! А открыток-то! Это все поздравляют? Да, со всеми праздниками. И какие люди, ты только взгляни! Я отложу, разберемся... А вот, смотри-ка, орден! И орден Славы солдатский, ничего себе!

— Давай пиши, — напомнил ему Амелин.

Все было мирно, уютно, не хватало разве что чаепития в кругу семьи. Амелин опять подошел к полкам, что-то высматривая.

— Что вам надо? Я помогу, — сказал Ахтырский.

— Нет, это я так, простите, для себя. Большое место — книги. Я смотрю, «Проклятые короли», вся серия, семь книг или шесть?..

— Могу я узнать, что вы все-таки ищете и вообще по какому поводу, что вы инкриминируете отцу?

— А что ему теперь инкриминировать? — сказал Амелин. — Разве что уход из жизни, не спросив у нас разрешения. Но, я думаю, он сделал для себя правильный выбор.

— То есть?

— Ну, в общем, освободил себя и вас от всяких неприятных последствий.

— А именно? Говорите яснее!

— Куда ж еще яснее...

— То есть вы хотите сказать, что он это сделал сам?

— Этого мы уже не узнаем. Хотя и жаль. Ваши друзья поторопились, даже не соблюли всех формальностей. Видимо, очень спешили.

— Это было все согласно его воле.

— Вот видите, он даже и это предусмотрел. Во всяком случае, сохранил все, что мог. Как говорится, близок локоть, да не укусишь. Мы б, конечно, все это конфисковали.

— Кто «мы»?

— Народ. Суд, — сказал Амелин.

— А вы думаете, это одно и то же? — сказал Ахтырский-младший, но продолжать не стал: тут как раз подоспел Корытов с протоколом обыска, надо было расписываться под его каракулями, почерк у Корытова и впрямь был безобразнейший. Ахтырский читал, морщась, потом расписался в положенном месте, передал бумагу понятным и, не дожидаясь, пошел первым к выходу.

Здесь он дождался остальных, пропустил и, оказавшись рядом с Амелиным, продолжал с неожиданной запальчивостью, выкрикивая слова и фразы:

— А вам все мало! Пересажали полстраны, тюрьмы вон забиты, новый террор! Против кого? Против хозяйственников! Взгляните, понимаете ли! Вместо того, чтоб за хозяйство взяться! Все самое лучшее, что есть и было, энергичное, талантливое...

— Талантливое, да, — сказал Амелин. — Это вы правы. Такой дом отгрохать из ничего, из фруктов и овощей!.. Но я всегда вижу ту старушку с кошечкой в очередях. И эта старушка, между прочим, моя мать. Вот таким образом, — заключил Амелин, закрывая за собой калитку. На этот раз он все-таки выбил у начальства машину, за калиткой ждала «Волга», хотя что-то там, как всегда, барахлило, шофер Алеша возился, поднимая капот.

— Ну что, Алеша, уедем мы сегодня? — бодро спросил Амелин.

— Подцепить бы чем-нибудь, — высунулся Алеша.

— Еще чего!

— Аккумулятор, — объяснил Алеша, — черт бы его побрал. С ходу бы она сразу...

— Ну давай, — скомандовал Корытов, уже поставив на землю портфель и приготовившись толкать.

Алеша сел за руль, Корытов с Амелиным зашли сзади, навалились. Слава богу, стронули с места. Еще, еще!..

А из-за забора, оттуда, сверху, с украшенного венчиками балкона дачи, наблюдал это долгое трогательное зрелище Ахтырский-сын.

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

(Ремарка. Процесс продолжается. На тех же местах судья, подсудимые, защитники, прокурор и корреспондент в первом ряду, слева. Меняются конвоиры. Все как было.)

Судья. Расскажите, как это было в первый раз, что послужило толчком.

Аверьянов. Ну, был случай, я обиделся. Всем ордена, мне, значит, медаль какая-то, «За трудовую доблесть», что ли. Как раз награждение было. Взяла, значит, обида меня, прихожу к Шилову: так, мол, и так, Виктор Григорьевич, что это у вас, говорю, за порядки, двадцать лет я в торговле, всегда зная, то-другое, в передовых, а как, значит, орден, так все первому магазину, там у них любимчики! Ну, он выслушал спокойно, значит, говорит, отношения не налажены, сам виноват. Хочешь хороший орден, надо, значит, сделать выводы. Будешь с нами — будешь иметь все... Ну я, значит, понял. Принес эти пятьсот рублей. «Сколько?» — спрашивает. Я отвечаю: пять. «Пять — чего?» Я говорю: сотен. Даже обиделся про себя: ишь, чего захотел. Тысяч ему! «Ну-ну», — говорит. И так, прямо: «А я ведь не один». Ну, я еще пятьсот, черт с тобой!.. И пошло...

Прокурор. Получили орден?

Аверьянов. «Знак Почета».

Судья. «Я не один» — что в данном случае имелось в виду, как вы это поняли?

Аверьянов. Понял так, что кто-то в горисполкоме или в областном управлении, а может, и повыше, я не вдавался. Жить-то хотят все!

Судья. А конкретнее? Кому, кроме Шилова, передавали взятки, назовите.

Аверьянов. Что считать взятками. Угощения, подарки, так всем. Проще назвать, кому не перепало. Разве что вам не посылал, стеснялся. Такая жизнь, граждане судьи. Низший кормит высшего. Если оба в ресторане, кто достает бумажник? Это же известно. А тот — своего начальника и так далее...

Судья. Не будем философствовать, Аверьянов. Вам ставят конкретные вопросы, извольте так же конкретно отвечать. Кому еще давали деньги из здесь присутствующих? Буничу?

Аверьянов. Было раз. (К Буничу.) Один раз, по моему, под праздник, верно?

Судья. Обращайтесь к суду.

Аверьянов. В общем, так уже и не упомянешь.

Судья. Какие суммы в общей сложности вами переданы?

Аверьянов. Там правильно у вас указано. Четырнадцать вроде.

Судья. 14 тысяч Шилову?

Аверьянов. Да.

Судья. Шилов, вы подтверждаете эту сумму?

Шилов. Можно и так. Это ж все с потолка.

Судья. Не понял. Подтверждаете или нет?

Шилов. Подтверждаю.

Судья. У прокурора вопросы? У защиты?

Адвокат Терехин. Орден вы получили. Ну, а какие еще привилегии были вам от Шилова? От Бунича?

Аверьянов. Да никаких особых. От Бунича выговор только, вся привилегия.

Судья. За что выговор?

Аверьянов. За неправильное хранение тары.

Адвокат Сидорин. Можно ли считать таким образом, что передача денег Буничу, если она имела место, не связана ни с какими его действиями в вашу пользу? И даже наоборот. Вот здесь у меня копия приказа.

Аверьянов. Да. Правильно.

Прокурор. Получал взятки и лепил выговора. Оригинально.

Адвокат. Прошу этот документ, копию приказа, приобщить к делу.

Судья. Суд, посоветовавшись на месте, ходатайство защиты удовлетворил. Объявляется перерыв до 14 часов.

В ПЕРЕРЫВЕ У ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

— В чем дело? Почему мы тянем. Александр Иванович? Какие проблемы, может, я не в курсе, объясните. — На этот раз Алексей Павлович, председатель областного суда, был менее приветлив, обращался на «вы». — Присаживайтесь, прошу. Обедали?

— Ничего, — отвечал судья Постников. — Трудности действительно есть. Само дело специфическое, много неясного.

— Что вам не ясно? — удивился председатель. — Может, там следствие проведено слабо?

— Да нет, я бы не сказал. Но сам материал настолько рыхлый, что создать на его основе прочный приговор — тут надо потрудиться. Что мы и делаем. Есть сложные вопросы, мы в них разберемся.

— Какие? Какие вопросы? — настаивал председатель, и Постников сказал.

— Когда явление принимает массовый характер, вот как в нашем случае, то можно ли с ним бороться средствами закона, вот главный вопрос.

— Вы не усложняете? — Председатель в сомнении смотрел на Постникова. — Может, мы с вами поразному понимаем степень прочности? Уверю вас, никто ничего не тронет, никакая надзорная инстанция, это я вам обещаю. Если вы, конечно, не выпустите их на свободу!

— Это тоже не исключается, — сказал Постников. — Одно из них, возможно, да. За недоказанностью.

— Ну, ну, ну! — замахал на него Алексей Павлович. — С вашим братом пропадешь ни за что ни про что! Выведут на пенсию и не посмотрят! Не вздумайте, ради бога! «За недоказанностью»! Это пусть пишут журналисты, а нас с вами не поймут, да еще по таким делам, нет-нет! — И опять посмотрел в сомнении. — А что там, кстати, мой сосед Бунич? Говорят, путает карты?

— Да.

— И что же?

— Да, в общем, пока успешно.

— То есть как успешно?! — только что не вскочил председатель. — Что вы имеете в виду?

— 92-я отпадает, хищения там нет, а взятку придется еще доказывать, именно как взятку.

— И доказывайте! А в чем дело, что вам мешает? Доказывайте!

— Да, конечно, — скромно кивнул Постников.

Председатель посмотрел с подозрением, подумал, успокоился.

— Вам что, — спросил, — никогда не звонили?

— Звонили, — сказал Постников.

— И что вы на это?

— Не приходил в восторг. И мечтал о времени, когда не будут звонить.

Я И СЕМЬЯ

ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ СЕРЕЖИ ФОКИНА

Новелла ИВАНОВА,
Геннадий КОПОСОВ
(фото)

у, как поживает ваш Сережа?» Признаться, мы уже привыкли, что при встрече знакомые и коллеги задают этот вопрос. Скоро будет год, как мы познакомились с семьей молодых москвичей Фокиных, у ко-

торых родился первенец. На наших глазах растет малыш, а вместе с ним становились старше и мудрее родители. Не так уж все безоблачно в этой семье — хватает и забот и огорчений, о которых мы уже рассказали в 1987 году («Огонек» № № 3, 7, 13, 29, 39, 50). Но главное достижение — Сережа ни разу (тыфу-тыфу) всерьез не заболел! Ира считает это своей заслугой — ведь она сумела вскормить сына грудью до десяти месяцев, Дима убежден — все дело в правильном режиме, а у Сережиной бабушки своя теория: дети не болеют, если растут в ласке и любви!

И все-таки над головой малыша частенько проносятся домашние бури, когда решаются проблемы: одеть Сережу потеплее или не надо кутать? Укачивать на руках или пусть в слезах уснет сам? Бабушка в таких случаях ссылается на свой опыт: «Я Димочке не давала плакать», папа молчит, а мама звонит своей маме, а потом зачитывает вслух памятку-инструкцию, полученную в поликлинике.

Этим листочком Ира дорожит пуще глаза — ее предупредили, что новую инструкцию о воспитании малыша после года ей дадут только после возвращения прежней в комнату здорового ребенка.

Услышав об этом, мы удивились: что это за листок такой бесценный? Вот если бы Ире дали книгу знаменитого американского доктора Спока «Ребенок и уход за ним», тогда такие строгости были бы понятны. Неужели скромная памятка с советами по уходу за малышом, отпечатанная к тому же на плохой бумаге — дефицит? Впрочем, в адрес рубрики пришли письма от молодых родителей, которые пишут именно об этом дефиците, и просят разобраться, почему невозможно достать ни книги, ни брошюры с советами по уходу за новорожденным и воспитанию малыша?

«Мой сын старше Сережи, ему уже два года, но как памятливы мне первые дни и недели новой роли «мамы»! Я была в панике, всего боялась, не знала, как реагировать на разные «поступки» сына, — написала из Советской Гавани Т. Семенова. — Буквально все вызывало сомнения и вопросы, а задать их было некому. Но вот мне на время дали книгу доктора Спока и сразу паника прошла. А если бы мне ее не достали? В наших книжных магазинах ничего на эту тему не сыщешь, да и в других городах. Скажите, разве такое положение с литературой для родителей можно назвать нормальным? Ведь кто-то же должен позаботиться и просветить нас, обучить, чтобы мы без ошибок выполнили свой родитель-

— Оно еще не настало, Александр Иванович, — сообщил доверительно председатель. — В июне месяце пленум обкома, в августе наше руководство слушают в Москве. Есть признаки, что все опять становится строже. Есть такие симптомы. Смотрите, чтоб мы с вами не промахнулись.

И уже напоследок, совсем по-дружески:

— А насчет конъюнктуры скажу вам так. А где ее нет? В законе? У нас не Англия, где все, знаете, на триста лет. У нас вон Уголовный кодекс — чуть не 120 поправок и дополнений. Так что не будем обольщаться. И поторопимся, поторопимся, Александр Иванович!

СЛЕДСТВЕННАЯ ЧАСТЬ

Элегантная записная книжка-дневник, в переплете под кожу, с замысловатым вензелем — из письменного стола покойного Петра Георгиевича Ахтырского — переключалась в руки следователя Корытова, и он сейчас полистал ее, отложил и обратился к человеку, сидевшему по другую сторону его стола:

— Беленький Юрий Васильевич... Место работы, должность?

— Театр драмы, режиссер.

— Вы допрашиваетесь в качестве свидетеля. — Корытов заскользил пером по бумаге и одновременно говорил, это у него получалось. — В соответствии с законом вы можете быть допрошены о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по данному делу, и обязаны дать правдивые показания и ответы на поставленные вопросы. Кроме того, вы предупреждаетесь об уголовной ответственности по статье 182 Уголовного кодекса за отказ или уклонение и по статье 181 за дачу заведомо ложных показаний. Вам понятно?

— Да.

— Что вы можете сказать о личности Ахтырского Петра Георгиевича и о его ближайшем окружении?

— Ахтырского я знал очень мало, можно сказать, почти не знал, окружение — тем более.

— Ну как мало! Ваша фамилия в его записной книжке, как раз на «Б», с самого начала. Можете полюбоваться. У нас с некоторыми пор работники искусства и работники торговли установили взаимное шефство. На даче бывали?

— Нет.

— А вас там видели, наблюдали. Зачем же теперь стесняться?

— Я вам повторяю: я не бывал на даче у Ахтырского. И прошу вас сменить тон, гражданин... товарищ, как вас там... Я пока что не под следствием здесь у вас. Я народный артист республики, имею звания и заслуги.

— Это вы там имеете все ваши звания и заслуги, — оказал Корытов. — Здесь вы свидетель по делу, а я представитель власти, действую в рамках данных мне полномочий и прошу отвечать. Записываю с ваших слов: на даче у Ахтырского не бывал. — И заскользил пером. — Бывали ли на городской квартире?

— Не бывал.

— Не бывал... Что вам известно о роде занятий Ахтырского, способах обогащения, связях?

— Ничего не известно.

— О причинах и обстоятельствах смерти?

— Неизвестно.

— А как вы объясните, что в записной книжке Ахтырского его рукой записаны ваша фамилия, имя Юра и телефон?

— Не могу объяснить, не знаю.

— Может, вы вообще не были знакомы?

— Были. Шапочко.

— А это вам ни о чем не говорит? — Тут Корытов рассчитанным движением извлек из-под папки бумаг поздравительную открытку. — Видите, как опасно поздравлять друзей с праздниками! Юра! Беленький! — засмеялся он глумливо.

— Что вам от меня нужно? — спросил режиссер.

— А вот мы сейчас поговорим, — пообещал Корытов.

Тем временем в коридоре, перед дверью комнаты, где все это происходило, скопилось еще трое посетителей. Сидели вдоль стены в ряд, ожидая вызова. Только что к ним присоединилась женщина, молодая, эффектная. Это были люди из записной книжки Ахтырского. Принадлежали они все четверо, теперь уже четверо, судя по всему, к избранному кругу общества, может быть, тоже к артистическому миру. Уж не по этому ли признаку собрал их тут Корытов?

— Вы не знаете, по какому поводу? — спросила женщина, поздоровавшись. (Они все тут были знакомы друг с другом.)

— Понятия не имею, — отвечал один из ожидающих, гладкий, с брюшком, в спортивной куртке и майке с иностранной надписью (что, надо сказать, со-

всем не вязалось с казенными стенами этого учреждения). — Сейчас узнаем, что-то долго они там. — И, будучи человеком не робким и, видимо, легко открывавшим до сих пор все двери, он приоткрыл и эту. Но тут же и закрыл опасливо, вернулся на исходные позиции. — Просили подождать.

Группа «избранных» уже привлекла к себе интерес сотрудников учреждения, особенно женской части коллектива. То и дело открывались двери и кто-то оттуда выглядывал, а кто-то нарочно прошел мимо туда и обратно. Прошел и старший следователь Амелин. Остановился, посмотрел с любопытством: «Все к Корытову?» — и, получив ответ, удалился.

Следователь Амелин занимался своим сейфом — то ли искал в нем что-то, то ли, скорее всего, наводил порядок. Для этого пришлось выгрузить оттуда на письменный стол ряд предметов самого различного назначения: сначала пачку каких-то любительских фотографий, затем вдруг куклу — красивую японку в кимоно, магнитофонные кассеты, визитные карточки, письма, наконец, опять фото из чьих-то семейных архивов... И тут в кабинет вошли: Сначала девица-милиционер, затем шеф, начальник Амелина — Игорь Владимирович.

— Не хотите посмотреть? — возбужденно произнесла милиционерша. — У Корытова сейчас! Вера Поплавская!

— Кто это? — спросил Амелин.

— Он у нас серый человек, Валя! — объяснил вошедший на этой реплике Игорь Владимирович. — Вера Поплавская! Ты что, телевизор не смотришь?.. Ладно, Валя, обойдемся... Что-то он там сильно развлекается, наш Корытов!

Остались вдвоем. Шеф повертел японскую куклу, она вдобавок оказалась заводной. Заглянул и туда, в глубину открытого сейфа.

— Что там у тебя по Четвергову, давай посмотрим!

Амелин не сразу и явно без охоты извлек из сейфа папку, за ней другую. И еще третью. Три одинаковые папки. Похоже, он не спешил с ними расставаться. А к этому шло.

— Ого, — заметил Игорь. — Дело растет. Было две еще недавно.

— А что, появились какие-то шансы? — спросил осторожно Амелин.

— Ну что значит появились? Само, как известно, ничего не появляется. Будем пробовать.

— Но хоть вера какая-то появилась?

— Вера у меня была всегда.

— Разве? — сказал Амелин, но это уже не имело никакого значения. Папки, все три, держал под мышкой Игорь Владимирович.

— В общем, я их беру. Буду держать в курсе. — И свободной рукой помахал выразительно: ни слова никому!

— Так-так-так, — говорил между тем Корытов Михаил Иванович, продолжая очередной допрос. — Слушаю вас дальше. Значит, он был внимателен к вам?

— Да, — отвечала свидетельница, на этот раз женщина, и именно Вера Поплавская, о которой только что шла речь.

— Ценил искусство? — допытывался Корытов.

— Ценил.

— Как это слово... вылетело... — напрягся Михаил Иванович. — Меценат!

— Да.

— И вы, стало быть, пели там на даче.

— Да.

— Концерт.

— Вроде того.

— В дружеском кругу.

— Да.

— Уважали его.

— Да.

— А себя? Себя уважали?

— Я и на это должна отвечать?

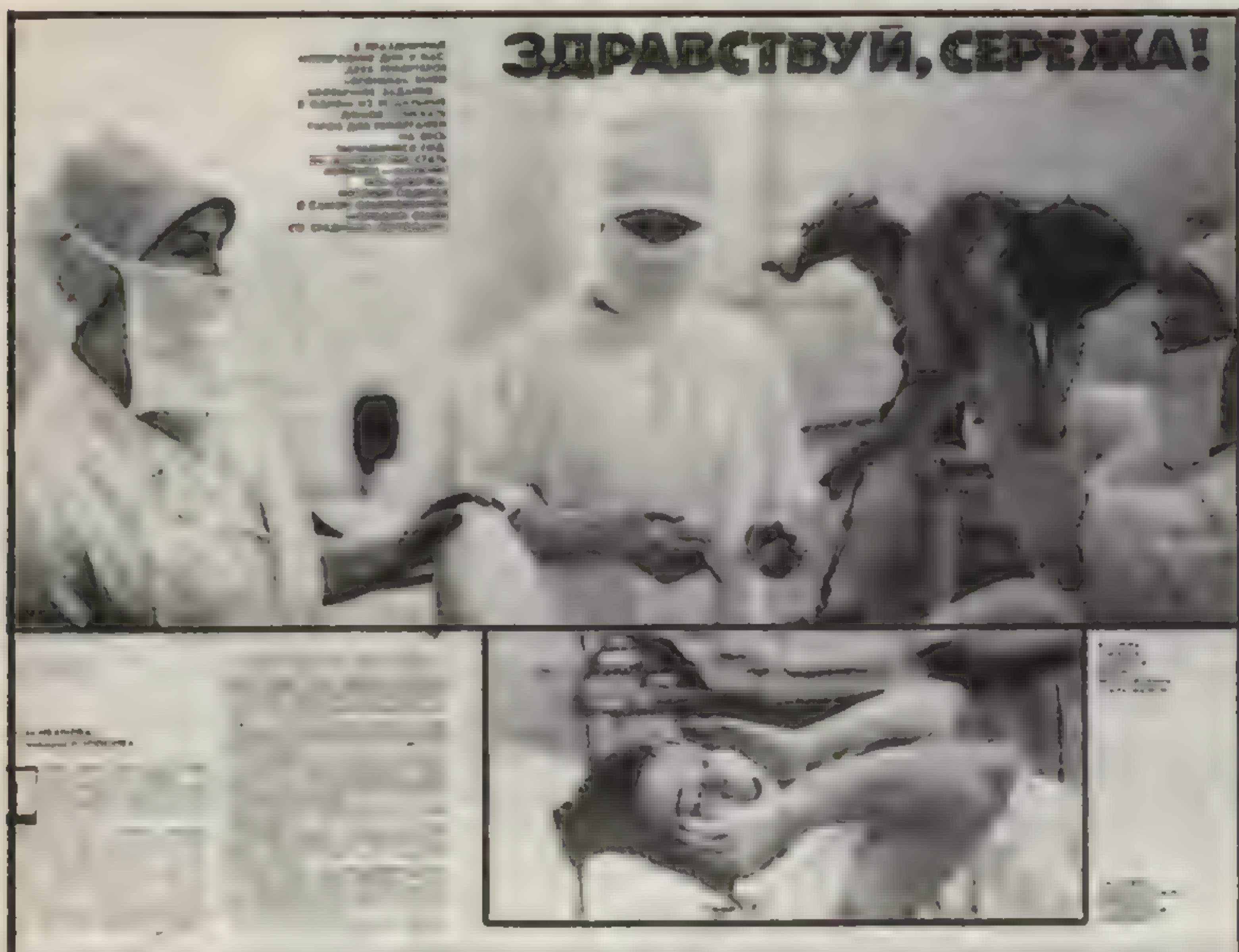
— Как хотите.

— Так вот послушайте. Гости Петра Георгиевича были люди самых разных профессий, в том числе и научные работники, и ответственные товарищи на черных «Волгах». Может, кто и из вашего начальства, вы поинтересуйтесь. И никто не задавал вопросов, на какие средства он живет и устраивает приемы. Если так начать задавать вопросы, мало останется людей, кого не надо привлекать к ответственности. Вот только, может, вы, если не придуривайтесь.

Михаил Иванович не обиделся.

— Да, Вера Евгеньевна, с вами интересно... Попрошу вот здесь, — ткнул пальцем в строчку, — ваш автограф. «С моих слов записано верно...» Вот и память останется, спасибо!..

О ДОКТОРЕ СПОКЕ И ГРУППЕ ПРАДЕЗУШКИ

ЗДРАВСТВУЙ, СЕРЕЖА!

ский долг! И почему у нас нет своего доктора Спока?»

Правильные вопросы поставила Т. Семенова, и мы задумались, кто же на них ответит, а заодно объяснит, почему в столичной поликлинике так дорожат обыкновенной памяткой?

При Минздраве СССР много лет существует Центральный научно-исследовательский институт санитарного просвещения. Недавно он переименован во Всесоюзный НИИ медицинских проблем формирования здорового образа жизни. Вывеска стала более современной, а функции, очевидно, остались прежними — нести медицинские знания в широкие массы. Мы отправились в институт с сомнениями, правильно ли выбрали адрес?

— Вы пришли точно по адресу, — выслушав нас, сказала кандидат медицинских наук Тамара Давыдовна Зангиева. — Я заведу лабораторией изучения формирования здоровья матери и ребенка. Только похвастаться пока нечем. Работа началась всего два года назад и почти на пустом месте...

В ответах на наши вопросы преобладали глаголы будущего времени. «Просвещение молодой семьи? Да, это обязательно будет. Мы разработали такую программу, причем использовали лучшие зарубежные образцы!» «Помощь советами матери? Конечно, и об этом думаем, будем создавать по стране «школу будущей матери» при женских консультациях. Я мечтаю, чтобы в каждом роддоме при выписке мама получила нашу брошюру, а в ней было бы все: от списка вещей, необходимых новорожденному, до меню и советов по уходу!»...

Прервав светлые мечты, мы поинтересовались, знает ли она о памятке для родителей, которую, не ожидая лучших времен, уже кто-то подготовил и дал в поликлиники столицы, а может, и страны?

— К сожалению, эту памятку получили только москвичи! Да и то потому, что есть такой замечательный человек — Александр Рувимович Исерлис. Мы с ним тесно сотрудничаем. Это он, главврач Дома санпросвета Бабушкинского района, в прошлом фронтовик, сумел добиться, чтобы эта памятка появилась и попала в руки родителей.

Исерлис — вот с кем надо встретиться и поговорить!

Конечно, человек, который добровольно взял на себя заботу о Сереже Фокине и тысячах московских малышей, вызывает интерес. Но нам важнее было узнать, как к подобной инициативе относится директор этого института. Ведь он был создан именно для того, чтобы готовить и распространять подобные материалы! А директор, профессор Владимир Федорович Попов, оказывается, и не думал огорчаться по поводу конкуренции. Профессор сказал нам, что он прекрасно представляет, каких адских трудов стоит выколотить бумагу для памятки, даже такую некачественную, ведь служба санпросвета

давно живет на голодном бумажном пайке. И сам он недавно чуть ли не на коленях вымолил бумагу для издания памятки о СПИДе!

Такой поворот беседы был неожиданным. Неужели успех решения важнейшей задачи, которая стоит сегодня перед нашим обществом, — научить каждого из нас знать свое тело и беречь здоровье, зависит от инициативы одного-двух человек? Чего же в таком случае стоит система санитарно-просветительной службы? И снова директор удивил своим ответом: «Мало чего она стоит, если, конечно, судить по результатам!»

И он привел пример: в минувшем году было по стране прочитано более сорока миллионов (!) лекций, но пользы от них минимум. А все дело в том, что медицинских знаний у нас у всех накопилось достаточно, однако они не перешли в убеждение и не стали здоровым образом жизни.

Крупный эпидемиолог, профессор Попов пришел в институт три года назад с поста заместителя главного санитарного врача страны, и потому беды санпросвета ему хорошо известны. Главная беда, по его мнению, утрата авторитета у населения. В довоенное и послевоенное время, когда шла борьба с «сыпняком» и эпидемиями, каждый знал, как важна эта служба. А что мы знаем о ней сегодня? Разве что мы видим плакаты: «Мойте руки перед едой!» «Грипп заразен». Многие ли из нас бывали хоть раз в кабинетах или домах санпросвета? А ведь в стране их больше тысячи! А кто из молодых родителей сумел приобрести брошюру, написанную ведущими специалистами Института питания АМН СССР К. Ладодо и С. Дружининой «Как правильно кормить ребенка в первый год жизни»? Увы, заранее ясно, что таких счастличиков на страну наберется лишь двадцать тысяч: таков ее тираж. И в таких же гомеопатических дозах — от 50 до 150 тысяч издаются этой службой интересные информационные материалы, подготовленные в содружестве с видными специалистами.

Как же в таком случае помочь родителям? В институте решили — надо изменить существующую систему пропаганды санитарно-гигиенических знаний.

— Начинать надо со школы! — считает профессор Попов. — С первого же класса должен быть урок здорового образа жизни. И вести его надо не факультативно, как это кое-где уже делается, а всерьез, с привлечением педиатров, невропатологов, гинекологов. Тогда, окончивая школу, наши девочки уже будут знать не только как избежать аборт, но и как подготовиться к материнству и воспитанию малыша. В ГДР, например, такая практика уже дала полезные плоды.

Недавно в Испании была международная встреча по проблемам санитарно-гигиенической службы в школе, и Владимир Федорович, как вице-президент Международного совета сани-

тарного просвещения, принимал в ней участие. По данным Всемирной организации здравоохранения, повсеместно растет число подростков и детей, употребляющих алкоголь, сигареты и наркотики. Наша страна не исключение. И потому профессор Попов вместе с сотрудниками стал искать выход. Нет бумаги, чтобы издать специальную брошюру для школьников? Но ведь у ребят есть тетради! И ученые разработали несколько вариантов диктантов о вреде алкоголя, курения и наркотиков. Диктанты послали в школу с просьбой — поправьте синтаксис, если нужно, и дайте в классы. Дети напишут такие диктанты, глядишь — что-то полезное и «осядет» не только у них в головах, но и у родных, которые дома полистают тетрадку сына или дочери. Педагогам бы ухватиться за умную идею, но... сработал привычный, бюрократический стереотип отношения к новому делу, и спустя полгода они вернули диктант назад: «Мы не возражаем, но делайте это сами!»

Ученые придумали игру: ходят по полю фишки, одна — «молоко», другая — «кефир» и так далее. Играя, ребенок узнает, сколько в какой еде

калорий и как правильно питаться. Наверное, не только детям, но и взрослым полезно было бы поиграть в такую умную игру! Но ученые не знают, как реализовать свою идею, потому что промышленность опасливо берется за новинки.

И все-таки сотрудники института не отказывались от идеи — окружить нас со всех сторон полезной информацией о здоровом образе жизни. Они предложили Госкомиздату подготовить свои календари для взрослых и детишек: сорвешь листок с такого календаря и узнаешь, например, как правильно закаливаться... Мы бы, конечно, с радостью купили такой календарь, но институту предложили обратиться в соответствующие издания, где делают соответствующие календари...

«Телевидение — вот кто поможет!» — решили ученые. — «Дайте нам полминутки в передаче «Спокойной ночи, малыши!», и мы научим ребятшек правильно чистить зубы. Полезная идея? Очень, если принять во внимание катастрофический рост числа детей, страдающих кариесом! Но почему-то к этому предложению отнеслись равнодушно. И в редакции спортивных пе-

редач тоже без энтузиазма встретили предложение давать всего на полминутки сюжетный ролик о вреде алкоголя и никотина в дни футбольных матчей, когда у телеэкрана собирается почти все мужское население страны. А японский коллега профессора Попова рассказывал, что у него на родине телевидение ЕЖЕЧАСНО ДАЕТ ПОЛМИНУТЫ на информацию о вреде наркотиков, алкоголя и курения...

Комментарии излишни? Они необходимы. И вот почему. За тот год, что «Огонек» расследовал проблемы, с которыми встретилась молодая семья Фокиных, мы так часто сталкивались с бюрократизмом и межведомственностью, причем на самых разных уровнях, что с уверенностью утверждаем — это главное препятствие, которое мешает уже сегодня наладить конкретную помощь молодой семье, идет ли речь о нехватке в продаже пеленок, сосок, детского питания, специальной литературы для родителей или беспорядках в родильных домах и детских поликлиниках. Да, многое можно было бы улучшить уже сегодня, не прибегая к большим капиталовложениям, если бы проблемы детства не оказались разложенными по разным межведомственным полочкам! И если уж все называть своими именами, то памятка, которую сегодня родители-москвичи передают друг другу, словно листовку, — не только свидетельство гуманной инициативы одного человека, но и автограф бюрократов-межведомственников, которые устранились от выполнения своих прямых обязанностей.

К сожалению, мы не можем в нашем репортаже назвать их имена — размотать «колобок», слеппенный из бумаг и резолюций! Вот и сидят эти люди спокойно на своих должностях, не терзаясь муками совести. Знают, что они неуязвимы, пока еще сильна бюрократическая структура, сложившаяся за минувшие годы в министерствах, ведомствах, да и вообще — куда бы мы ни заглянули — даже в игрушки!

И об этом надо сказать особо. Знаете ли вы, что, покупая ребенку муляж телефона, часов, самолета или же машину с дистанционным управлением, вы приобрели вовсе не ту игрушку, которая необходима для его развития? Дело в том, что такие «игрушки» — закрытая система, тогда как ребенку важно понять: а что внутри? И пирамидка для самого маленького нужна не та, что продается, а другая, где колечки нанизывались бы не на палочку, а на конус! Почему? А потому, что малыш должен идти к познанию этого предмета постепенно, сначала он научится различать цвет колечек, потом постигнет форму пирамидки.

Об этих педагогических и психологических особенностях «работы игрушки» (а она призвана работать на развитие ребенка) мы узнали в лаборатории игр для детей НИИ дошкольного воспитания Академии педагогических наук СССР. Причем эта истина известна не только ученым, но и руководству тех предприятий, которые выпускают игрушки. Однако, как утверждает руководитель лаборатории Светлана Леонидовна Новоселова, игрушки для первого года жизни малыша делаются без учета психологических и педагогических рекомендаций ученых, а значит, и не выполняют своей воспитательной роли!

Кандидат психологических наук Новоселова вот уже двадцать лет занимается проблемой развития детей раннего возраста и вместе с кандидатом педагогических наук Г. Г. Локуциевской из ВНИИ игрушки Минлегпрома СССР пытается все эти годы защитить наших детей от... игрушек! Тех самых игрушек, 17 тысяч наименований которых нынче валом гонят 900 предприятий 64 министерств и ведомств. Вдумайтесь в эти цифры, и вам станет ясно, сколько же межведомственных барьеров встало на пути педагогов и психологов, которые хотят дать в руки детям полезную игрушку! Во всем мире промышленность

работает над игрушкой вместе со специалистами, изучающими проблемы развития ребенка. А как же иначе! И потому сегодня, например, датская фирма «Лего» прославилась своими великолепными наборами мелких пластмассовых деталей, из которых ребенок может собрать все — от погремушки до космической станции.

Увы, у нас промышленность идет параллельным курсом с наукой о детях, и ученые, не имея своей экспериментальной базы, сами разрабатывают необходимые детям игрушки. Они делают это на добровольных началах, бесплатно и стучатся в двери ведомств и предприятий — возьмите наши разработки, пустите их в дело, чтобы помочь детям!

Есть такое понятие — возрастное формирование ассортимента игрушки. Еще десять лет назад группа специалистов-энтузиастов вместе с Новоселовой и Локуциевской создали эталонную систему эталонов-игрушек для детей раннего возраста. Каждая из 37 таких игрушек «работала» на развитие интеллекта. К сожалению, ученые не могли нам показать игрушки эталонной системы, утвержденной в свое время Минпросом РСФСР, художественно-техническим советом по игрушке, так как промышленность... не стала их делать: эти игрушки были недорогими, а промышленность охотно берется за то, что подороже!

Кстати, на дороговизну игрушек жалуются в «Огонек» родители. Но ученых куда больше беспокоит другая сторона дела. Их тревожит, что сегодня, когда мир вступил в компьютерную эру, наши дети остановились у его порога. И они могут долго простоять, потому что к новому компьютерному мышлению ребенка должна привести умная, развивающая его личностные качества игрушка, путь к которой перекрыт административными барьерами!

Ученые тревожатся не зря! Новый XXI век уже не за горами, и общество должно представлять, каким уровнем интеллектуального развития должен обладать сегодня Сережа Фокин и миллионы его ровесников, чтобы завтра они могли бы соответствовать этому веку.

По мнению сотрудников кафедры физиологии развития и воспитания детей Центрального института усовершенствования врачей, для формирования интеллекта детей и своевременной коррекции его крайне важна точная диагностика его нервно-психического развития в первые три года жизни. И такой метод диагностики был создан впервые в нашей стране этой кафедрой, возглавляемой профессором Р. В. Тонковой-Ямпольской (заметим в скобках, научный потенциал ее всего шестеро ученых!). Кстати, кафедра находится в здании яслей-сада, так что «рабочий материал» буквально под рукой ученых, и они знают о каждом малыше куда больше, чем их родители или участковый врач. Почему? Да потому, что на каждого ребенка здесь заведена «Карта нервно-психического развития и поведения», созданная на основе новой диагностики. В такой карте собраны сведения о наследственности ребенка, о течении беременности и родах матери, о социальных условиях жизни семьи и, конечно, подробные данные об уровне нервно-психического развития ребенка, полученные в итоге специальных тестов и методик, разработанных этим коллективом. Метод такой диагностики позволяет ставить перед ребенком определенные задачи и объективно оценивать его способности, а также уровень развития. Эта новая форма медицинской карты, дополнив уже существующую, поможет врачу дать точный диагноз почти на сто процентов!

Почти всем детишкам, поступившим в экспериментальные ясли-сад, участковые педиатры поставили первую группу здоровья, но после тестов, проведенных учеными, в этой группе здоровья остались лишь единицы, а боль-

шинство перешло во вторую «группу риска» и даже в третью, где уже числятся часто болеющие дети. Наконец-то не будет ошибок! — обрадуются родители, прочитав эти строки. Не спешите радоваться. Дело в том, что эта важная работа была завершена не сегодня и даже не вчера, а... пять лет назад! Но пока что о новых картах и методиках знают лишь те участковые врачи и медперсонал детских учреждений, которым посчастливилось закончить курсы, организованные этой кафедрой!

Минздрав СССР совместно с ЦОЛИУВ сумел тогда же издать брошюру «Диагностика нервно-психического развития детей первых трех лет жизни» тиражом лишь в 2 тысячи экземпляров. И можно понять обиду ученых и то нетерпение, с которым они стремятся дать поскорее в детские поликлиники страны свою работу. «Карта развития и поведения ребенка» пока что в порядке эксперимента появилась лишь в четырех московских поликлиниках. Причем, по мнению Ксении Люциановны Печеры — одного из авторов новой диагностики, в этом эксперименте не все ясно, так как он идет без участия психологов и педагогов, которые сегодня должны быть в каждой детской поликлинике!

— В прежних детских консультациях были педагоги, и их польза была несомненна, — говорит К. Л. Печера. — Изучив характер маленького пациента и его личностные особенности, психолог и педагог должны работать с «Картой поведения ребенка», подсказать врачу и родителям, какой из методов лечения именно для данного малыша будет наиболее эффективным! Комнаты здорового ребенка, которые появились по инициативе заведующей нашей кафедры, пока что в большинстве существуют «для галочки», а нужно, чтобы именно там работали с врачом и родителями педагог или психолог, и тут должно помочь Министерство просвещения страны.

Проблема контакта родителей с врачами стоит сегодня очень остро. Сотрудники кафедры познакомили нас с результатами многолетних исследований основных ошибок воспитания новорожденного в семье. Какие же это ошибки? Оказывается, по вине взрослых 82 процента детей неправильно укладываются спать, 72 процента страдают из-за нарушения методики кормления (насильственное кормление, несоблюдение его графика) и большое число детей получает от родителей неправильное игровое пособие. Например, дается одна и та же погремушка или только резиновые игрушки.

Значит, нужно дать родителям ребенка те необходимые знания, без которых они не могут качественно выполнять свой родительский долг. Вот почему здесь, на кафедре профессора Тонковой-Ямпольской, родилась та самая памятка, с которой мы начали репортаж. Познакомившись с ее авторами — кандидатом медицинских наук Лидией Георгиевной Голубевой и кандидатом педагогических наук Эмилией Львовной Фрухт, мы пригласили их в гости к герою наших репортажей.

...Необычные посетители вызвали у родных Сережи переполох. Какие еще тесты? И вообще зачем они? Мальчик растет здоровым: у него зубки появились вовремя и пошел он, едва минуло десять месяцев... Но, прислушавшись к вопросам, которые задавали ученые, мы обнаружили, как постепенно, словно на переводной картинке, проступали ошибки родителей. «Много гуляете с сыном? А что он делает? Спит? Нужно, чтобы он бодрствовал». «А эту погремушку-рыбку ваш мальчик давно перерос — уберите ее. Для развития речи теперь ему нужны мелкие игрушки!» Увидев в доме проигрыватель, бабушку спрашивают: часто ли Сережа слушает музыку? Поет ли она колыбельные песни? Исследования показали, что уже с двух месяцев ребенок дифференцирует музыкальные звуки и лучше развивается, если звучит му-

зыка. Ирину Фокину просят показать, как она делает массаж сыну. Увы, мама-младшая экзамена не выдержала, когда призналась, что делает массаж лишь от случая к случаю! Зато кошка Катя, с которой Сережа не расстается, не вызвала никаких возражений: если у ребенка нет аллергии и кошка чистая, играть с ней даже полезно, потому что малыш активнее движется, больше издает звуков.

— А когда надо начинать воспитывать Сережу?

— Ему уже одиннадцать месяцев? Ну, значит, вы опоздали... на полтора года!

Ученые рассказали, что был проведен такой эксперимент: 300 беременных женщин в предродовой период принимали пищу в равные промежутки времени и — все 300 младенцев именно в эти часы кричали, если их не кормили. Вот и выходит, что пищевой рефлекс у ребенка можно выработать еще в утробе матери. Расспросив маму, папу и бабушку Сережи о том, чем и они болели с детства, а также чем страдали их дальние родственники и от чего умерли прабабушки и прадедушки малыша, ученые нарисовали в тетрадке генеалогическое медицинское дерево Сережи Фокина.

— Ну как, крепкие у него корни?

— По диагнозу ваш малыш здоров. По физическому развитию нормален, а вот группа здоровья у него все-таки вторая, то есть мы относим его в «группу риска»!

Вот тебе — и на! А почему? И; главное, что делать?

Ученые объяснили — малыш попал в эту группу потому, что, во-первых, у Ирины были быстрые роды, частичное обвитие ребенка пуповиной, а это значит, что его мозг испытал большую нагрузку. А, во-вторых, крепость генеалогического корня — на грани нормы и патологии. Сережа получил наследственный груз сердечно-сосудистых заболеваний. Такого малыша надо не перегружать с избытком ни лаской, ни строгостями. А главная задача — вместе с участковым врачом удерживать его во второй группе, чтобы не сполз в третью...

— У вас прекрасный малыш, но потому он и не болел, что за ним вы хорошо ухаживали. В яслях картина может измениться...

— А зачем Сереже ясли? — сказала его мама. — Он будет расти дома, вместе с сестренкой или братиком, который у него появится через семь месяцев!

Вот это действительно сюрприз! Мы кинулись поздравлять Ирину и Дмитрия Фокиных. И вспомнилось, как год назад мы получили необычное задание — отыскать в родильном доме героя для репортажа на весь год. Им должен был стать первенец — мальчик или девочка, который родится в новогодние дни в самой обыкновенной молодой семье со средними доходами. Такое условие поставили читатели. В рубрику «Я и семья» пришли письма от молодых родителей, которые предлагали честно и откровенно рассказать о материальных, медицинских и педагогических проблемах, связанных с появлением в семье малыша. И репортажи, которые появились в серии «Один год из жизни Сережи Фокина», были написаны при участии читателей «Огонька», которые прислали свои письма. Спасибо всем, кто их написал! Все важные вопросы и интересные предложения, адресованные тем, кто их обязан разрешить на пользу каждой семьи и общества в целом, мы изучаем и непременно еще расскажем о них.

С. ПАРГЕСЯН,
рабочий
(Армения).
ВОСПОМИНАНИЕ.

ПРАЗДНИК КАЖДОГО ДНЯ

Н. Ф. КОТОВ,
токарь
(Москва).
БЬЕТСЯ В ТЕСНОЙ
ПЕЧУРКЕ ОГОНЬ.

Эту вкладку составили работы самодеятельных художников — лауреатов Всесоюзных смотров народного творчества. У авторов разная профессия, но всех их объединяет чувство прекрасного, радостное утверждение красоты бытия. Реальность, в которой живут эти художники, — это единство мира и человека. Поэтому их творчество подчас так автобиографично. В нем находит свое выражение все, что их окружает, восхищает, все, чем заняты их руки, сердца и мысли. В нем живет наша эпоха.

1988

Дни недели	ЯНВАРЬ
Понедельник	4 11 18 25
Вторник	5 12 19 26
Среда	6 13 20 27
Четверг	7 14 21 28
Пятница	1 8 15 22 29
Суббота	2 9 16 23 30
Воскресенье	3 10 17 24 31

	ФЕВРАЛЬ
Понедельник	1 8 15 22 29
Вторник	2 9 16 23
Среда	3 10 17 24
Четверг	4 11 18 25
Пятница	5 12 19 26
Суббота	6 13 20 27
Воскресенье	7 14 21 28

	МАРТ
Понедельник	7 14 21 28
Вторник	1 8 15 22 29
Среда	2 9 16 23 30
Четверг	3 10 17 24 31
Пятница	4 11 18 25
Суббота	5 12 19 26
Воскресенье	6 13 20 27

	АПРЕЛЬ
Понедельник	4 11 18 25
Вторник	5 12 19 26
Среда	6 13 20 27
Четверг	7 14 21 28
Пятница	1 8 15 22 29
Суббота	2 9 16 23 30
Воскресенье	3 10 17 24

	МАЙ
Понедельник	2 9 16 23 30
Вторник	3 10 17 24 31
Среда	4 11 18 25
Четверг	5 12 19 26
Пятница	6 13 20 27
Суббота	7 14 21 28
Воскресенье	1 8 15 22 29

	ИЮНЬ
Понедельник	6 13 20 27
Вторник	7 14 21 28
Среда	1 8 15 22 29
Четверг	2 9 16 23 30
Пятница	3 10 17 24
Суббота	4 11 18 25
Воскресенье	5 12 19 26

Е. А. ВОЛКОВА, портниха (Омск). ПАСТУШОК.

ОГОНЁК

Дни недели	ИЮЛЬ
Понедельник	4 11 18 25
Вторник	5 12 19 26
Среда	6 13 20 27
Четверг	7 14 21 28
Пятница	1 8 15 22 29
Суббота	2 9 16 23 30
Воскресенье	3 10 17 24 31

	АВГУСТ
Понедельник	1 8 15 22 29
Вторник	2 9 16 23 30
Среда	3 10 17 24 31
Четверг	4 11 18 25
Пятница	5 12 19 26
Суббота	6 13 20 27
Воскресенье	7 14 21 28

	СЕНТЯБРЬ
Понедельник	5 12 19 26
Вторник	6 13 20 27
Среда	7 14 21 28
Четверг	1 8 15 22 29
Пятница	2 9 16 23 30
Суббота	3 10 17 24
Воскресенье	4 11 18 25

	ОКТАБРЬ
Понедельник	3 10 17 24 31
Вторник	4 11 18 25
Среда	5 12 19 26
Четверг	6 13 20 27
Пятница	7 14 21 28
Суббота	1 8 15 22 29
Воскресенье	2 9 16 23 30

	НОЯБРЬ
Понедельник	7 14 21 28
Вторник	1 8 15 22 29
Среда	2 9 16 23 30
Четверг	3 10 17 24
Пятница	4 11 18 25
Суббота	5 12 19 26
Воскресенье	6 13 20 27

	ДЕКАБРЬ
Понедельник	5 12 19 26
Вторник	6 13 20 27
Среда	7 14 21 28
Четверг	1 8 15 22 29
Пятница	2 9 16 23 30
Суббота	3 10 17 24 31
Воскресенье	4 11 18 25

М. А. КАБАНОВ,
инженер
(БАМ).
ПРАЗДНИЧНЫЙ
БУКЕТ.

М. БИЧЕНЕНЕ,
пенсионерка
(Литва).
ВСТРЕЧА.

В. И. СЕМЕНОВ,
инженер
(Кемерово).
ЗИМНИЙ ДЕНЬ.

«Церковь осуждает насилие, но она еще суровее осуждает равнодушие. Насилие может быть выражением любви, равнодушие — никогда. Первое есть ограниченность милосердия, второе — неограниченный эгоизм».

Эти слова говорит молодой священник, герой романа «Комедианты», который написан одним из самых неравнодушных писателей нашего времени, большим, честным художником и человеком Грэмом Грином. Многим читателям знакомы его романы «Власть и слава», «Тихий американец», «Наш человек в Гаване». Недавно мы получили от него такое письмо:

«С большим удовлетворением узнал о том, что журнал «Огонек» планирует опубликовать мой роман «Человеческий фактор» в переводе Марии Осинцевой. О последних посещениях Советского Союза у меня остались самые теплые воспоминания. Твердо убежден в том, что взаимоотношения между людьми из восточных и западных стран постоянно улучшаются и становятся более тесными, и журнал «Огонек» играет в этом процессе важную роль. Грэм ГРИН».

Знаю, кто опутан узами, тот — потерянный человек, ибо нечто инородное пустило корни в его душе.

Джозеф КОНРАД

Посвящается моей сестре Элизабет Деннис, которая вряд ли будет отрицать ее вклад в эту книгу.

Роман о деятельности секретной разведслужбы неизбежно содержит значительную долю вымысла, поскольку описание подлинных событий почти неизбежно чревато нарушением той или иной статьи закона о сохранении государственной тайны. Проект «Дядюшка Римус» является таким образом исключительно плодом авторского воображения (искренне надеюсь, что таковым он и останется), герои романа: англичане, африканцы, русские или поляки — тоже фигуры вымышленные. И все же, как писал Ханс Андерсен, который также полагался на фантазию, «наше воображение рисует образы, заимствованные из реальности».

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Грэм ГРИН

РОМАН

Рисунки
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

С тех пор, как Касл тридцать лет назад, будучи еще практикантом, начал работать на «контору», он всегда ленчевал в пабе рядом с Сент-Джеймс-стрит в двух шагах от работы. Если бы Касла спросили, почему он ленчевал именно там, он бы ответил, что виной всему прелестные колбаски, конечно, пиво «Уотни» подавали в пабе не самого высшего качества, зато колбаски были вне конкуренции. Касл вообще всегда мог объяснить все свои поступки, даже самые невинные, к тому же отличался завидной пунктуальностью.

Поэтому ровно в час дня он был уже готов идти обедать. Артур Дэвис, помощник и сосед Касла по кабинету, отправлялся на ленч ровно в двенадцать и возвращался — правда, часто лишь теоретически — через час. Существовала договоренность, что в случае поступления срочной телеграммы Дэвис или сам Касл должны находиться на месте и ознакомиться с уже дешифрованной телеграммой. Однако им обоим доподлинно было известно, что в секторе управления, где они работали, никогда не возникало неотложных дел. Разница во времени между Англией и Восточной и Южной Африкой, которые входили в сферу их компетенции, была, как правило, достаточно большой, даже с Йоханнесбургом временной разрыв составлял немногим более часа. Так что лицам, не имевшим прямого отношения к их управлению, нечего было беспокоиться о задержке какого-то сообщения из Африки. «Судьба мира», обычно говорил Дэвис, — никогда не будет решаться на этом континенте, и дело вовсе не в том, сколько посольств в Африке от Аддис-Абебы до Конакри откроет Китай или Россия и сколько кубинцев там высадится».

Касл оставил Дэвису записку следующего содержания: «Если Заир ответит на наш № 172, направь

копии в Казначейство¹ и МИД». Он взглянул на часы. Дэвис опаздывал на десять минут.

Касл стал складывать портфель — сунул листок с перечнем того, что нужно купить для жены в сырной лавке на Джермин-стрит и что подарить сыну, с которым был не очень ласков утром (две упаковки шоколадного драже «молтизерз»), бросил книгу «Кларисса», осилив в ней лишь первые семьдесят девять глав первого тома. Ленч с его любимыми колбасками был урезан уже на одиннадцать минут. Не в пример Дэвису Касл всегда возвращался на рабочее место вовремя — одно из достоинств человека зрелого возраста.

В их серьезном учреждении Артур Дэвис выделялся своей эксцентричностью. Вот и сейчас он появился в конце длинного белого коридора одетый так, будто весь уикенд только и занимался, что верховой ездой, или, точнее, играл на скачках. На нем был твидовый спортивный пиджак зеленоватого цвета, из нагрудного кармана торчал платочек в ярко-алый горошек. Несомненно, каким-то образом он был связан с бегами. И все же Дэвис походил на артиста, занятого не в своей роли: когда он пытался подстроить свое поведение под стиль одежды, никогда ничего не получалось. И потому в Лондоне Дэвис выглядел так, будто приехал из провинции, а за городом, в гостях у Касла, его безошибочно можно было принять за городского туриста.

— Как всегда вовремя, — произнес Дэвис, улыбаясь, давая понять, что вновь провинился.

— У меня часы вечно спешат, — парировал Касл, как бы извиняясь за невысказанную критику в адрес коллеги. — По всей вероятности, страдаю комплексом беспокойства.

— Опять выкрал сверхсекретные документы? — поинтересовался Дэвис, делая шутливый жест, будто хотел выхватить портфель из рук Касла. От молодого человека исходил сладковатый запах спиртного: за ним водилось пристрастие к портвейну.

¹ Казначейство — министерство финансов Великобритании. (Здесь и далее примечания переводчика.)

— Да нет, я все оставил тебе, чтобы ты продал. Ты ведь больше выручишь от своих тайных агентов.

— Очень любезно с твоей стороны, честное слово.

— К тому же ты пока холостяк. Ведь тебе нужно больше средств, чем женатому человеку. У меня установленный семейный бюджет...

— Разумеется, ничто в хозяйстве не пропадает даром, — перебил его Дэвис. — Что осталось от мяса — идет на пирог с картофелем или на сомнительные фрикадельки. И в этом все преимущества? Да женатый человек не может себе позволить даже приличного портвейна.

Дэвис зашел в кабинет и позвонил Синдре. Он уже два года ухаживал за Синдрой, но она, будучи дочерью генерал-майора, надеялась на более выгодную партию. Тем не менее Дэвис не терял надежды. «Намного удобнее, — объяснял он, — ухаживать за кем-то на работе, — никто не станет упрекать в пренебрежении к сохранению служебной тайны». Однако Касл хорошо знал, что Дэвис по-настоящему был привязан к Синдре. Дэвис также искренне верил в единобрачие и обладал устоявшимся чувством юмора, характерным для одинокого человека.

Однажды Касл побывал у него в гостях; Дэвис снимал квартиру вместе с двумя сотрудниками министерства окружающей среды. Квартира располагалась над антикварным магазином недалеко от известной лондонской гостиницы «Клариджес», практически в самом центре.

— Проходи, проходи сюда, — обратился тогда Дэвис к Каслу, приглашая его в заставленную мебелью гостиную, где на диване были разбросаны иллюстрированные журналы самого разного толка — там были и «Стейтсмен», и «Пентхаус», и «Нейчер». Использованные стаканы, следы недавней вечеринки, были сдвинуты в угол и дожидались прихода домработницы.

— Ты прекрасно знаешь, сколько мы получаем, — заметил Касл, — и вдобавок я женат.

— Это — серьезный просчет.

— Я так не считаю, — возразил Касл, — мне нравится моя жена.

— Да и маленький чертенок тоже,— продолжил Дэвис.— Я уж точно не мог бы позволить себе иметь детей и одновременно наслаждаться портвейном.

— А я и своего маленького бесенка обожаю. Касл собрался было уже сойти по каменным ступеням вниз на Пиккадилли-стрит, когда его окликнул дежурный.

— Бригадир² Томлинсон просил вас зайти к нему, сэр.

— Бригадир Томлинсон?

— Да, в кабинет А-3.

Касл встречался с бригадиром Томлинсоном всего один раз, причем давным-давно, так давно, что и вспомнить те времена вовсе не хотелось. Это произошло в тот день, когда Касл поступил на работу, поставив подпись под положением о соблюдении служебной тайны. Бригадир в те времена скорее всего был еще младшим офицером, а мог и вообще не иметь офицерского звания. В Томлинсоне ему запомнились лишь маленькие черненькие усики, порхающие над кучей промокашек словно неопознанный летающий объект и рябившие в глазах, видимо, по соображениям секретности, исключительно черными бликами на ярко-белом фоне. Оттиск его подписи, после того как он дал подписку, казался единственным темным пятном, омрачившим поверхность промокашки, ее потом, конечно, порвали и сожгли. Это и понятно, ибо еще век тому назад дело Дрейфуса показало, какие сюрпризы могут преподнести простые корзины для использованных бумаг.

— По коридору и дальше налево, сэр,— подсказал вахтер, когда Касл хотел пойти в другую сторону.

— Входите, входите, Касл,— приветствовал его бригадир Томлинсон. Усы бригадира стали совершенно седыми и по цвету не уступали уже промокашке, с возрастом у него появилось округлое брюшко, которое несколько скрадывал двубортный пиджак. Без перемен осталось лишь его сомнительное пехотное звание, поскольку никто толком так и не знал, в каком точно полку он раньше служил и существовал ли вообще этот полк. В принципе в их учреждении ко всем воинским званиям относились с некоторым недоверием, поскольку званиями пользовались для общего прикрытия.— Кажется, вы знакомы с полковником Дейнтри? — произнес Томлинсон.

— Нет, не припомню... разве мы встречались?

Дейнтри, несмотря на темный и опрятный костюм и продолговатое лицо, больше, чем Дэвис, производил впечатление человека, любящего проводить время на открытом воздухе. Если, например, Дэвиса с первого взгляда можно было принять за человека, который чувствует себя в своей тарелке в конторе ипподромного маклера, то Дейнтри, безусловно, был самим собой, скажем, где-нибудь на великосветской охоте на куропадок. Каслу нравилось представлять себе своих коллег подобным образом, иногда, когда на него находило вдохновение, он делал настоящие зарисовки.

— Если не ошибаюсь, я знал вашего кузена по Корпусу³,— объяснил Дейнтри. Говорил он доброжелательно, но по всему чувствовалось, что он куда-то торопится, наверно, хотел успеть на очередной поезд, отходивший на север с Кингс-Кросс⁴.

— Полковник Дейнтри,— объяснил бригадир Томлинсон,— наш новый «чистильщик».

Касл заметил, какую гримасу скорчил Дейнтри при последних словах.

— Он теперь будет заниматься вопросами внутренней безопасности вместо Мередита. Право, не уверен, что вы встречались с Мередитом.

— Вы, видимо, имеете в виду моего кузена Роджера,— ответил Касл.— Не видел его целую вечность. Он ведь — гуманитарий, с отличием окончил Оксфорд и, если не ошибаюсь, служит теперь в Казначействе.

— Я тут рассказывал полковнику Дейнтри о всех наших порядках,— вмешался в разговор бригадир Томлинсон, как бы вещая на собственной радиоволне.

— Сам я изучал право, но, увы, выше второй степени⁵ не поднялся. А вы, по-моему, занимались историей?

— Да, причем у меня диплом на ступень ниже вашей.

— Вы ведь учились в Хаусе⁶?

— Да.

— Я как раз объяснял полковнику Дейнтри,— продолжил Томлинсон,— что в секторе 6А с теле-

граммами под грифом «совершенно секретно» допущены работать только вы и Дэвис.

— С поправкой, что в нашем секторе что-либо вообще можно причислить к категории «совершенно секретно». Правда, эти телеграммы просматривает еще и Уотсон.

— Дэвис — выпускник Редингского университета, не так ли? — несколько высокомерно поинтересовался Дейнтри.

— Чувствуется, вы основательно подготовились к разговору.

— Да, кстати, мы только что беседовали с Дэвисом.

— Так вот почему он на десять минут задержался в обеденный перерыв.

При этих словах Дейнтри болезненно ухмыльнулся, будто у него открылась старая рана. Уголки алого рта с трудом раздвинулись, и он сказал:

— Я говорил с Дэвисом о вас, а теперь поговорю с вами о Дэвисе. Играем в открытую. Так что прошу не гневаться на нового «чистильщика». Мне ведь надо освоиться в своем «огороде»,— добавил он, слегка спутав метафоры.— Я так или иначе должен отработать свой хлеб, хотя, конечно, доверяю вам обоим. Кстати, он ведь предупредил вас?

— Нет. Но почему вы должны доверять мне? Может быть, мы с ним в тайном сговоре?

Рот Дейнтри снова болезненно приоткрылся, затем он плотно сжал губы.

— Насколько я понимаю, он в некотором роде левых политических взглядов, не так ли?

— Дэвис — член лейбористской партии. Наверно, он и сам вам об этом сказал.

— Конечно, тут нет ничего зазорного,— парировал Дейнтри.— А вы сами...?

— Я не занимаюсь политикой. Полагаю, Дэвис сообщил вам и об этом.

— Но иногда вы, видимо, участвуете в выборах?

— Что-то не припомню, чтобы после войны я голосовал на выборах. Ведь теперь, собственно говоря, и голосовать-то по существу не за что, проблемы надуманны, не стоят и выведенного яйца.

— Оригинальная точка зрения,— неодобрительно заметил Дейнтри.

Касл понял, что откровенный ответ в данном случае был явным просчетом. Хотя в действительно сложных ситуациях Касл всегда предпочитал говорить правду. Ведь правда поддается многократной проверке. Дейнтри взглянул на часы.

— Я вас надолго не задержу. Мне нужно еще успеть на Кингс-Кросс, на мой поезд.

— Собираетесь поохотиться в выходные?

— Да, а как вы собственно догадались?

— Интуиция,— произнес Касл и вновь пожалел о сказанном.

Всегда безопаснее быть просто посредственностью. Иногда, и с каждым годом это случалось все чаще, на Касла находила вселенская умиротворенность, сравнимая разве что с ощущением человека, которому удалось осуществить сокровенную мечту и сразу выбить «сотню» в «Лордз»⁷.

— Вы, вероятно, заметили футляр с охотничьим ружьем у двери?

— Разумеется,— подтвердил Касл, только сейчас обратив внимание на футляр,— именно это и навело меня на мысль об охоте.

Касл с облегчением отметил, что данное объяснение успокоило полковника.

— Вы должны понять, что все эти проверки лично с вами никак не связаны,— продолжил Дейнтри.— Обычные рутинные проверки. Принято так много инструкций, что на некоторые из них совсем перестали обращать внимание. Тут нет ничего противоестественного, такого уж человеческая натура. Взять, например, распоряжение, согласно которому из кабинетов нельзя выносить рабочие бумаги...

Дейнтри недвусмысленно взглянул на портфель Касла. Военный и истинный джентльмен тотчас бы открыл портфель для проверки, при этом беззаботно улыбувшись. Касл, однако, не был военнослужащим, да и к категории великосветских джентльменов никогда себя не причислял. Ему было интересно узнать, насколько далеко в служебном рвении готов зайти новый «чистильщик», насколько низко пасть.

— Домой я не иду. Я хотел лишь пообедать,— ответил Касл.

— Вы ведь не станете возражать, если...? — Дейнтри протянул руку к портфелю.— Мы попросили Дэвиса о том же,— добавил он.

— У Дэвиса не было портфеля, когда я встретил его в коридоре,— парировал Касл.

Полковник покраснел, поняв свою оплошность. Касл был уверен, что Дейнтри так же бы стеснялся, соверши он более тяжкое преступление, вроде убийства загонщика на охоте.

— Да, видимо, это был не он, а тот, другой...— начал Дейнтри.— Забыл его имя.

— Уотсон? — подсказал ему бригадир.

— Да, да, Уотсон.

— Так, значит, вы проверяли даже нашего шефа?

— Да, это все часть общей проверки,— подтвердил полковник.

Касл открыл портфель. Прежде всего он вынул оттуда экземпляр «Беркампстед газетт».

— Что это? — поинтересовался Дейнтри.

— Моя местная газета. Я собирался почитать ее за ленчем.

— Ну, как же это я... конечно, забыл. Ведь вы живете не в самом Лондоне. Вы не находите это несколько неудобным?

— На дорогу уходит меньше часа, если добираться поездом. Я не могу обходиться без дома и сада. У меня ребенок, понимаете, и собака. И с тем и с другим в квартире жить было бы просто невыносимо. Я имею в виду, в нормальных условиях.

— Вижу, вы читаете «Клариссу». Ну, и как? Нравится?

— В общем, пока да. Но роман большой, в четырех томах.

— А что это такое?

— Перечень покупок, которые надо не забыть сделать.

— Не забыть?

— Ну да, купить,— объяснил Касл.

На листке с проштампованным адресом Касла: Кингс-роуд, 129, было написано: две упаковки «молтизерз», полфунта чая «эрл-грей», сыр («уэнсли-дейл» или «двойной глостерский»), лосьон для бритья «ярдли».

— А что за диковина — эти «молтизерз»?

— Сорт шоколадных конфет. Обязательно поprobуйте. Превосходные. Мне кажется, они гораздо вкуснее «кит-кэта»⁸.

— Как вы считаете, их удобно будет преподнести хозяйке дома, куда я приглашен? — поинтересовался Дейнтри.— Мне очень хочется придумать что-нибудь оригинальное в этой связи.— Он посмотрел на часы.— Может, послать за ними дежурного? Время еще есть. Где, кстати, их можно купить?

— Они должны быть в «Эй-би-си» на Странд-стрит.

— «Эй-би-си»? — переспросил Дейнтри.

— Сокращение от «Азрейтед брэд компани»⁹.

— Воздушные хлебцы... Чертовщина какая-то... Да, ничего не поделаешь, некогда вникать в детали. А вы уверены, что эти конфетки — как раз то, что мне нужно?

— О вкусах не спорят, вы ведь понимаете?

— Тогда, пожалуй, отправлю-ка я посыльного в «Фортнум»¹⁰. Это в двух шагах от нас.

— Там они не продаются, поскольку стоят недорого.

— Ну, я не хотел бы, чтобы меня считали скрягой.

— Тогда возьмите реванш количеством. Пусть вам купят три фунта этих сладостей.

— Напомните еще раз, как они называются? А лучше сами передайте мою просьбу дежурному, когда выйдете.

— Значит, мою проверку можно считать завершенной? Со мной все в порядке?

— Да, конечно. Безусловно. Я ведь уже говорил, что речь идет о чистой формальности, Касл.

— Желаю вам приятной охоты.

— Большое спасибо.

Касл передал поручение дежурному.

— Три фунта? — переспросил он.

— Именно.

— Три фунта «молтизерз»!

— Да, да.

— Мне что для этого фургон заказывать?

Дежурный вызвал помощника, который в этот момент был занят чтением журнала сомнительного содержания, и передал ему распоряжение.

— Купите три фунта «молтизерз» для полковника Дейнтри.

— Примерно сто двадцать упаковок или что-то в этом роде,— ответил тот после небольшой прикидки в уме.

— Да нет же,— успокоил его Касл.— Все не так страшно, как вам кажется.

Касл оставил их за подсчетами. Он опоздал в паб на пятнадцать минут, его привычное место в уголке было, естественно, занято. Он быстро перекусил, подсчитав, что сэкономил на этом три минуты. Затем он купил «ярдли» у аптекаря в Сент-Джеймской аркаде, «эрл-грей» — у Джексона, в целях экономии времени там же купил и «двойной глостерский», хотя обычно покупал сыр в сырной лавке на Джермин-стрит. Однако те самые «молтизерз», которые Касл собирался купить в «Эй-би-си», уже кончились,

⁸ «Кит-кэт» — фирменное название шоколадно-вафельных конфет.

⁹ Кафе-кондитерская. В дословном переводе — компания «Воздушные хлебцы».

¹⁰ «Фортнум энд Мейсон» — универсальный магазин в Лондоне на улице Пиккадилли, известен своими экзотическими продовольственными товарами.

⁷ «Лордз» — известный крикетный стадион в Лондоне.

² Бригадир — младшее генеральское звание в сухопутных войсках и морской пехоте Великобритании.

³ Корпус — Кристи-Колледж — колледж при Оксфордском и Кембриджском университетах.

⁴ Кингс-Кросс — большой вокзал в Лондоне, обслуживающий север Великобритании.

⁵ Степень бакалавра с отличием второго класса в английских университетах.

⁶ Хаус — сокращенное название колледжа Крайст-Черч, одного из самых крупных аристократических колледжей Оксфордского университета.

когда он туда добрался. Продавец сказал ему, что на них сегодня был необычно большой спрос, поэтому Каслу пришлось приобрести «кит-кэт». Когда он вернулся в свой рабочий кабинет, то опоздал всего на три минуты.

— А ты ведь так мне и не сказал, что они проводят проверку,— упрекнул он Дэвиса.

— С меня взяли слово молчать. Они тебя с чем-то поймали?

— Не совсем.

— А вот я влип. Он спросил, что у меня в кармане плаща. Там лежало сообщение от агента 59800. Я собирался перечитать его за ленчем.

— Ну и что он сказал?

— Ничего особенного. Отпустил с предупреждением. Заявил, что порядок устанавливается для того, чтобы его соблюдали. Подумать только, что мы теперь вынуждены отдуваться за то, что этот парень Блейк — уже не имеет существенного значения, чего он собственно добивался,— на целые сорок лет освободился от подоходного налога, умственной нагрузки и какой-либо ответственности.

— Со мной полковник Дейнтри обошелся довольно мягко,— произнес Касл.— Он знал моего кузена по Оксфорду. Это всегда меняет отношение.

Глава II

Касл обычно успевал на вечерний поезд, отходивший из Лондона с вокзала Юстон в шесть тридцать пять. Ровно в семь двенадцать он был уже в Бер-

кампстеде. Велосипед Касл оставлял на станции у кондуктора, которого давно знал. Затем он садился на велосипед, и, чтобы немного размяться, добирался домой не самым кратчайшим путем — сначала по мосту через канал мимо женской частной школы Тюдор-скул, потом по главной улице, минуя приходскую церковь из серого камня, в которой хранился шлем крестоносца. Потом дорога вела вверх по Чилтернскому склону, и он оказывался перед своим небольшим особнячком на Кингс-роуд. Он всегда приезжал домой к половине восьмого и звонил из Лондона, когда задерживался. Времени как раз хватало на то, чтобы пожелать мальчику спокойной ночи и не спеша выпить стаканчик виски перед тем, как в восемь часов сесть ужинать.

В незаурядной профессии все, что касается повседневного поведения, имеет особое значение. Вероятно, поэтому, вернувшись из Южной Африки, Касл решил поселиться в тех местах, где родился: поблизости от канала, обрамленного плакучими ивами, рядом со школой, где учился, и руинами некогда прославленного замка, который выдержал осаду короля Франции Людовика и, как гласило предание, возводился под началом самого Чосера и в строительстве которого — как знать? — мог участвовать кто-то из предков Касла. Теперь от замка осталось лишь несколько холмов, заросших травой, да часть каменной стены, которая находилась между каналом и железной дорогой.

Дальше, ближе к окраине города, начиналась длинная дорога, вдоль которой живой изгородью

росли кусты боярышника и каштаны. Заканчивалась дорога свободными просторами Коммона. Давным-давно население города боролось за право пасти скот на этом пустыре, однако теперь, в двадцатом веке, весьма сомнительно, чтобы какое-либо животное, за исключением, пожалуй, кролика или козы, могло найти себе пропитание среди папоротника и дикого терна.

Когда Касл был еще маленьким, на Коммоне кое-где сохранились окопы времен первой мировой войны, вырытые в тяжелой красной глине молодыми адвокатами — «судебными чинами» из корпуса военной подготовки, которые тренировались на пустыре перед тем, как уже в составе регулярных армейских частей отправиться на верную гибель в Бельгию или Францию. И до сих пор небезопасно было праздно прогуливаться по пустырю, поскольку старые окопы были вырыты на глубину в несколько футов по образцу, принятому в английских колониальных войсках.

Случайному прохожему здесь ничего не стоило оступиться или сломать ногу. Только дети, облазившие пустырь вдоль и поперек, могли безбоязненно гулять здесь, и то лишь до тех пор, пока с возрастом их детские ощущения не стирались из памяти. По непонятной причине Касл по-прежнему прекрасно ориентировался на пустыре; иногда в воскресные дни он брал туда Сэма и, держа мальчика за руку, посвящал сына в тайны Коммона, предостерегая его от скрытых там опасностей. Сколько же сражений провел здесь Касл в детские годы? Против превосхо-

дящих сил противника... Итак, наступило время новых схваток, на смену фантазии пришла реальность. И то, что теперь он жил в давно знакомом окружении, вселяло в него ощущение уверенности и надежности, какое испытывает каторжник, попадая в знакомую тюрьму.

Касл доехал на велосипеде до Кингс-роуд. Дом он приобрел с помощью строительной компании после возвращения в Англию. Касл спокойно сэкономил бы солидную сумму, если бы внес плату за дом наличными. Однако ему не хотелось выделяться среди соседей, школьных преподавателей, поскольку с их зарплатой о сбережениях и думать было нечего. По той же причине он не заменил на входной двери довольно безвкусное цветное стекло. Оно ему не нравилось, поскольку напоминало приемную зубного врача — именно такие стекла скрывают в провинциальных городах от посторонних глаз все ужасы зубо-врачебных кресел. И снова, потому что у соседей были точно такие стекла на дверях, он предпочел не менять стекло на входной двери. Школьные учителя, жившие на Кингс-роуд, твердо придерживались эстетических принципов Северного Оксфорда, где многие из них поливали чай со своими наставниками и где, скажем, на Банбери-роуд, велосипед Касла, поставленный в прихожей под лестницей, выглядел бы на своем месте.

Касл открыл дверь обычным ключом. Как-то ему пришла в голову мысль приобрести взрезной замок или какой-нибудь особый замок в фирменном магазине на Сент-Джеймс-стрит. Однако Касл охладил свой пыл — ведь соседи довольствовались простыми цилиндрическими замками, да и в округе за последние три года не было краж, а значит, и повода для замены замка не было. Войдя в дом, он никого не увидел ни в прихожей, ни в гостиной. Из кухни тоже не доносилось ни звука. Бутылки виски не было на своем месте рядом с сифоном на комод. Годами сложившийся ритуал был нарушен, и Касл сразу ощутил беспокойство.

— Сара,— позвал он.

Никто не ответил. Касл стоял в передней рядом с подставкой для зонтиков, внимательно осматривая знакомые вещи. Недоставало лишь одного предмета — бутылки виски, тем не менее у него невольно перехватило дыхание.

С тех пор, как они вернулись в Англию, Касла не покидало чувство, что в один прекрасный день несчастье, рок настигнет их, но он знал, что, когда это произойдет, ему не следует предаваться панике, а просто сразу уйти, не пытаясь что-либо исправить в их несостоявшемся счастье. «Тот, кто обитает в Иудее, должен сخорониться в горах...». Касл почему-то подумал о своем кузене из Казначейства как о некоем амулете, безделушке, подобно заячьей лапке, который мог бы спасти его, вздохнул с облегчением, услышав наверху голоса и шаги Сары, которая спустилась по лестнице.

— Милый, я не слышала, как ты пришел. Я разговаривала с доктором Баркером.

Доктор Баркер шел следом за женщиной. Он был средних лет, на левой щеке сильно выделялось родимое пятно. На докторе был костюм грязно-серого цвета, из нагрудного кармана торчали две авторучки, хотя одна из них вполне могла быть маленьким карманным фонариком для осмотра пациентов.

— Что-то случилось?

— У Сэма корь, дорогой.

— С ним все будет в порядке,— сказал доктор Баркер.— Ему сейчас нужен покой и поменьше яркого света.

— Вы не откажетесь от виски, доктор?

— Нет, благодарю вас. У меня еще два вызова, и я уже опоздал к ужину.

— Где же сын мог заразиться?

— Вы знаете, сейчас эпидемия. В общем, не надо волноваться. Пока болезнь у него в легкой форме.

Когда за доктором закрылась дверь, Касл поцеловал жену. Он ласково погладил ее по голове, перебирая густые черные волосы, провел рукой по гладкой темной коже. Глядя на точеные черты лица Сары, Касл ощущал себя человеком, отобравшим это редкое изваяние из обилия резных африканских статуэток, выставленных на ступеньках перед входом в отель для бледных туристов. Касл как бы убеждался, что та, кого он больше всего ценил в жизни, находится в безопасности. К концу дня Касл обычно испытывал ощущение, словно он куда-то надолго уезжал и жене угрожала опасность. Хотя никто в округе не высказывал явного предубеждения к ее африканскому происхождению. Здесь, в Англии, не было законов, которые могли угрожать их союзу. В этом смысле они были в безопасности, а если точнее, то в большей безопасности они нигде вообще не могли находиться.

— В чем дело?— спросила она.

— Я стал волноваться. Войдя в дом, мне показалось, что все тут буквально вверх дном. Тебя нигде нет. Даже бутылка виски и та исчезла...

— Ты, как всегда, верен своим привычкам.

Касл принялся вынимать вещи из портфеля, а Сара стала готовить ему коктейль.

— Действительно не о чем беспокоиться?— спросил Касл.— Мне не нравится, что говорят врачи, особенно, когда они во всем уверены.

— Абсолютно не о чем.

— Можно я поднимусь и взгляну на него?

— Сэм уже заснул. Не стоит его будить. Я дала мальчику аспирин.

Касл поставил первый том «Клариссы» на книжную полку.

— Уже прочел?

— Нет, сильно сомневаюсь, что теперь вообще одолею этот роман. Жизнь не такая уж длинная.

— А мне всегда казалось, что ты любишь толстые книги.

— Наверно, пора прочесть «Войну и мир», пока еще не поздно.

— Но у нас нет этой книги.

— Я собираюсь купить ее завтра.

Она аккуратно налила в бокал четырехкратную по нормам английских пабов дозу виски, подошла к нему и вложила стакан в ладонь, будто передала нечто такое, что никто не должен был заметить. И в самом деле, только им одним было известно, сколько он выпивал. Когда Касл был с коллегами или просто с незнакомыми людьми в баре, он обычно не пил ничего крепче пива. Наклонность к алкоголизму в его профессии всегда воспринималась подозрительно. Только Дэвис, невзирая ни на что, мог позволить себе опрокинуть один стаканчик за другим, не беспокоясь о том, кто за ним наблюдает. Это и понятно, поскольку подобная дерзость может быть порождена лишь ощущением полной невинности. Касл же навсегда утратил чувство и дерзости, и невинности еще в Южной Африке в ожидании нависшего над ним удара.

— Не будешь возражать,— спросила Сара,— если мы сегодня обойдемся без горячего? Я весь вечер прозанималась с Сэмом.

— Конечно, нет.

Он обнял ее. Подлинная глубина их чувств была для всех такой же тайной, как и четырехкратная доза виски. Говорить об этом с чужими значило бы навлекать на себя беду. Любовь сопряжена с исключительным риском. Художественная литература в полной мере подтверждала это. Тристан, Анна Каренина, даже чувство Ловеласа — Касл бросил взгляд на последний том «Клариссы». «Мне нравится моя жена» — вот предел того, в чем он мог признаться, в том числе и Дэвису.

— Прямо не знаю, что бы я без тебя делал,— проговорил Касл.

— Скорее всего то же самое, что и сейчас. Два двойных перед ужином в восемь.

— Войдя в дом и не застав тебя, я действительно испугался.

— Чего ты испугался?

— Что остался совсем один. Бедняга Дэвис,— добавил Касл,— приходит домой, а там никого.

— Зато у него могут быть другие радости.

— Ощущение безопасности — вот моя радость.

— Разве жизнь вне дома так уж опасна?

Сара отпила немного из бокала мужа и поцеловала его. Касл ощутил на губах привкус «джи-энд-би». Он всегда покупал именно этот сорт виски из-за светлого цвета, поскольку большая порция виски с содовой выглядела не более крепкой смесью, чем малая доза виски другого сорта.

Зазвонил телефон. Касл протянул руку к диванной тумбе и взял трубку.

— Алло,— произнес он. Никто не ответил.— Алло,— повторил Касл, сосчитав про себя до четырех и положив трубку, услышав на другом конце провода непрерывный гудок.

— Молчание?

— Наверно, не туда попали.

— Третий раз уже за месяц. Причем всегда, когда ты задерживаешься на работе. Ты не думаешь, что это какой-нибудь грабитель, который проверяет, дома ли мы?

— Да у нас, собственно, и грабить нечего.

— Я читала о совершенно жутких вещах, дорогой. О бандитах с чулками, натянутыми на лицо. Я терпеть не могу вечерние часы после заката солнца, когда тебя нет дома.

— Вот поэтому я и купил тебе Буллера. Где, кстати, собака?

— В саду, ест траву. Вообще Буллер чем-то расстроен. Да ты ведь знаешь, как он ведет себя с незнакомцами. Он виляет перед ними хвостом.

— Тем не менее человек с чулком на голове ему вряд ли понравится.

— А что, если ему покажется, что это сделали, чтобы доставить ему удовольствие? Ты ведь помнишь, что было на рождество... с бумажными шляпами...

— До того, как он у нас появился, я всегда считал, что боксеры — свирепая порода собак.

— Они действительно такие — по отношению к кошкам.

Скрипнула дверь, и Касл резко повернул голову к выходу. Буллер распахнул дверь настежь, ткнув в нее квадратную черную морду. Затем он стремительно бросился на Касла. Тому пришлось успокоить собаку.

— Лежать, Буллер! Лежать!

Касл смахнул с брюк собачью слюну.

— Если это называется вилять хвостом,— заметил он,— то любой грабитель станет обходить нас за миллион.

Буллер стал прерывисто лаять и пятиться к двери, виляя задом.

— Тихо, Буллер.

— Да он хочет погулять.

— Так поздно? Мне показалось, ты сказала, что ему нездоровится.

— Наверное, он просто травы переел.

— Тихо, Буллер. Черт побери. Никаких прогулок.

Буллер грузно опустился на пол и стал лизать паркет.

— Сегодня утром собака, хотя и была настроена весьма мирно, очень напугала газовщика.

— Но ведь наш газовщик его знает.

— Сегодня приходил новый.

— Новый? Это еще почему?

— Наш, кажется, заболел гриппом.

— Ты попросила его предъявить удостоверение?

— Естественно. Милый, теперь ты сам, по-моему, начинаешь бояться грабителей? Буллер, прекрати!

Буллер тем временем принялся с наслаждением облизывать лапы.

Касл, перешагнув через пса, прошел в прихожую. Он внимательно осмотрел газовый счетчик, ничего подозрительного не заметил и вернулся в гостиную.

— Тебя что-то беспокоит?

— Ничего особенного. На работе есть новости. Усердствует новый шеф внутренней безопасности. Это действует мне на нервы — я работаю в «конторе» уже более тридцати лет, так что можно было бы мне полностью доверять. Тем не менее они собираются нас чуть ли не обыскивать перед тем, как мы отправляемся на ленч. Представь только, он осмотрел мой портфель.

— Будь справедлив, дорогой. Это не их вина. Такая уж у тебя работа.

— Да, менять ее слишком поздно.

— Никогда не бывает слишком поздно,— возразила Сара.

Каслу захотелось, чтобы жена оказалась права. Она поцеловала его еще раз и пошла на кухню готовить холодный ужин.

Когда они сели за стол и Касл налил себе еще бокал виски, она сказала:

— Шутки в сторону, но ты стал злоупотреблять спиртным.

— Только дома. Никто, кроме тебя, не видит меня за этим занятием.

— Я не имела в виду твою работу. Я беспокоюсь о твоём здоровье. А на твою работу мне ровным делом наплевать.

— Вот как?

— Управление министерства иностранных дел. Да кто угодно знает, что это значит. Тем не менее ты должен как какой-нибудь злоумышленник помалкивать об этом. Если ты, например, скажешь мне, твоей жене, чем ты занимался сегодня на работе, то тебя за это уволят. Как мне хочется, чтобы тебя уволили. Так чем же ты сегодня занимался на работе?

— Я посплетничал с Дэвисом, сделал несколько записей в картотеке, отправил одну телеграмму... Да, еще со мной беседовал новый офицер безопасности. Он был знаком с моим кузеном, когда тот учился в Оксфорде.

— Каким таким кузеном?

— Роджером.

— Этим снобом из Казначейства?

— Именно.

Когда они собирались идти в спальню, Касл спросил:

— Можно я взгляну на Сэма?

— Разумеется. Только он уже крепко спит.

Буллер проследовал за ним в комнату мальчика и облизал одеяло.

— О, Буллер!

Пес завилал остатком хвоста, восприняв окрик как похвалу. Будучи боксером, Буллер мог быть и по-смышлёнее. Он обошелся им совсем не дешево, видимо, потому что имел весьма безукоризненную родословную.

Мальчик спал поперек деревянной кровати, причем головка лежала не на подушке, а на коробке изпод оловянных солдатиков. Темнокожая ножка вылезла из-под простыни и пальчики накрывали фигурку танкиста. Касл наблюдал, как Сара уложила сына, как положено, убрав с постели танкиста и еще одного парашютиста, оказавшегося в постели. Она со знанием дела и вместе с тем непринужденно

справилась с задачей. Малыш продолжал крепко спать.

— Похоже, у него жар.

— Естественно, ведь у него повысилась температура.

Сэм больше матери был похож на африканца, и Касл почему-то вспомнил фотографии голодающих детей, особенно ту, на которой рядом с распростертым на песке телом ребенка восседал гриф.

— И высокая у него температура?

— Ничего страшного.

Касл всегда восхищался внутренней убежденностью жены. Она могла, например, приготовить новое блюдо, вообще не заглядывая в поваренную книгу, и любая работа спорилась в ее руках. Так и сейчас она решительно, но ласково перевернула и уложила сына, так что он и глазом не моргнул.

— Как крепко он спит.

— Если не считать кошмарных снов.

— Ему опять что-то приснилось?

— Все тот же ужасный сон, когда мы оба уезжаем на поезде, а он остается один. На платформе кто-то — он не знает, кто точно, — хватается его за руку. В общем-то, особенно волноваться не надо. В таком возрасте обычно снятся страшные сны. Я читала где-то, что сны могут быть навеяны опасениями, связанными со школой. Мне бы так хотелось, чтобы он вообще обошелся без подготовительной школы. Ему будет очень трудно. Иногда мне даже хочется, чтобы здесь тоже был апартеид.

— Он хорошо бегают. В Англии нет никаких проблем, если ты можешь отличиться в каком-нибудь виде спорта.

Проснувшись ночью, она заговорила с ним, как бы продолжая видеть сон.

— Ведь странно, право же, что ты так привязан к Сэму.

— Разумеется. А почему ты спрашиваешь? Мне казалось, ты уже уснула.

— Вот именно, что не «разумеется». Бедняжка, наш маленький чертенок.

— Именно так его всегда называет Дэвис.

— Дэвис? Но он не знает, что Сэм тебе — неродной сын? — с тревогой в голосе спросила она. — Нет, правда, он не знает?

— Нет, не беспокойся. Он вообще называет так всех маленьких детей.

— Хорошо, что отец ребенка покойся глубоко в земле.

— Да, ведь этот негодяй мог бы потом жениться на тебе.

— Нет. Я все это время любила тебя. Даже когда я зачала Сэма, я любила тебя. И это больше твой ребенок, чем его. Я старалась думать о тебе, когда он спал со мной. Он мне напоминал безразличное, бесхребетное существо. В университете его даже прозвали «дядюшкой Томом». Сэм не станет таким, ведь правда? Пусть он будет или темпераментным или хладнокровным, но только не безразличным.

— С какой это стати мы заговорили об этой давней истории?

— Поскольку мальчику нездоровится, тебе не спокойно. Волнуясь, я вспоминаю, что мне пришлось пережить, когда я поняла, что придется рассказать тебе о нем. В ту первую ночь, уже за границей в Лоренсу-Маркише¹¹. В отеле «Полана». Я подумала тогда: «Он снова оденется и уйдет навсегда». Но ты не ушел. Ты остался. И мы любили друг друга, хотя Сэм был уже во мне.

Прошло много лет, и они спокойно лежали рядом, слегка касаясь друг друга плечами. Касл задумался о том, что вот, видимо, так и наступает счастье в зрелые годы, чувство, которое он иногда замечал на лицах незнакомцев. Однако его давно уже не будет в живых, когда она достигнет пожилого возраста. Старость им не доведется встретить вместе.

— Ты никогда не жалеешь, — спросила она, — что у тебя нет родного сына?

— Сэм — уже большая ответственность.

— Я не шучу. Тебе бы хотелось иметь от меня ребенка?

Касл понял, что это один из тех вопросов, на которые нельзя отвечать уклончиво.

— Нет, — произнес он.

— А почему?

— Сара, ты слишком любишь добираться до самой сути. Я люблю Сэма, потому что он твой, а не мой сын. Когда я смотрю на мальчика, мне не надо отыскивать в нем свои черты. Я вижу в нем тебя, твое отображение. И мне не хочется повторять это снова и снова. Давай договоримся раз и навсегда.

Перевела с английского Мария ОСИНЦЕВА

Продолжение следует.

¹¹ Лоренсу-Маркиш — бывшее название столицы Мозамбика.

Поэт Евгений Рейн принадлежит к тем немногочисленным людям, которые находят себя в стихах, в них вырастают и только в них способны себя выразить.

Четверть века ждал он издания первой книги, написанной им того раньше.

Твердость и устойчивость его образов убедительны, его стихи невольно увеличивают моральную ценность бытия. В эпоху гонимых компромиссов и податливости, когда вместо «будь собою» исповедуется «будь доволен собою», Евгений Рейн исполнен нравственного гостеприимства, веры в людей; он не просит пощады, удобства, зная, что мир не таков, чтобы можно было жить в нем благополучно; он стремится заговорить чужую боль (и свою).

Поэзия Рейна всем существом своим внушает читателю, что ненависть не есть понимание, брань не доказательство.

Поэзия Рейна стихийна, безотчетна, расточительна. Его стихи — это он сам, а не комментарии к себе, как это часто бывает. Порукой тому самозабвенная искренность, дар непосредственности, которыми щедро наделен Рейн.

Александр МЕЖИРОВ

ПЕТРОГРАДСКАЯ СТОРОНА

Евгений РЕЙН

АВАНГАРД

Это все накануне было,
почему-то в глазах рябило,
и Бурлюк с разрисованной рожей
Кавальери казался пригожей.
Вот и Первая Мировая,
отпечатана меловая
символическая афиша.
Бандероль пришла из Парижа.
В ней туманные фотоснимки,
на одном — Пикассо в обнимку
с футуристом Кусковым Васей,
на других — натюрморты с вазой.
И поехало, и помчалось —
кубо, эго и снова кубо,
начиналось и не кончалось
от Архангельска и до юга,
от Одессы и до Тифлиса,
ну, а главное, в Петрограде.
Все как будто бы заждались:
«Начинайте же, бога ради!»
Из фанеры и из газеты
тут же склеивались макеты,
теоретики и поэты
пересчитывали приметы.
«Начинается, вот он, прибыл,
послезавтра, вчера, сегодня!»
А один говорил: «Дурщи́лбыр!»
в ожидании гнева господня.
Из картонки и из клеенки,
по две лесенки в три колонки,
по фасадам и по перилам
Казимиром и Велемиром.
И когда они все сломали
и везде не летал летатлин,
то успели понять едва ли,
с гиком, хохотом и талантом
в ЛЕФе, в Камерном на премьере
среди наркомов, речей, ухмылок
разбудили какого зверя,
жадно дышащего в затылок.

ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ЛЕНИНГРАДЕ

Под черным лабрадором лежат мой дед и бабка
среди охтенских суглинков у будки сторожей.
Цветник их отбортован и утрамбован гладко,
поскольку я здесь не был сто лет — и он ничей.
В свой срок переселились с безумной Украины
они — прельстившись изпом — кроить и торговать,
под петроградским небом купили половину
двухкомнатной квартиры и стали проживать.
Гремит машинка «Зингер», Зиновьев пишет письма,
мой дед торгует платьем в апраксином ряду.
И словно по старинке пирожные в корзинке
приносит по субботам с налогами в ладу.
А жизнь идет торопко от бани до газеты,
от корюшки весенней до елочных шаров.
Лети, лети вагончик, в коммуне остановка,
футболка да винтовка, — и пионер готов.
И все это отрадно — встают, гудят заводы,
и дед в большой артели народу тапки шьет.
А ну, еще полгода, ну крайний срок — два года,
и все у нас наденут бостон и шевииот.
Но в темном коридоре, в пустынном дортуаре
сжимает Николаев московский револьвер,
и Киров на подходе, и ГПУ в угаре,
и вводит Немезида графу «СССР».
А дед и бабка рады — начальство шьет наряды,
приносит сыр и шпроты, ликер «Абрикотин».

Граница на запоре и хороши отряды
и есть кинотеатры для звуковых картин.
А дальше все как надо — обида и блокада,
и деда перевозят по Ладоге зимой.
И та же Немезида ни в чем не виновата,
она лишь секретарша. О, боже, боже мой!
Теперь в глубоком царстве они живут, как могут:
Зиновьев, Николаев, Сосо и лысый дед.
И кто кого под ноготь, и кто кого за локоть,
об этом знает только подземный Ленсовет.
А я стою и плачу. Что знаю? Что я значу?
Великая судьбина, холодная земля.
Все быть могло иначе, но не было иначе,
за все ответят тени, забвенья шевеля.

ПОСЛЕДНЕЕ УТРО

За станцией «Сокольники» сломали монастырь,
у кладбища раскольников раздался вширь пустырь.
Шестнадцатое мая, рассветная жара,
Но Клавдия Петровна здесь сорок лет жила.
Сосед мой Валентинов построил Днепрогэс,
вернулся коллективно и поселился здесь.
Привез жену и бабу, что скоро померла.
Соседка Валентина не помнит, как жила.
Она с годов тридцатых водила свой трамвай...
Остаток, не устаток — бульдозер, добивай!
Лягутся матрасы, слетает шифоньер,
пилоты и матросы летят во весь карьер
из стареньких альбомов, из рамок завитых.
Стоит сосед Антонов, лежит сосед Седых.
Он выпил нынче ночью, он утром перебрал,
Седых Семен Семенович здесь дочку потерял.

.....
Стоят кресты кладбища и церковь Покрова,
малиновый клопище ползет из рукава
крановщика Сережи. Я тоже голошу:
«О, всемогущий боже! Уж я тебя прошу:
учи меня рыданию и масс и аонид,
включи меня в преданье, от коего знобит,
сожги меня до пепла и обрати в подзол,
одень на праздник в светлонебесный свой камзол,
пошли мне, ради бога, квартиру и привал,
и вылей у порога белоголовый вал!»

.....
Сентября последнее,
а жара — что летняя,
и бульвар Кропоткина
насыпает под ноги
шелуху ничтожества,
мелочи художества.
Только также шуришься
ты под поздним солнышком
и опять красуешься
вежливым зверенышем.
Я-то знаю истинно
все твое палачество
сверху вроде чистенько,
но потом наплачешься
шелухой летнею,
грязью новогоднюю,
изуверской сплетнею,
зимней подворотнею.
Не клади мне на руку
изумруд отточенный,
знаю по каталогу:
все у нас окончено.
Той последней каплею
крови на царапине,
болью темносладкою
по прекрасной гадине.

Иозас Казлаускас. СССР. «Море Карское».

Редакция журнала «Огонек» и Советский комитет защиты мира объявляют международный конкурс фотографии под девизом «Земля у нас одна».

На конкурс принимаются черно-белые и цветные фотоснимки, показывающие все многообразие жизни человека в современном мире, выражающие стремление людей различных стран лучше узнать друг друга, жить в мире и согласии на нашей планете.

В конкурсе, который проводится в течение 1988 года, могут принять участие как профессиональные фотографы, так и фотолюбители из разных стран.

Фотоснимки на конкурс размером 24×30 см с указанием фамилии автора и его почтового адреса следует направлять по адресу:

101456, Москва, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Огонек». На конверте указать: «На фотоконкурс».

Присланные фотографии не рецензируются и авторам не возвращаются.

Лучшие фотографии будут публиковаться на страницах журнала «Огонек».

Для победителей конкурса, которых определит жюри, установлены следующие премии:

Для иностранных участников:

1 премия — поездка в СССР сроком на 7 дней;

5 поощрительных — памятные подарки.

Для советских участников:

1 премия — 500 рублей;

5 поощрительных — по 100 рублей.

Валерии Щеколдин. СССР. «Трудная буква».

ФОТОКОНКУРС
ЗЕМЛЯ
У НАС
ОДНА

Валерий Гвозд. СССР. «Летающий дед»

Дамазы Квятковский. Польша. «Дети Вьетнама»

ПРОШУ СЛОВА!

ЧТО ЖЕ С НАМИ ПРОИЗОШЛО?

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕЗИДИУМУ АПН СССР

В прошлом году кафедра Новосибирского педагогического института, где работаю, не оставляя любимую школу, так спланировала мою нагрузку, что я имела возможность побывать на уроках учителей-новаторов, вокруг которых идет шум уже много лет. Вопрос, принимать новаторов или нет, никогда передо мной не стоял. Меня всегда интересовали их идеи. Было ощущение, что присутствие на их уроке откроет мне то, что, возможно, и составляет подлинный смысл новаторского труда. Ведь надо учителя видеть в главном — в общении с детьми! Надо видеть второго равноправного участника педагогического эксперимента и через него — ребенка! — постичь душу эксперимента, а не только его технологию. И я поехала.

Пребывание в школах Москвы, Ленинграда, Тбилиси меня ошеломило: я увидела толпы учителей, которые устремились самостоятельным порядком к новаторам. Они ехали через всю страну на свою кровную заработную плату. Ехали на свой страх и риск, не ведая, где придется приклонить голову на ночь. По 100—90 человек ежедневно принимал неистовый Федор Иванович Михайлов в ленинградской школе № 307. Вынужден был закрыть для посещения гостей школу № 109 ее директор Евгений Александрович Ямбург: невозможно справиться с неорганизованным потоком приезжающих. До самого последнего дня учебного года давали уроки в присутствии посторонних героические учителя из школы Шалвы Амонашвили в Тбилиси. Надо было видеть своими глазами эти толпы учителей, которых воодушевили идеи новаторов и встречи в телевизионной студии Останкино. Среди учителей народ был всякий. И не об этом сейчас речь. В перемену я слышала, как одна очень немолодая учительница из Тулы радостно рассказывала своей новой подруге с Камчатки, как ей повезло: на Московском вокзале Ленинграда ее устроили ночевать в комнате матери и ребенка. А в Тбилиси я видела учительницу из Иванова, которая и на уроках вынуждена была сидеть со своей малолетней дочерью: не с кем дома ребенка оставить. А ехать надо — на будущий год ей запланировали шестилеток!

Легко ли сняться с места за тридцать земель, чтобы увидеть Ильина на уроке, или напрягать ухо, вслушиваясь в шепот переводчика в классе Амона-

швили! А они, учителя, все ехали-ехали... И несть числа им! За три месяца пребывания в разных городах и разных школах я ни разу не встретила ни одного работника Академии педагогических наук или Минпроса. И пока я путешествовала и знакомилась с передовым опытом учителей-новаторов, шли баталии работников аппарата АПН СССР, а также Минпроса с «Учительской газетой», которая впервые за многие десятилетия бескомпромиссно вступила в бой за то, что является предметом нашей гордости, — за учителя-новатора.

Итак, в один из майских дней 1987 года я была в экспериментальной тбилисской школе. Испытала гордость, восхищение мужеством учителей и отчаяние: что же произошло с нашей школой и наукой педагогикой? Школы учителей-новаторов, осажденные страждущими и жаждающими, блестяще демонстрировали абсолютный разрыв между подлинным учительским опытом и педагогикой. Во все инстанции шли письма обиженных педагогических лидеров, а здесь, в школах, новаторы продолжали вести немисливо титаническую работу. Они тянули и тянут и за школу, и за АПН. Вот они-то и спасают честь науки! Непосредственное общение с новаторами и теми учителями, кто приехал к ним на урок, примостился на окне или присел на корточки на полу, перевернуло мою душу. И я невольно подумала обо всех тех, кто стоит во главе педагогической науки. Я думала: каково им в этой новой социально-исторической ситуации страны, когда надо отвечать за все, что было и есть, когда надо отвечать оппоненту по существу, а не приклеивать ему ярлык, как это публично, никого не боясь, делали министр просвещения Г. П. Веселов и его заместитель Д. М. Забродин. Это они в моем городе Новосибирске на разных совещаниях позволяли себе называть Шаталова и Щетинина балалаечниками и гармонистами. И это в ответ на требование присутствующих дать нам информацию о судьбах эксперимента! Неужели все, что явили миру новаторы, а явили они серьезные сбои в работе Академии педагогических наук, неужели все это не вызвало потребности покаяться и подать в отставку всем президиумом АПН, который известен полным небрежением к опыту новаторов и подбострастием к Минпросу, равнодушному к творческой мысли учителя! Неужели письмо в «Учительскую газету» секретаря партбюро президиума АПН СССР И. Зверева под названием «Есть явный застой» так

и останется последним словом президиума АПН СССР? Об общем уровне статьи говорить не приходится. Чего стоит такая одна фраза: «По инициативе партийного бюро создан перспективный план, предусматривающий последовательную работу по выращиванию научных кадров, хорошо владеющих практическим опытом». Где же вы собираетесь их вырастить, когда уже сформировалось поколение так называемых ученых, в сознании которых школа не присутствует вовсе? И кто их будет выращивать? Кто сам вырос вне школы?

Когда я читаю разгромные статьи о ведущих ученых АПН, ломавших Сухомлинского, Шаталова, Лысенкову, когда читаю статьи о Коротове или Лихачеве, меня не покидает тревога (с этими учеными все ясно): что же будет с новым поколением? Все-навсего один пример: в 1969 году (если мне не изменяет память) нашей кафедре психологии и педагогики было рекомендовано поддержать кандидатуру Б. Т. Лихачева в члены-корреспонденты АПН СССР... И мы, вся наша кафедра, автоматически поднимаем руки. Но... Одна наша коллега, Нина Ивановна Загоренко, выпускница МГУ, решительно встает и задает тот самый простой вопрос, который, как говорил Лев Николаевич Толстой, всегда имеет далекие следствия: «Как мы можем рекомендовать в члены-корреспонденты человека, который на наших глазах распылал Сухомлинского и продолжает это делать сейчас?» Я помню, что все мы в тот момент как бы пробудились: в самом деле, что же мы делаем? Началось новое заседание кафедры, на котором выступил каждый из нас со своей мотивировкой отвода кандидатуры Лихачева. Значительное лицо, рекомендовавшее нам голосование за Лихачева, сказало с привычным цинизмом: «Неужели вы не понимаете, что ваш так называемый гражданский пыл не имеет никакого смысла? Все, что вы здесь делаете, не только смешно, но и небезопасно: у Лихачева поддержка в верхах». Мы знали и это. Лихачев был всюду. Он был членом ВАКа. Он возглавлял редакционно-издательский отдел, возглавлял один из координационных советов по науке. Мы все были в поре профессионального расцвета. Многие из нас понимали, что двери редакций для нас будут закрыты, что мечты о докторской могут остаться мечтами. Но, поверьте, мы были счастливы, что сказали «нет». Удивительное это ощущение свободы. Тогда мы поняли, что внутренняя свобода — это прежде всего лад со своей совестью. Оказывается, какая это, в сущности, малость и чепуха — все то, чему ты отдаешь предпочтение, выступая против истины! Мы голосовали против Лихачева. Все единодушно.

И все-таки почему? Атлет Юрий Власов сказал, что коллективное прозрение опасно. Смело заметить, что оно все-таки лучше коллективного гипноза, если из этого прозрения ты извлекаешь уроки. Так вот: мы все были учителями; подавляющее большинство совмещало работу учителя с преподаванием в вузе. За спиной у каждого из нас было более десятка лет работы в школе. Педагогическое подвижничество Сухомлинского мы ощущали всем сердцем. А уже через 18 лет после того памятного голосования на нашей кафедре педагогики возникла другая ситуация: если бы в 1987 году «голосовалась» кандидатура Лихачева, то подавляющее большинство членов этой кафедры проголосовало бы «за». В период торжества учителей-новаторов, в период гласного обнажения механизма торможения народного образования на этой кафедре произносятся речи... о большом вкладе Лихачева в педагогику. Вот в чем драматические последствия периода застоя!

В поре зрелости находится поколе-

ние ученых, монополю воспитанных на трудах Лихачева, Коротова, Пискунова, Хрипковой и их с ними. Это поколение встретит третье тысячелетие работающим поколением. Я все-таки не вытерпела и спросила одного из работников кафедры педагогики, как это могло случиться такое странное явление: поддержка Лихачева в период перестройки. От преподавателя истории педагогики (заметьте!) я услышала: «...Мы ведь не в курсе личных взаимоотношений между Сухомлинским и Лихачевым...» Вот еще один тайный механизм торможения обнаруживается. Скажите честно: разве не имеет смысла выяснить, что произошло с нашей АПН? Не что у Сухомлинского с Лихачевым вышло, а что вышло у науки со школой?

Я хочу вспомнить некоторые события двадцатипятилетней давности. В 50-х годах в Минпросе на Чистых прудах шло совещание молодых ученых, на которое и я была приглашена. Там впервые услышала выступление Василия Васильевича Давыдова. Он ярко излагал свою смелую концепцию обучения, захватившую тогда всех нас. Там я впервые услышала Эвальда Васильевича Ильенкова с его идеей всестороннего развития личности и механизмов формирования личности. И очень неинтересно, банально выступал зав. кафедрой педагогики из Вологды молодой Борис Тимофеевич Лихачев. Что же произошло за эти четверть века, как случилось, что в науке процветали ученые типа Лихачева, а Ильенков и Давыдов, так блистательно начинавшие свою профессиональную судьбу в 50-х годах, оказались постепенно в позиции обороняющихся, а потом и вообще не определяли ход научных событий? Я абсолютно согласна с теми, кто говорит, что настало время не разбрасывать камни, а их собирать. Но опасно, собирая камни, так и не уяснить для себя того механизма, который изнутри разваливает здание. Мне ясно одно: без серьезного и честного осмысления всех процессов, которые привели АПН СССР к ее сегодняшнему состоянию, двинуться дальше нельзя.

10 июня 1983 года я написала письмо президенту АПН СССР Михаилу Ивановичу Кондакову, который до недавнего времени оставался на этой должности. Ответа не получила, но я не могла не написать того письма, потому что ситуация, которую наблюдала, потрясла душу мою. Начиная с 1968 года я регулярно проходила стажировки в Институте общей и педагогической психологии.

Мне выпала честь стажироваться в лаборатории академика Василия Васильевича Давыдова, который был директором института. Но в апреле 1983 года Давыдов уже принимал посетителя в одном из закутков соседнего здания. Кабинет директора института общей и педагогической психологии занял А. М. Матюшкин.

Давыдов был из тех немногих психологов, у которого была своя школа в самом изначальном смысле этого слова. Научная идея Давыдова породила новый тип школы, новый тип учителя и новый тип ученика, но академия, зная это, перво-наперво отобрала у Давыдова его школу — отобрала то, в чем он был недостижим и неуязвим. Я была на уроках в этой школе № 91, а монография Давыдова «Виды обобщения» мои студенты читали, как стихи. Да, и такое было...

Я застала тогда в институте ситуацию, когда все были ошеломлены известием о том, что В. В. Давыдова и Д. Б. Эльконина вывели из состава ученого совета института. Я была столь наивна, что в своем письме президенту Академии наук решила... известить его об этом событии; словно он его могло пройти мимо него, словно он его не санкционировал! Я писала, что это

позорное событие в системе АПН «способно взорвать педагогическую общность». Я уверена, что это произойдет рано или поздно». Ах, как я ошиблась — педагогическая общность не взорвалась. К тому времени она была порядком развращена все тем же механизмом застоя. Достаточно прочесть внимательно стенограмму Всероссийского съезда учителей, и вы увидите, как яростно сражается педагогическая общественность в лице делегатов съезда с «Учительской газетой». На страницах этого отчета вы уже не найдете имен ни Давыдова, ни Эльконина. В тот свой приезд я была свидетелем преступного действия: разгонялась лаборатория, которая как раз и разрабатывала теоретические основы образования! Под сокрушительный удар попали многие авторы уникальной книги «Философско-психологические проблемы развития образования». Попробуйте-ка достать эту книгу! Мы ее переписывали от руки. Но именно она и была уничтожена. Я сообщила в своем письме президенту Кондакову о судьбе известного философа А. С. Арсеньева, участника войны, автора единственной в нашей педагогике статьи, которая реально, в ситуации культуры XX века ставит вопрос о соотношении естественнонаучного и гуманитарного образования — острейшая проблема, которой так и не коснулись всерьез многочисленные НИИ. И мы по-прежнему имеем все те же общие тезисы о всестороннем развитии, которые сводятся к механическому плюсованию: умственное, физическое, эстетическое и т. д. Я писала тогда о судьбе двух работ все той же лаборатории. Мне казалось, что еще можно было спасти дело. Речь шла о судьбе философа В. С. Библера, которого Давыдов пригласил для теоретической разработки проблем образования.

Я знала Библера с 1976 года. Он горячо интересовался математическими классами, которые были созданы в Новосибирске одними из первых в стране по инициативе крупнейшего математика академика Сергея Львовича Соболева. АПН стыдливо делала вид, что таких классов не существует, хотя их опыт требовал своего осмысления. Библер вдохновил меня на исследование проблемы диалога в обучении как наиболее адекватного способа развития мышления человека XX века. Только на нашем факультете защищены несколько дипломных работ, в теоретическую основу которых легли идеи этого философа. Под руководством Библера был заложен интереснейший и захватывающий эксперимент в харьковской лаборатории ученых, которые сами работали в школе.

И вот... Я присутствовала на заседании совета института, когда новый директор Матюшкин закрывал монографию Библера, которую ждали психологи, педагоги, философы.

В Институте общей и педагогической психологии уже тогда царил атмосфера, в которой аргумент ученого решительно ничего не означал. Это был тот самый институт, который собирал даже в период так называемого застоя людей со всех концов страны. Мы приезжали из провинции за свой счет, чтобы послушать цикл лекций профессора Мераба Константиновича Мамардашвили о Рене Декарте (к девяти утра уже нельзя было сесть даже на полу в актовом зале института). Здесь разворачивались потрясающие дискуссии о Бахтине и Выготском. Скрещивались отточенные пики аргументов Георгия Петровича Шедровицкого и Владимира Петровича Зинченко, Василия Васильевича Давыдова и многих других, кто не был в чести у президиума нашей академии.

Теперь со всем этим было покончено. Что же произошло? Президент АПН СССР не ответил на мое письмо. И тем

не менее я по сей день убеждена: без ответа на этот вопрос «Что с нами всеми произошло?» движения вперед быть не может. Как случилось то, что случилось? Каковы социальные и, если хотите, технологические сбои в механизме, которые могли привести к отставке Давыдова, к разгрому некоторых направлений, лабораторий в структуре АПН? Для меня ответы на эти вопросы носят не исторический, общий характер, а личностный, так как история педагогики и есть мое личное дело. Я считаю: нужен же честный разговор об ошибках, заблуждениях или же несостоявшихся благих намерениях.

Есть еще один миф, который не дает мне покоя. Миф, в создании которого, наверное, приняли участие и братья-журналисты. Это миф о монолитности Академии педагогических наук. Чувство монолитности дает ощущение защищенности, поэтому руководство АПН, защищаясь, не говорит о главном. О том, что руками аппарата АПН шла расправа с настоящими учеными, что только смерть дала право Сухомлинскому стать классиком педагогики. Охранительное мышление в науке — что может быть страшнее этого? Шаталов, Лысенкова, Ильин, Волков, Никитины, Амонашвили — они не думали о том, чего нельзя, и потому победили. Вопреки всем устрашающим приказам они знали, что должно быть, и с бесстрашием шли к тому, во что верили.

Заканчивая письмо, задаю все тот же вопрос. Что же с нами произошло?

Мне нельзя не получить ответа на этот вопрос, потому что речь идет уже не обо мне, а о том поколении, которое я сейчас учу. В этом учебном году в своих девятых классах я начала изучение литературы XIX века с Герцена. А как же без Герцена начать XIX век? Как?! И вот мы вместе с детьми начали размышлять на тему, заданную Герценом: «...от кого и кого зависит будущность людей и народов...» А потом мы уточнили тему и писали сочинение: «Зависит ли лично от меня судьба людей, народов». И знаете, что писали сегодняшние ученики? Это долгий сказ. Но пафос в том, что они верят стране, верят в то, что от них лично зависит многое...

Неужели мы их снова обманем? Вот что двигало мною, когда я писала это письмо. Надо исключить из механизма перестройки все то, что возвращало нас от обнадеживающего начала к печальному финалу. Ведь на глазах одного поколения формировался и действовал тот самый механизм, который перемалывал людские судьбы. Я отлично понимаю, что жизнь сложна, и этого не скрываю от своих учеников. Но очень важно сейчас понять, почему же не сработало все исторически прогрессивное в педагогической науке? Неужели не ясно, что дело не в сведении счетов! Разве об этом речь? Разве лично я, Горюхина, претендую на президентское кресло? У меня личных обид нет, и знаете почему? Меня никогда не могли лишить главного — моих учеников! Когда я вхожу в свой класс, закрываю за собой дверь и остаюсь один на один со своими учениками — это счастье, прекраснее которого нет ничего на свете. И главная моя радость: я вижу по своим ребятам — они поверили! И нужно сделать все, чтобы не обмануть их возникающее доверие. Но прежде, прежде нам самим надо ответить на вопрос: почему мы не сумели сделать то, что призваны были сделать?

Эльвира ГОРЮХИНА,
кандидат педагогических наук,
доцент Новосибирского педагогического института,
учитель русского языка и литературы школы № 10

О СУДЬБЕ АРАЛА

НЕ ПОМНЮ, СКОЛЬКО ПРОШЛО
ВРЕМЕНИ С ТЕХ ПОР, КАК ВЫЛЕТЕЛ
НАШ САМОЛЕТ. Я СИДЕЛ,
ОТКИНУВШИСЬ В КРЕСЛЕ. И ВДРУГ
С ЗАДНИХ РЯДОВ ЧЕЙ-ТО ГОЛОС
ЗАСТАВИЛ МЕНЯ ОЧНУТЬСЯ: «ГЛЯДИ,
ГЛЯДИ, МОРЕ!» ПРИЛЬНУЛ К СТЕКЛУ
ИЛЛЮМИНАТОРА. С ЗАОБЛАЧНОЙ
ВЫСИ ГЛАЗАМ МОИМ ОТКРЫЛОСЬ
ЗРЕЛИЩЕ ЖАЛКОЕ И ЖУТКОЕ:
ГРЯЗНО-ЖЕЛТАЯ МУТЬ С ИЛОМ
И ВОДОРΟΣЛЯМИ, НАПОЛЗАЯ
С БЕРЕГА, ДАЛЕКО УХОДИЛА В МОРЕ.

ПРИРОДА И МЫ

Прежде незаметные, мне гигантские песчано-рыжие косы, повсюду выступая со дна, кинжалом разрезали некогда безупречную гладь красавца Арала. «Вот каким ты стал!» — вырвалось у меня. Хотелось зажмуриться, не видеть всего этого... Аральское море глубоким не назовешь. Особенно мелки его южная и восточная части с пологими берегами. И потому потеря воды здесь ощутимее. Обмелевшее море, обнажая дно, ушло более чем на сто километров. За ничтожно малый срок площадь его акватории со-

Абдижамил НУРПЕИСОВ

Фото Валерия КРОХИНА

кратилась на тридцать семь процентов. А уровень воды понизился более чем на двенадцать метров. Теперь вся эта земля, покрытая солончаком, будто просоленная шкура, лежит пыльная и пустынная, и по ней раздольно гуляет ветер.

А ведь совсем еще недавно это море было другим.

Пусть на его берегах не росли кипарисы, и леса не окаймляли их зеленой стеной, но все равно оно наполняло и украшало своей жизнью всю огромную безводную пустыню между Каракумами и Кызылкумами. В летний зной, когда южное солнце нещадно выжигало все вокруг и квелия серая полынь уронив стебельки, еще больше никла к земле, и казалось, унылой степи не будет ни конца, ни края — вдруг перед взором измученного путника возникал Арал, и синии-синий, ласковый, быва-

ло, простирался он далеко и широко, радуя и взор, и душу, дарил людям надежду и прохладу. Какие были здесь пляжи! А какие камыши! Помню, в те годы однажды приехала в Аральск группа кинематографистов снимать фильм о рыбаках. Куда бы их ни везли, всюду перед ними стояли в своей первозданной, царственной красе толстоствольные могучие камыши, чуть не упираясь верхушками в небо. Кинематографисты глазам своим не верили.

Несметное богатство, лежавшее по всему берегу, служило сырьем для Кызыл-Ординского целлюлозно-картонного комбината. Потом обмелело море. Исчез камыш. И с тех пор комбинат существует на сырье, привозимом из Сибири.

Обмеление такого большого моря, как Аральское, за столь короткий срок имеет свои причины. Они известны: море уже который год перестало питаться стоками речных вод.

Народное хозяйство Казахстана и Средней Азии, особенно в послевоенный период, получило небывалое развитие. Бескрайние когда-то пустыни и полупустыни ныне превратились в хлопковые и рисовые поля. В одной только Кызыл-Ординской области по обе стороны реки Сырдарьи освоены под рисовые плантации крупные массивы прежде пустовавших земель. Помимо этого, на огромных территориях, расположенных между Амударьей и Сырдарьей, что ни год, поднимаются новые города, строятся крупные промышленные объекты. Трудолюбивые дехкане страны «белого золота» настойчиво отвоевывают и осваивают солнцем выжженные пустынные земли Сурхандарьи, и Голодной степи, и всего Каракумского массива... Это значит, соответственно увеличилось потребление воды Амударьи и Сырдарьи — этих двух извечных и добрых кормилиц моря. Уровень моря катастрофически упал и будет падать дальше. Трудно представить, что станет теперь с Аралом. Думал ли кто-нибудь об этом, берясь за преобразование земли?

А надо было бы... Ведь Аральское море не существует изолированно, само по себе. Жизнь и благополучие его находятся во взаимосвязи, органическом единстве с окружающей средой, с землей, воздухом, дождем, с растительностью. Для кого нынче секрет, что активное вмешательство человека послужило причиной нарушения извечной гармонии? В результате за минувшие двадцать лет половины моря практически не стало, что привело к ожесточению и без того резкоконтинентального климата Приаралья.

Вот несколько прискорбных примеров.

По всему Аральскому морю полностью прекратилось рыболовство, а также судоходство.

Наступило резкое нарушение экологического равновесия всего региона, вызывая мощные пылевые бури по всему южному и восточному берегу. По данным съемок из космоса установлено, что солепылевой вынос в миллионы тонн стал распространяться на сотни километров. Уже сейчас по всей территории Каракалпакии, Бухарской, Хорезмской и Кызыл-Ординской областей на каждый гектар орошаемого поля в год с неба оседают сотни килограммов соли. Сложилось чрезвычайно неблагоприятные условия для обитания человека, особенно в долине рек Амударьи и Сырдарьи, а эпидемиологическая ситуация находится уже на грани взрывоопасности. К такому тревожному заключению пришла Академия наук Казахской ССР.

С неизменным постоянством идет ухудшение качества воды в водохранилищах. Поступающие с рисовых и хлопковых полей коллекторно-дренажные воды интенсивно загрязняют Сырдарью и Амударью, и уже который год в воде неудержимо прогрессирует концентрация токсичных веществ. Они стали вместе с питьевой водой в повышенной дозе поступать в организм человека, что, со своей стороны, неминуемо вызывает ослабление иммунной защиты сил. В этих регионах резко возросла заболеваемость населения. Сейчас в одной только Кызыл-Ординской области диагностируется около сорока процентов инфекционной желтухи от общего числа заболеваний по республике. Лишь только за последние четыре года в области возникло немало других эпидемических заболеваний.

Беда, видимо, в самом деле не приходит одна. Казахи говорят: у беды семеро братьев. Под влиянием резких климатических изменений в бассейне Аральского моря сильно сократились осадки. И потому на паводковые и дождевые воды теперь не приходится рассчитывать: уже какой год над Аралом перестали появляться тучи. Начиная с конца весны все лето и всю осень опаленная зноем, выгоревшая приаральская степь лежит безжизненной, мертвой.

С резким и неудержимым понижением уровня моря быстро уменьшается влага и в почве, вода в колодцах ушла далеко, повсюду произошли необ-

ратимые изменения в растительном мире, повысилась засоленность, происходит повальное деградирование и опустынивание огромного массива сельскохозяйственных угодий.

Из-за стремительного наступления пустыни и солончака сократились выпасы. Резкое уменьшение кормовой базы повлекло падение поголовья скота, увеличило расходы на производство продукции. Особенно пострадали благодатные пески Больших и Малых Барсуков с их неистощимыми зимой и летом запасами подножных кормов, с неглубокими пресноводными колодцами, которые в истории народа издревле считались святыней.

Если в ближайшее время не произойдет какого-нибудь чуда, мы будем свидетелями полной катастрофы. Через несколько лет нарастающий темп прироста новых орошаемых земель и, я бы сказал, беззащитное и варварское потребление воды Амударьи и Сырдарьи станет намного выше и сток ее уменьшится до минимума или прекратится полностью, что теперь уже, видимо, неизбежно. После этого море, по прогнозам специалистов и ученых, неминуемо превратится в гигантский испаритель, выбрасывающий ежегодно не менее шестидесяти кубокилометров воды в атмосферу. Беззащитное море останется в тисках двух неумолимых врагов — солнца и ветра... В дальнейшей борьбе, как предсказывал ныне покойный академик Е. Федоров, произойдет разделение моря на две части: на северную — малую и южную — большую, которое, кстати, уже в этом году явно намечилось в районе острова Куг-Арал. Потом, уже на последнем этапе, произойдет раздробление на мелкие озера, с крепчайшим, как утверждают специалисты, рассолом на дне. Ведь известно, что в Аральском море содержится более одного миллиарда тонн соли!

Скажем прямо, картина невеселая. Но я отнюдь не сгущаю краски. Известные ученые и специалисты стали открыто высказываться в печати о том, что «конец Арала как жизненной среды, как живого моря близок». А каково же должно быть наше состояние, когда на наших глазах гибнет море, которое жило и здравствовало бог знает сколько веков в этом подлунном мире!

Разумеется, гордиться будет нечем, а горевать есть основания. Проблема Арала занимает сейчас умы и сердца многих людей. Созданы экспертные группы научных работников и инженеров-специалистов, которые ведут научно-исследовательские и проектно-испытательские работы по предотвращению кризиса.

Несколько лет назад в Аральск приезжал академик Федоров. Познакомившись на месте с реальным положением дел, он еще тогда сделал трезвый вывод. Предотвратить кризисный процесс он считал практически невозможным. В качестве конкретной и реальной меры ученый предлагал ежегодно отпускать воды Амударьи и Сырдарьи Аральскому морю после того, как произойдет разделение его на две части, — давать воды столько, сколько необходимо для поддержания уровня двух озер, приостановив дальнейший процесс усыхания.

Я сознаю, что многого не понимаю в этом сложном экологическом процессе. Но я определенно знаю, что будущее синего Арала отнюдь не усыпано розами. Судьба его поставила перед нами всеми трудную и серьезную задачу.

Она, эта проблема, требует неотложного вмешательства и принятия экстренных мер. Не менее важно как можно быстрее, в экстренном порядке, сделать окончательный выбор правильной стратегии по спасению этого бессточного бассейна, который, помимо прочего, является уникальным регулятором климата Средней Азии и Казахстана. Все теперь говорят об этом! Все единодушны в этом мнении! И верю я, недалек тот день, когда наконец-то осознаем необходимость перейти от слов к делу, от проектов и предложений к действию. Ибо до сих пор все существование постановления, все научно-технические решения, предложения и проекты остаются в лучшем случае лишь благим пожеланием или сочувствием бедствующему региону.

В заключении экспертной группы научного совета Академии наук СССР по проблемам почвоведения и мелиорации было четко сказано о необходимости срочного и незамедлительного решения социальных, экономических и экологических проблем, связанных с Аралом. Интересы общества и народа требуют сохранения Арала во что бы то ни стало и в то же время — освоения новых земель, увеличения производства продукции, что вынуждает хлопкосеющие районы увеличивать потребление воды. Все это кажется явлением естественным. Но только на первый взгляд. Если разобраться серьезно, то нетрудно убедиться, что стремительный этот рост водопотребления не всегда обоснован. Постараюсь доказать.

Сельское хозяйство предельно оснащено техникой. Благодаря широкому применению современных мощных машин люди обуздали Сырдарью и Амударью, и сейчас годовой сток этих двух рек находится в надежных водохранилищах. Мы крепко держим его в руке, не давая в иные засушливые годы даже глотка воды усыхающему морю. Добро, видимо, перестает быть добром, теряет свою ценность, когда оно чрезмерно. Что и говорить, воды теперь в водохранилищах достаточно — только не ленись нажать кнопку, и она послушно польется. А мы, позабыв, что когда-то во время полива наши отцы и деды дрожали за каждую каплю, льем и льем порой их как расточительно!

Об этом говорят, пишут. Но пока, к сожалению, жесткая необходимость экономного расходования воды не дошла еще до сознания многих и многих.

Сколько лет упорно шла дискуссия вокруг одной идеи! Это проект, разработанный институтами Москвы, Ленинграда, Алма-Аты и Ташкента относительно возможности повернуть сибирские реки. Идея была заманчивой. Но, как известно, теперь на нее крепко наложено вето.

Но, допустим, вопреки всему эту идею сумели реализовать. Дали воду северных рек Аралу. Теперь подождите! Ведь нельзя забывать, что от Оби до Арала сибирская вода должна покрывать расстояния не менее двух с половиной тысяч километров. На ее пути находятся крупные промышленные города, сельскохозяйственные угодья, страстно жаждущие появления воды, и, появившись она, люди сразу начнут брать кто по ложке, а кто и по черпаку, и желанная вода все равно до Арала не дойдет. Ведь не потому мелеет Арал, что маловодны реки Амударьи и Сырдарьи. Вовсе нет. Годовой сток обеих рек составляет 114,7 кубокилометра, чего с лихвой хватило бы для поддержания истонного уровня моря. Дело же в том, что, как уже было сказано, драгоценная влага разбрасывается на полив хлопка, риса, на поля и для нужд промышленности.

Рек в Казахстане вроде немало. Но, к сожалению, Казахстан находится в низовьях всех больших и малых рек. И в результате мы всегда довольствовались тем, что перепало нам от щедрот водопользователей, расположенных в верховьях рек, в том числе Амударьи и Сырдарьи. Не распространяясь далеко, сошлюсь только на один факт. Постановлением Государственной экспертной комиссии Госплана СССР от 7 февраля 1973 года была определена годовая норма воды реки Сырдарьи для нужд орошаемых земель Казахстана в объеме четырнадцати кубокилометров. Но на протяжении вот уже пятнадцати лет земледельцы Казахстана недополучают эту норму.

Особенно драматично положение в низовьях Сырдарьи, которые не обеспечивались даже санитарными пропусками воды. В результате, как уже было сказано, произошел интенсивный процесс опустынивания низовьев, резко ухудшилось водоснабжение населения, подошла к опасной черте общая санитарно-эпидемиологическая обстановка, создались исключительно тяжелые социально-бытовые условия проживания людей на территории всей Кызыл-Ординской области. Как видно, при распределении водных ресурсов все еще не удается установить твердый, гарантированный и разумный лимит по республикам Средней Азии и Казахстану. Точнее говоря, установленный лимит есть, но пока что никаких гарантий на него нет.

Все это заставляет задумываться порой о причине, поставившей жизненно важный регион в бедственное положение. Безусловно, причин много.

Сознаю, что я, далекий от науки человек, позволю себе в своих суждениях некоторую эмоциональность. Но случаются такие моменты, когда нет-нет да и паразит меня увиденное: скажем, с экрана телевизора еще недавно горделиво показывали Сарыкамышское водохранилище среди сыпучих песков, где, насколько мне известно, пока, кроме разведения рыбы, никакие другие отрасли народного хозяйства не развиваются.

Или Арнасайское водохранилище. Конечно, я тоже понимаю: прежде безлюдные места благодаря вмешательству человеческих рук за короткий срок резко изменили свой мертвый облик. В самом деле, «не земля, а вода родит». Смотрите, с хлынувшей водой по каналу пришла и жизнь! И еще какая! Бурная и полнокровная! Слово в красивой сказке чудотворная сила в мгновение ока преобразила каракумские пески. Воды некогда свирепой, могучей реки, захлебываясь, теряясь в горячих и сыпучих песках Каракума, все же сумели дать ему жизнь. Как по мановению руки зацвели сады, благоухают цветы, в озерах заплескались рыбы... Словом, появились оазисы посреди сыпучих песков, ненасытно пожи-

ГОРЬКИИ ПЛОД

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Валерий СОЙФЕР

рающих огромное количество воды под знойным небом Туркмении...

Таким образом, руками советского человека создан на прежде веками пустовавшем, богом и людьми забытом месте воистину сказочный рай. Есть основания ликовать, сочинять поэмы, стихи, писать статьи, готовить передачи по радио и телевидению, воздавая дань восхищения потомкам некогда легендарного труженика народного эпоса Фархада!

Но все-таки ценой каких жертв? Каких?!

Иссушая море, опустошая окружающую среду в глобальном масштабе, расстраивая до основания налаженные нечеловеческими усилиями наших отцов рыбопромышленные хозяйства по всему Аралу, лишаясь добычи до пятидесяти тысяч центнеров ценной рыбы в год, закрывая рыбозаводы на островах, распуская рыболовецкие колхозы, наконец, окончательно лишаясь самой дешевой и удобной водной магистрали — судоходства? Мало того, начиная с флагмана Аральской флотилии — легендарного теплохода «Коммуна», который в дни гражданской войны громил белую армию, — все рыболовецкие суда, большие и малые, который уже год, словно выброшенные на рифы киты, огромные, жалкие, чернеют и гниют по всему берегу усыхающего моря. Берега моря нынче стали кладбищем кораблей и разных барж, сейнеров, лодок.

Я вполне понимаю, что сейчас что-либо изменить в создавшемся положении невозможно. Что случилось, то, как говорится, случилось. Я говорю это все скорее в порядке размышления вслух. И каждый раз испытываю чувство досады и невольно думаю: если бы при создании проекта Каракумского канала наши ретивые специалисты учли бы не только извлекаемые из него выгоды, но и не менее важное обстоятельство, что вся жизнь коренного населения Приаралья всегда зависела от состояния самого моря! Быть может, я ошибаюсь, но создается впечатление, что наши специалисты при разработке проектов каналов, гидроэлектростанций и водохранилищ, как правило, не принимают в расчет неизбежного ущерба, наносимого природе.

Слава богу, сейчас уже не стоит вопрос, как прежде, об изменении и покорении природы. Сейчас вроде бы научились — правда, пока что на словах — бережливо относиться к природе-матушке, понимая как умом, так и сердцем хрупкость и нежность этого огромного мироздания. И вроде бы мы отказались от прежнего односторонне-потребительского отношения к ресурсам. Хотя и запоздало, но все-таки стали понимать, что планета не нам одним принадлежит, она никогда не была собственностью одного лишь поколения. Планету, если хотите, мы берем взаймы у потомков, потому и нам следует передать ее будущему поколению не как обносок со своего плеча, а в ухоженном, облагороженном виде.

Вот пишу я об Арале, бесконечно дорогим и милом мне море, думаю и печалюсь о его незавидной нынче судьбе, и, знаете, не выходит из головы вошедшее в обиход выражение ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ. Самые нужные слова людям, живущим в конце XX века! Воспитание в людях экологического сознания в широком общегосударственном масштабе — дело первостепенной важности. Посудите сами: в живописном Кокчетаве только за минувшие десять лет высохло более сорока озер, уровень Байкала, Балхаша, Севана и Иссык-Куля неудержимо падает. Арал — на грани гибели. И ему сейчас, как смертельно раненному на поле брани солдату, нужно оказать неотложную помощь.

В недалеком будущем любая тварь на земле будет искать защиту в тонюсенькой корке Красной книги, и в этой критической ситуации всем нам, землянам, следовало бы усвоить ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ как священную заповедь. Я уверен, недалек тот день, когда внутренняя культура человека и степень его гуманности будут определяться в числе всего прочего также и наличием именно этого сознания. Мне понятна обоснованная тревога передовых людей нашей страны — ученых и писателей, которые во весь голос, открыто начали выступать, остерегая человечество от бездумья и бездумия к матушке-природе.

Публикуемая ниже статья В. Сойфера документально рассказывает об одном из трагических периодов отечественной биологии. Печальная своей известностью августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года, следовавшая за ней сессия физиологов, затем процессы над врачами 1952 года. Эти годы частично описаны в романах Д. Гранина «Зубр» и В. Дудинцева «Белые одежды», но жизнь тех лет была сложнее и трагичнее, чем выглядит для читателей со страниц даже самых гражданственных произведений. Эти события отложили отпечаток и на несколько последующих поколений ученых, затормозив развитие отечественной науки на многие годы. У одних появился конформизм, осторожность, эзоповский стиль в изложении своей позиции по острым вопросам, у других, наоборот, — агрессивность, нежелание понять оппонента, нетерпимость к возражениям, стремление к безграничной власти. Синдромы «Галилей — Урбан» и «Моцарт — Сальери» вечны, поэтому необходима надежная защита от монополизма в науке, репрессий и физического уничтожения оппонентов. Каждый ученый имеет право на ошибку, но подменять власть аргументов на аргументы власти, использовать свое положение и методы насилия для доказательства правоты пагубно для науки. Печальное эхо тех событий наука чувствует и сегодня и будет чувствовать до тех пор, пока окончательно не выяснится психология этого социального зла и не будет создан надежный законодательный механизм защиты. Именно поэтому необходим документальный анализ прошлого. Только на основе коллективного разума можно нормализовать различные стороны общественной жизни и определить границы, за которые не должны выходить человеческие страсти. Все это необходимо сделать для нашего будущего.

Член-корреспондент АН СССР,
лауреат Ленинской и Государственной премий
Г. Р. ИВАНИЦКИЙ

«НАРОДНЫЙ АКАДЕМИК»

В 1948 году Трофиму Денисовичу Лысенко исполнилось пятьдесят лет. Он мог испытывать полное удовлетворение прожитой жизнью. Не к закату, а в самом расцвете сил он стал, пожалуй, самым известным советским ученым, академиком сразу трех академий — Академии наук УССР (с 1934 года), ВАСХНИЛ (с 1935 года) и Академии наук СССР (с 1939 года, когда в состав союзной академии избрали сразу и Сталина, и Вышинского, и Лысенко). С 1938 года после ареста и расстрела двух предыдущих президентов ВАСХНИЛ — А. И. Муралова и Г. К. Мейстера — Трофим Лысенко наконец-то занял пост президента этой академии, созданной

и первоначально (до 1935 года) руководимой Н. И. Вавиловым. Но уже и Вавилов не было в живых: после долгой осады этого крупнейшего ученого самим Лысенко и его ближайшими клевретами Николая Ивановича Вавилова арестовали 6 августа 1940 года, а в январе 1943 года он скончался в Саратовской тюрьме от истощения. Сразу после ареста Вавилова Лысенко поспешил захватить руководство Институтом генетики АН СССР, созданным Н. И. Вавиловым. Теперь новый директор, не просто не понимавший генетики, но люто ее ненавидевший, изничтожал вавиловский дух в некогда всемирно известном институте, одно лишь название которого сохраняло родство с генетикой. Из бывших вавиловских соратников в институте осталось только трое. Другой институт, где Вавилов был директором, — Ленинградский ВИР (Всесоюзный институт растениеводства), был разгромлен приказом, подписанным президентом ВАСХНИЛ Т. Д. Лысенко...

И друзья, и критики Лысенко давно уже знали, сколь опасно задевать «народного академика», как называли часто Лысенко в газетах: ведь его ценил и поддерживал сам Сталин, и уже многие из тех, кто даже ненароком «обижал» любимца великого вождя, оказались в лагерях и тюрьмах.

Впервые Лысенко удостоился публичной похвалы Сталина в феврале 1935 года. Тогда в Кремле собрали ударников сельского хозяйства на встречу с руководителями партии и правительства. Лысенко в ту пору уже был возведен сверх всякой меры советской прессой. В 1929 году он сообщил о том, что знает, как с помощью воздействия на прорастающие семена пшеницы холодом увеличить производство зерна (такой прием был назван яровизацией). Идею еще до всякой ее проверки подхватили газеты, работники наркоматов земледелия и на Украине, и в Москве. С 1930 года Лысенко начал активно поддерживать тогдашний глава биологической и агрономической науки академик Н. И. Вавилов, как-то разом поверивший в силу, ум и стремление Лысенко помочь нарождающимся колхозам. Яровизация еще не дала стране ни килограмма лишнего зерна, а Лысенко в 1931 году уже был удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Но пока яровизацию превозносили, а Лысенко занимался самовосхвалениями, другие ученые — П. Н. Константинов, П. И. Лисицын — и под их руководством широкая сеть опытных станций по всей стране методично и скрупулезно проверяли на 35 сортах действие яровизации. Ученые убедились, что ничего, кроме вреда, эта новинка земледельцам и стране не несет. Результаты проверки были обнародованы в конце 1935 года, но слушать правду никто уже не хотел.

Да и Лысенко не сидел сиднем и не почивал на лаврах. Он придумал способ, необходимый для того, чтобы все время держаться на плаву. Каждый год он выдавал новые, броские по форме идеи, сулившие небывалые доселе урожаи, манипулировал ими, раздавал лихие обещания, расцветивая их, как фокусник на манеже. Еще не успевали проверить предыдущую новинку, как уже была готова новая.

На совещании передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства. Товарищи Сталин, Андреев, Микоян и Косиор слушают речь академика Т. Д. Лысенко.

Снимок сделан в Кремле 29 декабря 1935 года. Фото М. Калашникова и Н. Кузнецова

Газета «Правда», 3 января 1936 г.

Но как ни силился Лысенко представить свои идеи последним словом человеческой мысли, предложения его все больше и больше входили в противоречие с азами науки, особенно новой науки о наследственности — генетики, и, сообразуясь с этим, он все более яростно нападал на ученых. Его аргументы были малоосновательны, но убойны, ибо Лысенко обвинял ученых не в ошибочности предпосылок и слабости доказательств, а в буржуазности, упадочничестве, ненужности и даже вредности для «науки колхозно-совхозного строя» (термин Лысенко), которую якобы он и его ученики создают в нашей стране. Уже и Вавилов несколько раз мягко, потечески пытался наставить своего протеже на путь истины, но стоило ему сделать первые внушения, как отношение Лысенко к своему благодетелю разом сменилось на открытую неприязнь.

К моменту, когда обретший силу «ученый-новатор» поднялся на Кремлевскую трибуну, чтобы держать речь перед Сталиным, водораздел между Лысенко и большинством ученых уже явственно проступил в своих главных очертаниях, и сам Лысенко это отчуждение большинства коллег отлично чувствовал. Поэтому он и решил построить свою речь перед Сталиным на двух «китах». Он хвастался своими достижениями и бранил научных оппонентов.

Впервые из уст академика прозвучали слова о том, что и в науке орудуют вредители, впервые научная полемика квалифицировалась как политическая диверсия. Обращался при этом Лысенко вроде и не к Сталину, и не к другим вождям, сидящим в президиуме, а к своим же собратьям-крестьянам в зале, но хорошо понимал Трофим Денисович, в чьем сердце они вызовут бурный прилив радости. Психологом, сердцеведом этот «народный академик» был отменным.

«Товарищи,— говорил Лысенко,— ведь вредители-кулаки встречаются не только в вашей колхозной жизни. Вы их по колхозам хорошо знаете. Но не менее они опасны, не менее закляты и для науки. Немало пришлось кровушки попортить в защите, во всяческих спорах с так называемыми «учеными» по поводу яровизации, в борьбе за ее создание, немало ударов пришлось выдержать в практике. Товарищи, разве не было и нет классовой борьбы на фронте яровизации?»

«...Было такое дело... вместо того, чтобы помогать колхозникам, делали вредительское дело. И в ученом мире, и не в ученом мире, а классовый враг — всегда враг, ученый он или нет».

Чуть позже он снова вернулся к вопросу о вражеской сути ученых и обвинил их еще в одном «грехе», в том, что они только зазря хлеб народный проедают. «Колхозники,— заявил этот новоиспеченный академик,— а таких колхозников у нас довольно много,— дают народному хозяйству больше, чем некоторые профессора».

Чем дальше говорил Лысенко, тем больше это

нравилось Сталину. В конце концов он возбудился настолько, что вскочил с места, зааплодировал и громко сказал:

— Браво, товарищ Лысенко, браво!

На следующий день центральные газеты напечатали эту речь Лысенко, оборвав ее на возгласе Сталина. Но было, оказывается, в ней и продолжение, смысл которого Лысенко, возможно, сам был и не в состоянии полностью осознать, но которое не могло не накатыть волны радости на сердце самого большого «инженера человеческих душ»:

«В нашем Советском Союзе, товарищи, люди не рождаются, рождаются организмы, а люди у нас делаются,— трактористы, мотористы, механики, академики, ученые и так далее, и так далее. И вот один из таких сделанных людей, а не рожденных, я — я не родился человеком, я сделался человеком».

И чувствовать себя, товарищи, в такой обстановке — больше, чем быть счастливым. Как говорил товарищ Киров, убитый нашими врагами,— жить в такой век очень хочется. Я испытываю, как приятно быть ученым в наш век».

В конце того же 1935 года Лысенко еще раз выступил перед Сталиным, снова и снова прокручивая в своей речи тезис о вредности ученых. В конце концов эти ссылки на ученых, которые только и делают, что мешают ему работать, дали эффект. Тогдашний, приближенный к Сталину, недавний нарком земледелия СССР Я. А. Яковлев (в 1938 году его расстреляли) спросил из президиума:

— А кто именно, почему без фамилий?

На что Лысенко тут же выпалил несколько фамилий, первым назвав того, кто больше, чем кто-либо, помогал ему, пропагандировал его, выдавал ему, причем без должных на то оснований, блестящие характеристики и ходатайства и кто даже на этом совещании воспедал ему славу — академика Николая Ивановича Вавилова.

На следующий день после совещания газета «Правда» сообщила, что Лысенко награжден высшим орденом страны (всего Лысенко получил восемь орденов Ленина, трижды ему присуждали Сталинские премии, он был удостоен звания Героя Социалистического Труда).

В ответ на это сообщение отец и мать орденосца послали трогательное письмо Сталину, которое также напечатала «Правда». Были в этом письме строки, навсегда запавшие в память Сталину, и говорили они о том, что в колхозах теперь «жить стало лучше и веселее». Слегка видоизменив эту фразу, Сталин затем выдал ее за свою, и стал после этого гулять по стране лозунг, едва ли не самый популярный в годы правления Сталина.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ТРУДНОСТИ ЛЫСЕНКО

В начале войны произошло событие, надолго отразившее жизнь Трофиму Денисовичу. Когда к Харькову

подшли немецкие войска, его родной брат, работавший в одном из научно-исследовательских металлургических институтов и про которого и до войны шла дурная слава (с теми, кто был ему не симпатичен, он расправлялся простым способом — писал доносы, после чего люди исчезали), перешел на сторону фашистов. Брата великого Лысенко приняли с почестями. Город переходил из рук в руки, и каждый раз немцы увозили с собой младшего Лысенко, а затем, возвращаясь, водворяли его на прежнее место. После войны он вынырнул на Западе.

Можно представить то щекотливое положение, в какое поставил президента ВАСХНИЛ его братец. Тем не менее с постов президента ВАСХНИЛ, директора академического института и заместителя председателя Совета Союза его не убрали. Однако прохладное отношение верхов чувствовалось.

Отражением такого отношения стал факт публикации сразу после войны статьи академика А. Р. Жебрака в американском журнале «Наука». Жебрак был не рядовым исследователем. Коммунист с 1918 года, участник гражданской войны, Антон Романович получил хорошее образование, окончив не только Тимирязевскую академию, но и Институт красной профессуры. Для более углубленной специализации в генетике он был командирован в 1930—1931 годах в США, где работал в Колумбийском университете и в Калифорнийском технологическом институте (у основателя хромосомной теории наследственности Томаса Х. Моргана). Позже он возглавил кафедру генетики и селекции в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, одно время (не бросая преподавательской деятельности) работал в аппарате ЦК партии. В 1940 году его избрали на родине — в Белоруссии — академиком АН БССР, в 1945 году он стал президентом этой академии. Тогда же он и получил задание от кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Н. А. Вознесенского подготовить статью для американского еженедельника «Наука». Статью эту, названную «Советская биология», просмотрел и разрешил отправить в США начальник Совинформбюро и также кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков.

Она была посвящена разбору достижений советских ученых, и в ней достаточно корректно, но все-таки вполне открыто высказывалась критика в адрес Лысенко. Таким образом, вес этого неодобрительного высказывания, сделанного фактически по указанию высшего партийного руководства, был большим.

Статьей А. Р. Жебрака не ограничились симптомы настороженного отношения к Лысенко со стороны партийных руководителей высокого ранга. Так, в 1946 году в академии начали создавать новый генетический институт, в котором бы можно было развернуть исследования в области современной генетики. Новый президент АН СССР, родной брат Н. И. Вавилова — Сергей Иванович Вавилов, на первых порах после его избрания на этот пост 17 июля 1945 года активно способствовал организации инсти-

тута. А. Р. Жебрак и привлеченный им к этому делу Н. П. Дубинин взяли на себя хлопоты по составлению планов будущего института. Бюро отделения биологических наук одобрило как идею создания Института цитологии и генетики, так и перспективный план его исследований. Президиум АН СССР вошел с ходатайством в правительство СССР по данному вопросу (что означало для тех, кто знал неписанные правила взаимоотношений на верхах, что вопрос уже согласован настолько, что можно направить такое ходатайство), а отдел кадров Академии наук уже начал выделять ставки для зачисления сотрудников в будущий институт.

Показательным было и присуждение Сталинских премий в 1946 году не лысенковским ставленникам, а двум ученым, известным своим негативным к Лысенко отношением: академику В. С. Немчинову за труд «Сельскохозяйственная статистика» и профессору В. И. Эдельштейну за его учебник «Овощеводство». Столь же показательным было избрание в 1946 году членом-корреспондентом АН СССР не кого-то из сторонников Лысенко, а Н. П. Дубинина. И хотя Лысенко еще продолжал по инерции занимать высокие посты (его, например, в очередной раз избрали заместителем Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР), в это же самое время восхваления лысенкоизма в печати сильно притихли.

В феврале 1947 года состоялся Пленум ЦК партии, посвященный положению в сельском хозяйстве страны. Не требовалось много труда, чтобы заметить и в выступлениях на Пленуме, и в итоговых его документах более чем прохладное отношение ко многим лысенковским предложениям и обещаниям. Вопреки многолетним лысенковским декларациям о выведении новых сортов, ненужности и даже вредности гибридной кукурузы, о пользе от замены на Украине всей озимой пшеницы яровой, а в Сибири наоборот — яровой пшеницы — озимой в постановление Пленума были внесены пункты, диаметрально противоположные лысенковским.

Все эти разрозненные факты складывались во вполне ясную картину, показывавшую однозначно смену отношения к Лысенко у многих лидеров партии и правительства и рост недовольства его деятельностью. Понимал это прежде всего и сам Лысенко. Поэтому, выступая после Пленума на партийном собрании в ВАСХНИЛ, он, с одной стороны, продолжал восхвалять сам себя, утверждая, что его предложения (яровизация, летние посадки картофеля и др.) полностью себя оправдали, но, с другой стороны, хотя бы на словах признал полезность близкородственного скрещивания (инцухт-метода), о котором раньше он и слышать без раздражения не мог.

ОКАЗЫВАЕТСЯ, ДАРВИН ОШИБСЯ

5 ноября 1945 года в Москве собрали работников селекционных станций, и Лысенко прочел им лекцию «Естественный отбор и внутривидовая борьба». Смысл лекции заключался в том, что Дарвин, оказывается, ошибался, неправильно представлял себе движущие силы эволюции, и ошибку эту обнаружил только теперь он, Т. Д. Лысенко. По его словам, создатель теории эволюции некритически воспринял идею Мальтуса о роли перенаселения и потому пришел к неверному выводу о наличии в природе внутривидовой борьбы. «Виды и разновидности никогда не достигают перенаселенности», — сказал он. — Наоборот, всегда, как правило, наблюдается недонаселенность... внутривидовой конкуренции поэтому не существует». А из этого умозаключения следовало очередное «открытие», показывающее, что Лысенко поднялся на качественно новый уровень по сравнению со старым — из сфер прикладного характера он перешел в сферы глубоко теоретические: «открыл» взаимопомощь растений и даже их способность к самопожертвованию.

«Теория» была встречена биологами в штыки. «Логика» Лысенко вызвала всеобщее непонимание, а затем и возмущение, ибо выяснилось, что ошибочность центрального положения дарвинизма Лысенко обосновывал крайне просто — арифметическими подтасовками. Естественно, в его адрес посыпался град насмешек. Но Лысенко преградно знал, как ему поступать. На защиту своих взглядов он направил силы, к науке отношения не имеющие, но действовавшие безотказно. С 5 января 1946 года газета «Социалистическое земледелие» начала печатать из номера в номер статью продолжателя дела Дарвина, как сам Лысенко себя аттестовал, под тем же названием «Естественный отбор и внутривидовая конкуренция».

В это время до Лысенко стали доходить то из одного, то из другого места слухи о готовящемся биологами (и теперь уже не одними генетиками, а специалистами различных биологических дисциплин) опровержении. Чего-либо конкретного эти слухи пока не содержали, но, будучи искусственным политиком, он, конечно, понимал, какое сейчас неподходя-

щее время для еще одной теоретической дискуссии, сколь пагубно сочетание недовольства на верхах с противостоянием биологов в академической среде. Неясные для простачков шепотки по углам звучали для его изощренного слуха так пронзительно чисто, что пропустить мимо ушей эти сигналы, предвещавшие бурю, он никак не мог. Нужно было принимать ответные меры, срочно выправлять крен, иначе судну лысенкоизма грозила катастрофа. И, естественно, как изощренный политик, Лысенко создал, что борьбу надо вести не с позиции науки. Специалисты искали и находили ошибки в его научных построениях, значит, следовало нанести удар по идейным ошибкам ученых, заклеймить их за грехи куда более важные, чем «мелкие фактические промахи», ясное дело, неизбежные при строительстве огромного здания мичуринской биологии. Ответные меры, рассудил Лысенко, должны соответствовать запросам сегодняшнего дня.

А времена сменились. Верный своей доктрине «обострения классовой борьбы по мере строительства социализма», Сталин разнообразил формы идеологического давления.

В том же 1946 году А. А. Жданов, секретарь ЦК ВКП(б), прочел первый из своих докладов с нападками на интеллигенцию — о якобы неверной позиции журналов «Звезда» и «Ленинград». За ним последовали обвинения композиторов и кинематографистов, философов и историков, даже тех, кто неверно интерпретировал восстание рабов в Древнем Риме.

Несколько позднее закрутились жернова еще одной кампании — искали тех, кто «низкопоклонствует перед Западом», хамелеонствует и космополитствует. С гневом объявлялось: такие ежемесячно готовы продать Родину, для них одобрение западных коллег важнее чести и совести, они забывают, что и теплоход, и паровоз, и телефон, и радио, и самолеты впервые появились в России. «Россия — родина слонов», — мрачно шутили остроловы. И снова пошли не пересуды, а суды с приговорами и обвинениями во вредительстве, продаже на Запад технологий, шпионаже.

Эти изменения в политической обстановке в стране и решил использовать Трофим Денисович. Надо было только правильно подобрать первую мишень, ударить по кому-либо из самых крупных врагов, желательно из тех, к чьему голосу прислушивались и наверху.

СУД НАД ЖЕБРАКОМ

Решили ударить по А. Р. Жебраку. Поводом для этого избрали статью, опубликованную им в 1945 году в американском журнале. Если кто и мог забыть эту статью, то никак не Лысенко. Она была использована для обвинения Жебрака ни больше ни меньше как в предательстве Родины.

6 марта 1947 года в «Ленинградской правде» появилась статья ближайшего сподвижника Лысенко — И. И. Презента «Борьба идеологий в биологической науке». Она начиналась словами:

«Последние решения Центрального Комитета партии по идеологическим вопросам ко многому обязывают партийный актив и советскую интеллигенцию. Они обязывают вытравить какие бы то ни было остатки низкопоклоннического отношения к зарубежным идейным веяниям, смело разоблачать буржуазную культуру, находящуюся в состоянии маразма и растления».

Затем Презент, не выбирая выражений, высказался о генетике:

«Загнивающий капитализм на империалистической стадии своего развития породил мертворожденного ублюдка биологической науки, насквозь метафизическое, антиисторическое учение формальной генетики».

Приведя столь же сердитую цитату из «Вопросов ленинизма» Сталина, Презент продолжил обруживание генетиков, но уже не западных, а советских, сообщил о том, какой ужасный, фашистский журнал «Наука» существует в Америке, остановился на одном из «профашистских мракобесов», Карле Саксе, «подвизающемся в Гарвардском университете» (снова слова Презента), а потом сообщил, что и в СССР есть полностью с ним согласный профессор — А. Р. Жебрак: «Карл Сакс не заслуживал бы какого бы то ни было внимания... Однако, пожалуй, более интересно, до каких пределов низкопоклоннического пресмыкательства перед границей может дойти профессор, живущий в Советской стране и в то же время тянущий одну и ту же ноту с г-ном Саксом. А ведь именно так поступил профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии А. Р. Жебрак, который в статье, опубликованной им за границей по поводу выступления Сакса, по существу, полностью солидаризуется с профашистом Саксом в оценке теоретических достижений нашей советской передовой школы биологов, мичуринской школы, возглавляемой академиком Лысенко».

Этот первый выпад желанной цели не достиг. Должного внимания на статью не обратили. При-

шлось вести длительную закулисную возню, чтобы опорочить Жебрака сильнее. Через шесть месяцев они своего добились. 2 сентября 1947 года в «Правде» появилась разгромная статья мало кому известного кандидата экономических наук И. Д. Лаптева, подписавшегося здесь профессором, который продолжил обвинения А. Р. Жебрака в антипатриотичности и предательстве. По словам Лаптева: «А. Жебрак... вместе с реакционнейшими зарубежными учеными... унижает и охаивает нашу передовую советскую биологическую науку и ее выдающегося современного представителя академика Т. Д. Лысенко... Надо потерять чувство патриотизма и научной чести... ослепленный буржуазными предрассудками, презренным низкопоклонством перед буржуазной наукой, он встал на позицию враждебного нам лагеря».

Заключительные фразы статьи напоминали стиль 37-го года: «К суду общественности тех, кто тормозит решение этой задачи (в кратчайший срок превзойти достижения науки в зарубежных странах), кто своими антипатриотическими поступками порочит нашу передовую советскую науку».

Статья в «Правде» была уже нешуточной акцией. Делом занялось Министерство высшего образования, так как наряду с работой в АН БССР Жебрак продолжал заведовать кафедрой в Тимирязевской академии в Москве. Министром в это время был близкий Лысенко человек — Кафтанов, предписавший рассмотреть проступок Жебрака на «суде чести» (что-то вроде сегодняшнего товарищеского суда). Через месяц при огромном стечении народа «суд чести» состоялся в Политехническом музее. Ему предшествовал инструктаж председателя суда — тогдашним секретарем ЦК ВКП(б) М. А. Сусловым. На суде выступил молодой доктор наук, входивший тогда в доверие к Лысенко, Н. В. Турбин. Защищал А. Р. Жебрака член-корреспондент АН СССР Н. П. Дубинин.

Однако показательный процесс не удался. Сказать что-то убедительное на публике суд просто не мог. Антон Романович умело и спокойно оборонялся, и суд вынес ему общественное порицание за «непатриотическое» обращение не к советской прессе, а в зарубежный журнал. То же, что Жебрак высказал негативное суждение о Лысенке и квалифицировал его даже не как генетика, а как агронома, в вину ему не поставили.

И тем не менее последствия и статьи в «Правде» и «суда чести» оказались для Жебрака тяжелыми и показали, что Лысенко еще не развенчан, более того, у него появились сильные покровители. Уже в октябре ученый, виднейший в стране генетик, был снят с поста президента АН БССР. На его квартиру в Минске нагрянули сотрудники госбезопасности, но не застали Антона Романовича дома — он в буквальном смысле слова скрывался у друзей в Москве. Жебрак в Минск не приехал, а в Москве его не тронули.

ЛЕКЦИЯ Ю. А. ЖДАНОВА

Открытые споры о сути дарвинизма привели тем не менее к плачевному для Лысенко результату. Спор выплеснулся на страницы «Литературной газеты». С возражениями против новой лысенковской идеи выступили академик И. И. Шмальгаузен, профессор Д. А. Сабинин, А. Н. Формозов, С. Д. Юдинцев. Их буквально обружали сторонники Лысенко (А. А. Авакян, Д. А. Долгушин, Н. Г. Беленький, И. Е. Глушченко, В. Н. Столетов и Н. В. Турбин) и философы во главе с М. Б. Митиным. Газета опубликовала также подборку писем читателей (офицеров, домохозяек, строителей, студентов). Но, несмотря на поддержку философами и простыми читателями, лысенкоисты проиграли в этом споре в главном. Впервые после войны взгляды Лысенко оказались под огнем открытой публичной критики. Академика И. И. Шмальгаузена и его коллег из МГУ не следовало выставить на роль простачков-недотеп. Те, кто это делал, доброго к себе расположения снискать не могли. Времена менялись, и что такое фракционность, групповщина, все в стране хорошо понимали. Группа Лысенко была известна, и не только биологам, тогда как многие отлично знали, что эволюциониста Шмальгаузена, физиолога растений Сабинина или зоолога и биогеографа Формозова никакие рамки групповщины не связывают. Их громкие имена крупнейших в своих областях специалистов были популярны в стране. Поэтому криками и огульностью обвинений затушевать принципиальную сторону научного спора было никак нельзя.

Накапливалось и все больше фактов дезорганизующего характера большинства лысенковских предложений, которым в свое время была устроена реклама от яровизации и внутрисортного скрещивания до гнездовых посевов кок-сагыза, борьбы с вредителями полей с помощью кур.

В 1947 году два биолога — В. П. Эфроимсон и А. А. Любищев — передали в ЦК партии рукописи своих работ о вреде лысенковщины (каждая более

сотни машинописных страниц). Написанные страстно, со знанием дела, изобилующие цифрами и сопоставлениями (особенно книга Эфроимсона), они любому непредвзятому человеку, несомненно, открывали глаза на вред лысенкоизма.

Книги эти встретили в ЦК партии не очень холодный прием. В аппарате Центрального Комитета начал выдвигаться на ведущие позиции сын секретаря ЦК А. А. Жданова — Юрий, окончивший в 1941 году химический факультет МГУ, интересовавшийся многими вопросами, включая философию, и, что особенно важно, генетику. Еще будучи студентом, он познакомился с некоторыми из генетиков, своими руками проделал небольшой практикум по генетике и убедился, например, в полной истинности законов Менделя и тех материалистических выводов, которые словесно «опровергали» сторонники Лысенко.

Став в 1947 г. заведующим Отделом науки ЦК ВКП(б), Юрий Андреевич Жданов получил наконец не только возможность влиять на развитие науки в СССР, но и нес за это персональную ответственность. Он стал встречаться и беседовать с представителями обоих направлений биологии в СССР, и, не страдая изначальной предубежденностью к генетике и генетикам, к тому же будучи относительно независимым от окружения человеком, Ю. А. Жданов быстро разобрался в существе дела. Поэтому не было ничего удивительного в том, что он решил начать открытую борьбу с Лысенко.

10 апреля 1948 года в Москву были собраны лекторы обкомов и крайкомов партии на очередной семинар. Это было серьезное мероприятие, которому всегда придавалось большое значение. Инструктаж лекторов приводил к тому, что нужные на сегодняшний день установки, идеи и положения быстро доносились до населения, так как внимание к лекционной работе было в те годы исключительным. Ни радио, ни кино (телевидения еще не было) не могли даже отдаленно сравниться с ролью устного слова, разносимого доверенными лекторами. Поэтому роль семинаров в Москве, собираемых регулярно, была уникальной.

Представлять слушателям нового заведующего Отделом науки ЦК партии было не нужно. К словам сына тогдашнего идеолога прислушивались с особым уважением. А говорить Жданов-младший стал о состоянии биологии, об ошибках Лысенко. Значительная часть выступления была посвящена тому, что Лысенко монополизировал биологию, что в течение многих лет он кормит несбыточными обещаниями успехов в сельском хозяйстве, а сам тем временем зажимает важные направления, которые могли бы принести действительную помощь аграрному сектору экономики.

Докладчик не делал секрета из содержания своей будущей лекции, и слухи о ней докатились до «народного академика» еще до начала семинара. Узнав об этом, Лысенко решил услышать своими ушами то, что скажет заведующий Отделом науки, но сделал это необычным путем. Он оказался в кабинете своего друга М. Б. Митина, исполнявшего тогда обязанности заместителя председателя Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В комнату Митина было проведено радио, благодаря чему можно было, не присутствуя явно, слушать все, что говорилось в зале Большого лектория Политехнического музея.

Уже сам этот тайный маневр о многом говорил. Во всех случаях раньше Лысенко не прибегал ни к каким уловкам и без стеснения вступал в борьбу, но сейчас положение стало, по-видимому, настолько плохим, что ни предотвратить это выступление путем закулисных переговоров, ни, на худой конец, помешать Ю. Жданову в ходе лекции как Лысенко, так и его дружки не могли. Можно себе представить, какое сильное впечатление на зал и на докладчика могло бы произвести внезапное появление Лысенко с его характерной и известной всем в стране от мала до велика внешностью.

Но этого не произошло. Лысенко сидел, отгороженный от зала всего лишь небольшим коридором, и вслушивался в голос партийного руководителя, впервые за целые десятилетия говорившего о его, Лысенко, роковых ошибках. Было что-то трагическое во всей этой сцене. Чем-то униженным веяло от одного только вида худой, слегка сутулившейся фигуры пятидесятилетнего президента Академии сельхознаук, самого известного в стране ученого, вынужденного в одиночестве, за плотно затворенной дверью внимать голосу молодого Жданова, беспощадно сбрасывавшего его с пьедестала еще при жизни. Он не нашел в себе сил встать из-за чужого стола и, сделав десяток шагов, войти в аудиторию, чтобы хоть что-то возразить. Ему не хватило мужества и для того, чтобы скрестить шпаги с влиятельным критиком сразу после лекции. Они разъехались, не показавшись друг другу на глаза, и виновником умолчания, этой игры в прятки, был не Юрий Жданов, а Трофим Лысенко, отсидевший всю лекцию в одиночку в соседнем с залом кабинете.

Сразу после лекции Лысенко решил на отчаянный шаг. Еще раз он доказал, что был человеком неробкого десятка и прекрасным психологом. Он написал письмо Сталину и Жданову-старшему, желая спасти свое пошатнувшееся положение хотя бы и ценой «отречения от престола» — добровольного ухода с поста президента ВАСХНИЛ.

Удивительность этого шага заключалась в том, что по собственной воле ни один высокопоставленный чиновник такого ранга не прибегнул бы к столь рискованному эксперименту над самим собой, так как было хорошо известно, что при вспыльчивости Сталина, умело им прячущейся под внешней невозмутимостью, и широко распространенной теории, что незаменимых людей нет, подобный шаг мог привести к гибели. Доверили тебе работу, поставили на место — сиди и работай, не тебе решать, когда тебя снимать или повышать; это непреложное правило Лысенко знал отлично, и тем не менее он набрался смелости и решился его нарушить.

Насколько я знаю, до настоящего времени ни факт обращения Лысенко с письмом к Сталину и Жданову-старшему, ни тем более текст самого письма известны не были (впервые публично я зачитал его во время выступления на VII Международном конгрессе по логике, методологии и философии наук 22 августа 1987 года). А письмо это между тем сыграло решающую роль в дальнейших событиях, привело к погрому в биологии, учиненному Лысенко с разрешения Сталина. Итак, приведу его полностью:

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР
товарищу
СТАЛИНУ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ

СЕКРЕТАРЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП(б)
товарищу
ЖДАНОВУ АНДРЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
от академика Т. Д. Лысенко

Мне, как Президенту Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина и даже как научному работнику, стало очень тяжело работать. Поэтому я и решился обратиться к Вам за помощью. Создалось крайне ненормальное положение в агробиологической науке.

То, что в этой науке шла и идет борьба между старым метафизическим направлением и новым мичуринским — это общеизвестно, и это я считаю нормальным.

В настоящее время по понятным причинам *вейсманисты, неодарвинисты* применили новый маневр. Они, буквально ничего не меняя в основах своей науки, объявили себя сторонниками Мичурина, а нам, разделяющим и развивающим мичуринское учение, приписывают, что мы якобы сужаем и извращаем мичуринское учение. Понятно также, почему весь натиск *вейсманистов, неодарвинистов* в основном направлен персонально против меня.

В этих условиях мне, как руководителю Академии, работать крайне трудно.

Но все это было в известной мере нормальным и для меня понятным. Критерием истинности направлений и методов научной работы у нас является степень их помощи социалистической сельскохозяйственной практике. Это была основа, из которой я, как руководитель, черпал научные силы для развития мичуринского учения и для все большей помощи практике. Это также являлось наилучшим способом борьбы с метафизическими установками в биологии.

Несмотря на отсутствие научной объективности и нередко прямую клевету, к которой прибегали противники мичуринского направления, мне, хотя и было трудно, но, опираясь на колхозно-совхозную практику, я находил в себе силы выдерживать их натиск и продолжать развивать работу в теории и практике.

Теперь же случилось то, в результате чего у меня действительно руки опустились.

Десятого апреля с. г. начальник Отдела науки Управления пропаганды ЦК ВКП(б) тов. Юрий Андреевич Жданов сделал доклад на семинаре лекторов обкомов ВКП(б) на тему «Спорные вопросы современного дарвинизма».

На этом докладе докладчик лично от своего имени изложил наговоры на меня противников антимичуринцев.

Мне понятно, что эти наговоры антимичуринцев, исходя от докладчика — начальника Отдела науки Управления пропаганды ЦК ВКП(б), восприняты большой аудиторией лекторов обкомов ВКП(б) как истина. Отсюда неправда, исходящая от антимичуринцев неодарвинистов, приобретает

в областях значительно большую действенность как среди научных работников, так и среди агрономов и руководителей сельскохозяйственной практики. Этим самым руководимым мною научным работникам будет сильно затруднена дорога в практику. Это и является для меня большим ударом, выдерживать который трудно.

Поэтому я и обращаюсь к Вам с очень большой для меня просьбой: если найдете нужным, оказать помощь в этом, как мне кажется, немалозначущем для нашей сельскохозяйственной и биологической науки деле.

Неправильным является утверждение, что я не выношу критики. Это настолько неправдоподобно, что я не буду на этом вопросе в данном случае подробно останавливаться. Любую свою работу в теории и практике я всегда сам подставлял под критику, из нее я научился извлекать пользу для дела, для науки. Вся моя научная жизнь проходила под контролем критики, и это хорошо.

Докладчик меня ни разу не вызывал и лично со мной никогда не разговаривал, хотя в своем докладе всю критику в основном направил против меня. Мне было отказано в билете на доклад, и я внимательно его прослушал не в аудитории, а в другой комнате, у репродуктора, в кабинете т. Митина, заместителя председателя Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

В чем сущность доклада в моем понимании, можно судить хотя бы по моим, весьма отрывочным, записям из заключительной части доклада. Часть записей отдельно прилагаю.

Меня неоднократно обвиняли в том, что я в интересах разделяемого мною мичуринского направления в науке административно зажимаю другое, противоположное направление. На самом же деле это по не зависящим от меня причинам, к сожалению, далеко не так. Зажатым оказывается то направление, которое я разделяю, то есть мичуринское.

Думаю, что не будет преувеличением, если скажу, что лично я, как научный работник, но не как президент Академии сельскохозяйственных наук, своей научной и практической работой немало способствовал росту и развитию мичуринского учения.

Основная беда и трудность моей работы как президента заключалась в том, что мне предъявляли, по моему глубокому убеждению, неправильные требования — обеспечить развитие разных направлений в науке (речь идет не о разных разделах в науке, а именно о разных направлениях).

Для меня это требование невыполнимо. Но и зажимать противоположное направление я не мог, во-первых, потому, что административными мерами эти вопросы в науке не решаются, и, во-вторых, защита неодарвинизма настолько большая, что я и не мог этого делать.

Фактически я был не президентом Академии сельскохозяйственных наук, а защитником и руководителем только мичуринского направления, которое в высших научных кругах пока что в полном меньшинстве.

Трудность была и в том, что мне, как президенту Академии, приходилось научную и практическую работу представителей мичуринского направления (явного меньшинства в Академии) выдавать за работу всей Академии. Антимичуринцы же не столько занимались творческой работой, сколько схоластической критикой и наговорами.

Я могу способствовать развитию самых разнообразных разделов сельскохозяйственной науки, но лишь мичуринского направления, направления, которое признает изменение живой природы от условий жизни, признает наследование приобретенных признаков.

Я давно воспринял, разделяю и развиваю учение Вильямса о земледелии, о развитии почвы и учение Мичурина о развитии организмов. Оба эти учения одного направления.

Я был бы рад, если бы Вы нашли возможным предоставить мне возможность работать только на этом поприще. Здесь я чувствую свою силу и смог бы принести пользу нашей советской науке, Министерству сельского хозяйства, нашей колхозно-совхозной практике в разных разделах ее деятельности.

Простите за нескладность письма. Это во многом объясняется моим теперешним состоянием.

ПРИЛОЖЕНИЕ: упомянутое
Президент
Всесоюзной академии с.х. наук
имени В. И. Ленина — академик
Т. Д. Лысенко

17/IV.1948 г.»

(Окончание следует.)

СНИМИТЕ ШЛЯПУ ПЕРЕД ЕДОЙ!

Несколько загадок для развитого читателя. Какого цвета была белая лошадь Александра Невского? В Каспийское ли море впадает Волга? Догадались? Отлично.

Теперь можно перейти к изучению «Памятки для сотрудника поликлиники». Этот уникальный документ, не сшившийся и Гиппократу, выработан в недрах совета НОТ поликлиники №2 Спецуправления лечебно-санаторной помощи населению г. Москвы. Неизвестные творцы памятки пишут: «К основным профессиональным качествам сотрудника поликлиники относятся...»

Подумайте, читатель, что к ним относится. Ну как? Догадались? Отлично. А теперь правильный ответ:

«— готовность оказать медицинскую помощь, умение дать правильный и точный ответ на вопросы пациентов;

— бодрый, веселый, ровный, доброжелательный характер, хорошее настроение и душевное отношение к пациентам...». Таких качеств памятка называет много. Здесь и «умение извиниться» и «умение выслушать и внимательно отнестись к мнению пациента», «уместное использование шуток», «недопустимость оскорбительных выражений, резкого взгляда, интонации».

«Помните,— предостерегает памятка,— во время разговора не надо жестиковать без надобности... На ваш внешний вид и ваши манеры разговаривать обращают внимание окружающие». «Помните,— наставляет памятка,— при обращении пациента или старшего руководителя нужно встать». «Помните,— вопиет бумага,— нельзя протягивать пациенту руку первым. Если пациент здоровается за руку, ему нужно ответить рукопожатием».

Честное слово, хочется цитировать памятку целиком. Ну буквально с любого места. Чего стоят, например, афоризмы из части под названием «Внешний вид» (видимо, имеется в виду внешний вид врача): «Элегантность человека заключается в простоте его одежды», «Прическа женщины должна быть скромной, не мешающей выполнению профессиональных обязанностей», «Мужчина должен быть выбритым и подстриженным», «Туфли или ботинки должны быть начищены до блеска».

Интересно, сколько человеко-часов потрачено советом НОТ на создание «Памятки», какое количество сотрудников было задействовано в этом творческом процессе?

Хотелось бы также знать, как относятся к его результатам непосредственный руководитель поликлиники, обслуживающей, кстати, руководящий контингент столицы, начальник Спецуправления лечебно-санаторной помощи при Главном управлении здравоохранения Мосторисполкома В. Я. Ильин? Только одна просьба к нему: при обсуждении этой заметки постарайтесь, пожалуйста, соблюдать «хладнокровие, чувство собственного достоинства, любезность, предупредительность».

Леонид ЗАГАЛЬСКИЙ

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок
лауреата премии «Огонька»
Сергея ТЮНИНА

А. АГАНБЕГЯН

Ч. АЙМАТОВ

У. АНДЕРСОН

Г. БЕЛИКОВА

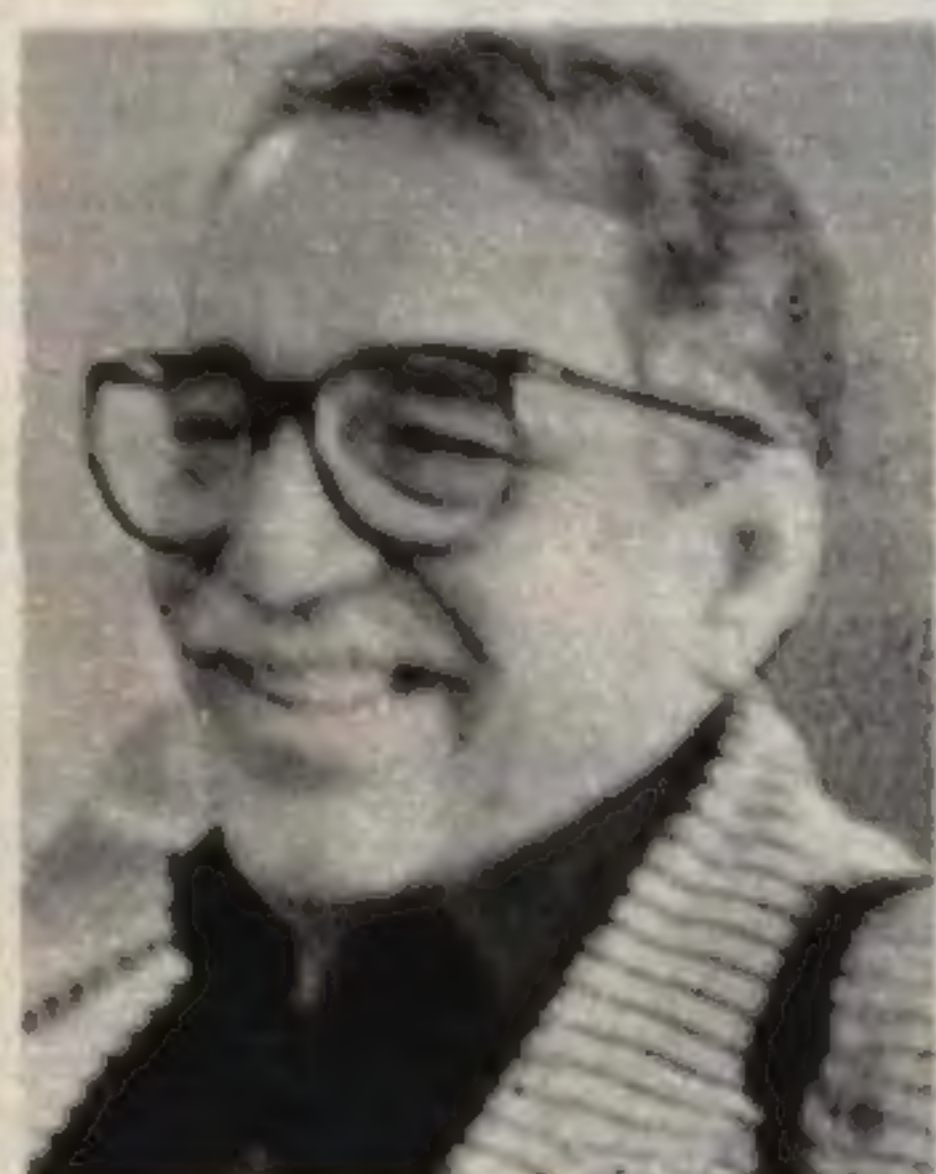
А. ШОХИН

А. БОРОВИК

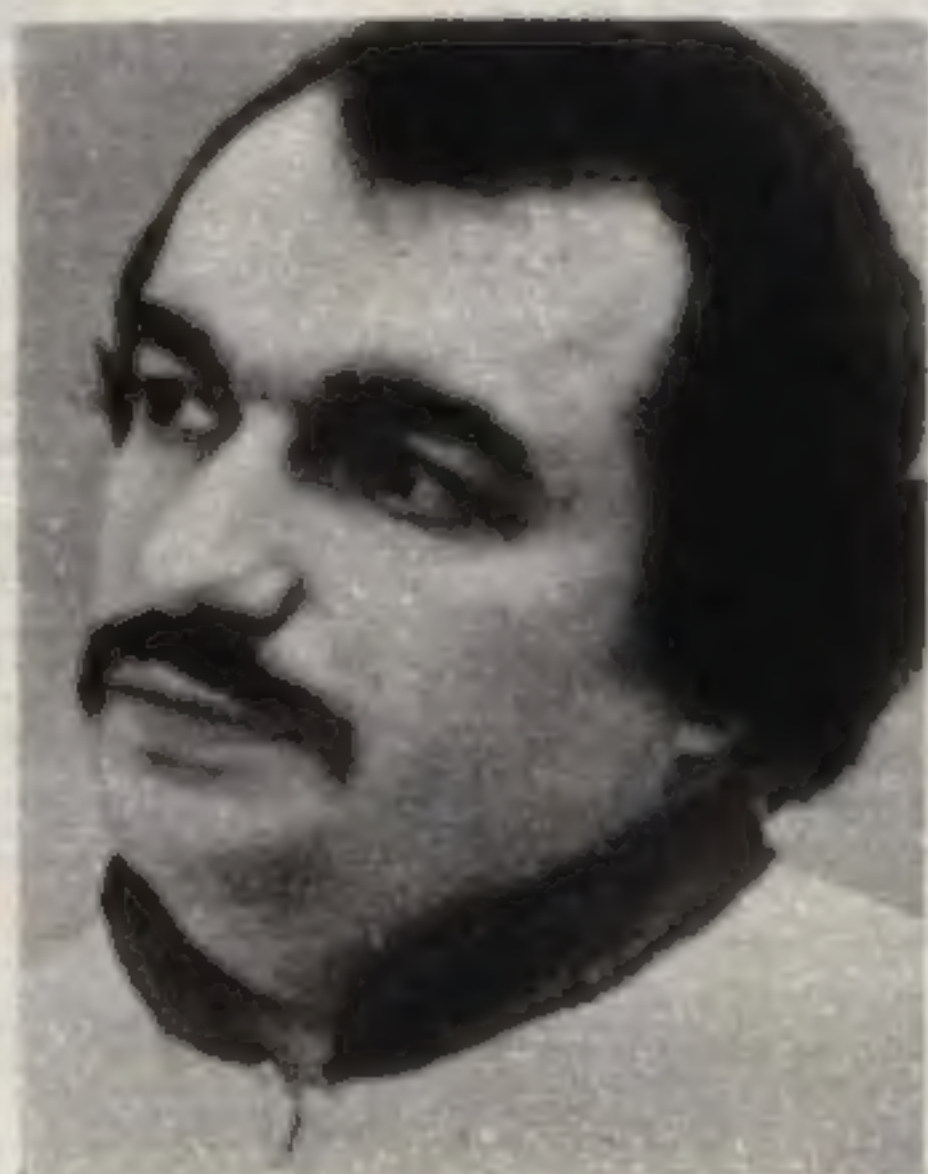
С. ВЛАСОВ

Г. ГАРСИА МАРКЕС

Н. ГОЩИЦКИЙ

С. ДЯЧЕНКО

Е. ЕВТУШЕНКО

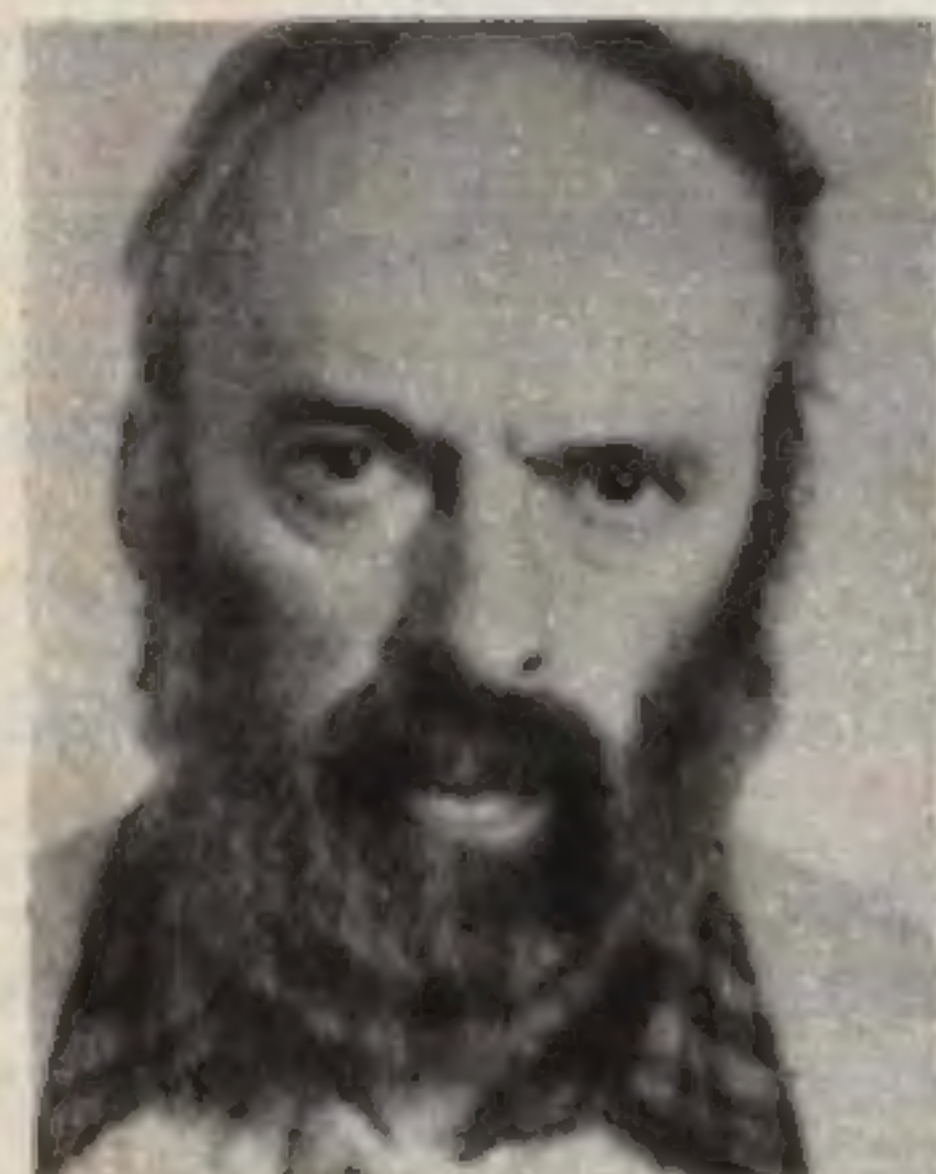
Т. ИВАНОВА

Н. ИЛЬИНА

Д. ЛЕ КАРРЕ

В. КОРНИЛОВ

П. КРИВЦОВ

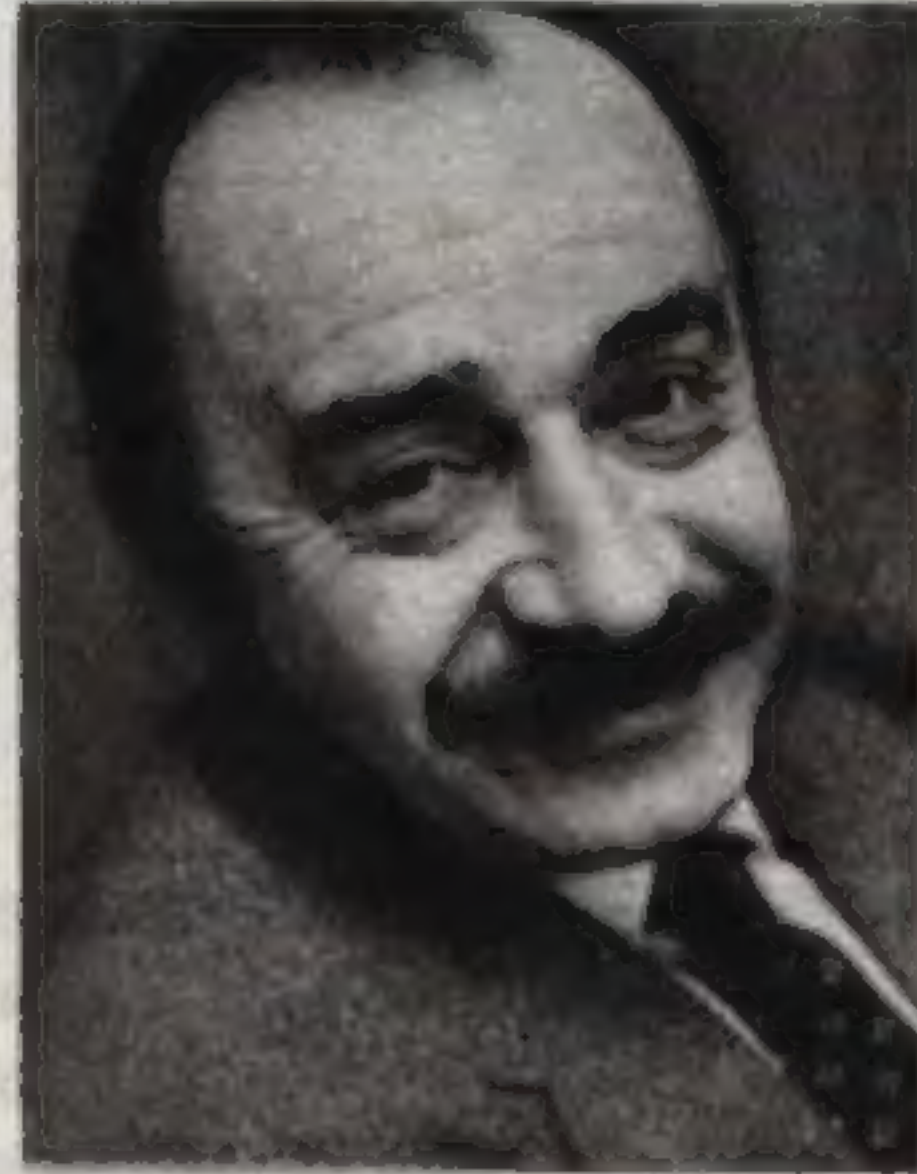
В. КАРАСЕВ

Е. КУРДАКОВ

В. ЛАПШИН

В. ЛЕЙБОВСКИЙ

Ф. МЕДВЕДЕВ

А. МИНКИН

Г. НОВОЖИЛОВ

О. ПЕТРИЧЕНКО

Л. ПЛЕШАКОВ

В. ПОЛИКАРПОВ

В. ПОПОВ

В. РЕДГРЕЙВ

А. РУБИНОВ

Ю. САМЕДОГЛУ

Б. САРНОВ

К. СУУР

И. ТОПЧИЕВ

С. ТЮНИН

Д. ЧАРКВИАНИ

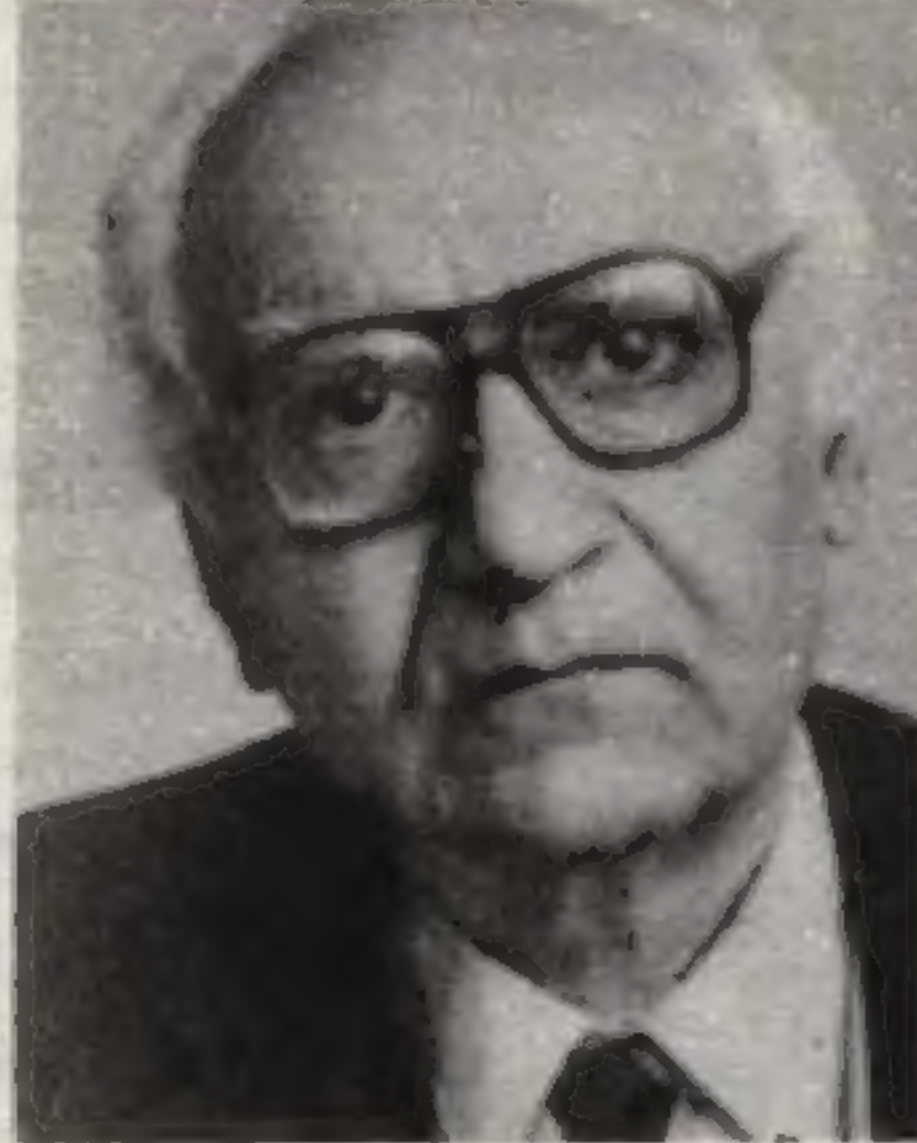
ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» за 1987 год

Ю. ЧЕРНИЧЕНКО

Б. ЧЕРНЫХ

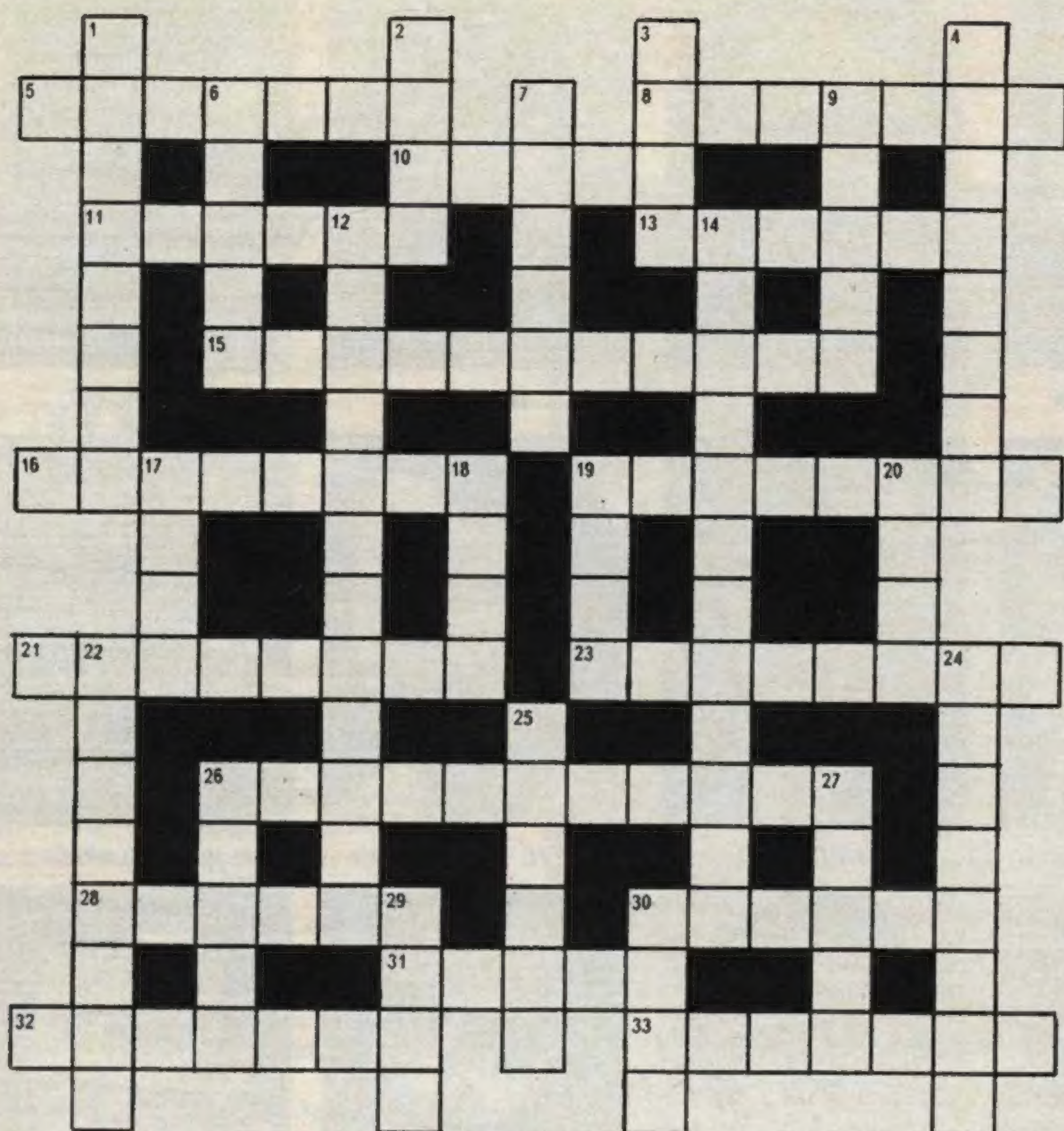
Н. ШАХБАЗОВ

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

А. АГАНБЕГЯН «Человек и экономика», интервью (№№ 29, 30); Ч. АЙМАТОВ «Цена прозрения», интервью (№ 28); У. АНДЕРСОН «Узнавание», статья (№ 25); Г. БЕЛИКОВА, А. ШОХИН «Черный рынок» (№ 36), «Теневая экономика» (№ 51), статьи; А. БОРОВИК «Встретимся у трех журавлей», документальная повесть (№№ 28—30); С. ВЛАСОВ «Кто разгонит тучи?» (№ 11), «Если рассудить по-людски...» (№ 13), «Бездельцу позабыли» (№ 40), статьи; Г. ГАРСИА МАРКЕС «Доведите дело до конца», интервью (№ 34); Н. ГОЩИЦКИЙ «Упала звезда Польны», документальный очерк (№№ 38, 39); С. ДЯЧЕНКО «Подвиг», очерк (№ 47); Е. ЕВТУШЕНКО «Русская муза XX века», ведущий-составитель рубрики (№№ 1—23, 25—29, 31, 32, 34—37, 39—52); Т. ИВАНОВА, серия статей в рубрику «Что читать?» (№№ 7, 15, 21, 26, 46); Н. ИЛЬИНА «Еще об Ахматовой», очерк (№ 38); Д. ЛЕ КАРРЕ «Письмо западного диверсанта», статья (№ 32); В. КОРНИЛОВ «Речи прямые ныне в чести», стихи (№ 17); П. КРИВЦОВ «Трудная лава» (№ 9), «Падчерицы большого города» (№ 41), фоторепортажи; В. КАРАСЕВ, иллюстрации к романам Е. Парнова «Александрийская гемма» (№№ 1—13) и Ж. Сименона «Мегрэ и его мертвец» (№№ 39—46); Е. КУРДАКОВ «Я снова и счастлив и жив», стихи (№ 14); В. ЛАПШИН «Живого света не затмить», стихи (№ 2); В. ЛЕЙБОВСКИЙ «Беспо-

отно!», статья (№ 40); Ф. МЕДВЕДЕВ серия интервью (№№ 28, 34, 48); А. МИНКИН «По направлению к Некрошюсу», статья (№ 38); Г. НОВОЖИЛОВ, иллюстрации к роману П. Андерсона «Любовница президента» (№№ 14—27), рисунок к отрывку из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» (№ 50); О. ПЕТРИЧЕНКО «Не сотвори себе кумира» (№ 12), «Меняю орден на бутылку...» (№ 23), «Радужный убийца» (№ 25), «Без меня нет школы» (№ 40), статьи; Л. ПЛЕШАКОВ, серия интервью (№№ 18, 29, 30, 48); В. ПОЛИКАРПОВ «Федор Раскольников», очерк (№ 26); В. ПОПОВ «Не успокоится душа», стихи (№ 29); В. РЕДГРЕЙВ «Монолог о самом главном», статья (№ 37); А. РУБИНОВ «И никаких проблем», статья (№ 36); Ю. САМЕДОГЛУ «На пороге», рассказ (№ 7); Б. САРНОВ «Борьба за право писать плохо» (№ 23), «Репутации на госдотации» (№ 44), статьи; К. СУУР «Добру внимая...», фотоперисаж (№ 36); И. ТОПЧИЕВ «Как взорвать тишину, или Гроза проходит стороной?», статья (№ 42); С. ТЮНИН, рисунки (№№ 9, 13, 15, 22, 38, 42); Д. ЧАРКВИАНИ «Твой день», стихи (№ 13); Ю. ЧЕРНИЧЕНКО «Мускат белый Красного камня», очерк (№ 33); Б. ЧЕРНЫХ «Плач перепелки», рассказ (№ 52); Н. ШАХБАЗОВ «Случай с Дюбуа», рассказ (№ 42); Л. ШЕРСТЕННИКОВ «Тринадцать секунд и вся жизнь», фотоочерк (№ 27).

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Песня на слова Р. Г. Гамзатова. 8. Сказка М. Горького. 10. Серия советских орбитальных станций. 11. Опера польского композитора С. Монюшко. 13. Сочетание музыкальных звуков различной высоты. 15. Распространенный способ заготовки сочных кормов. 16. Народный художник СССР. 19. Герой книги для детей А. Н. Толстого. 21. Внутреннее пространство здания в архитектуре. 23. Род деревянного дивана. 26. Повесть Н. С. Лескова. 28. Действующее лицо трагедии Шекспира «Гамлет». 30. Северное созвездие. 31. Один оборот по орбите. 32. Плод гороха. 33. Цирковой гимнаст.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Автор «Стихотворений в прозе». 2. Приток Дуная. 3. Приток реки Ветлуги. 4. Цитрусовое вечнозеленое растение. 6. Плотная ткань с гладкой блестящей лицевой поверхностью. 7. Растительное волокно для изготовления пряжи. 9. Порт в Польше. 12. Оркестровый ударный инструмент. 14. Музыкант, играющий на смычковом инструменте. 17. Пушной зверь. 18. Небольшое опахало. 19. Спортивное единоборство. 20. Вид атмосферных осадков. 22. Песня композитора А. Н. Пахмутовой. 24. Массовое народное гулянье с шествиями, маскарадом. 25. Духовой инструмент. 26. Советский молдавский поэт. 27. Опера С. В. Рахманинова. 29. Место конспиративной встречи. 30. Народно-поэтическое повествование.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 52

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. «Гаянэ». 8. «Либерал». 9. Фрейман. 10. Кросс. 11. Ельник. 13. Сириус. 14. Конферанс. 17. Волопас. 19. Награда. 20. Контакт. 21. Апофеоз. 24. Гимнастка. 26. Овация. 27. Арагац. 28. Крона. 30. Автоклар. 31. Кузница. 32. «Пряха».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Михалков. 2. График. 3. Глюк. 4. Яблонь. 5. Эфес. 6. Теннис. 7. Частушка. 12. Кооперация. 13. «Снегурочка». 15. Блесна. 16. Партер. 18. Сорт. 19. Нона. 20. Кривцова. 22. Здравница. 23. Пародия. 24. Гирька. 25. Ариозо. 28. Карп. 29. Арка.

Встречая Новый год, у нас по традиции садятся за стол, по традиции обещают нашим Снегурочкам начать новую жизнь, а, например, в Италии с боем часов по традиции выбрасывают старую мебель отечественного производства... Мы же хотим, читатель, чтобы у тебя вошло в традицию встречать Новый год, радуясь жизни и улыбаясь нашим шуткам. Желаем!

С НОВЫМ ГОДОМ ТЕБЯ, ЧИТАТЕЛЬ!

МЫ ИГРАЕМ

Константин МЕЛИХАН
(Ленинград)

«01»

Не знаю, как на вашей АТС, а на нашей никогда не предугадаешь, какой она выкинет номер. Звонишь, например, в прачечную, а попадаешь в типографию. Или звонишь в столовую, а попадаешь в больницу.

Вот как-то вечером прибегает ко мне соседка.

— Звоните,— кричит,— скорей «01»! У нас пожар, кажется.

Я скорей звоню «01».

Снимают на том конце трубку, и вдруг я узнаю голос своего директора.

— Ой,— говорю,— извините! Я, кажется, не туда попал.

Кладу трубку и снова звоню «01». И снова на своего директора попадаю.

Он говорит:

— Что-нибудь случилось, Орлов?

Я говорю:

— Да. Случилось. Но вас это не касается.

Он говорит:

— Почему же тогда вы мне звоните?

Я говорю:

— По телефону.

Он трубку повесил. А я снова звоню «01». И снова на своего директора попадаю.

Он говорит:

— Вы, Орлов, хорошенько проспитесь, а завтра зайдете в мой кабинет. И кладет трубку.

Я дрожащей рукой медленно и старательно набираю «01».

Директор говорит:

— Вы меня уже четвертый раз с постели подымаете!

Тут я не выдержал.

— А вы,— говорю,— не снимайте трубку, когда не вам звонят!

Он говорит:

— А кому же вы, интересно, тогда звоните? Тут со мной рядом только моя жена.

Я говорю:

— Я «01» звоню. У нас здесь пожар.

Он говорит:

— Ну, это и следовало ожидать. Слава богу, у вас там до драки еще не дошло.

И вешает трубку.

Тут вбегает ко мне эта соседка и кричит:

— Что же вы «01» не звоните?!

— Я,— говорю,— звоню «01», а попадаю на своего директора.

Она говорит:

— Ну тогда звоните своему директору — попадете на «01».

Я уже специально звоню своему директору.

Он говорит:

— Вы чем там «01» набираете?

Я говорю:

— Да сейчас я уже не «01» набирал, а специально ваш телефон.

Он говорит:

— Да это я уже давно понял.

И повесил трубку.

Соседка говорит:

— Тоже мне настоящий мужчина! Не можете правильно «01» набрать!

И сама набирает «01».

И тут я слышу, что она говорит.

— Нет,— говорит.— Орлов мне никто. Я просто его знакомая.

Я хватаю у нее из рук трубку и кричу:

— Я не виноват, товарищ директор! Девушка сама захотела вам позвонить.

Потому что я не настоящий мужчина.

И тут я слышу из трубки:

— Я вам не товарищ директор. Я его жена.

Я говорю:

— А вы откуда говорите?

Она говорит:

МЫ ГОВОРИМ

- Если жизнь протекает хорошо, значит, она дала трещину!
- Талант был дан ему свыше. Как указание.
- Книги, ярко и правдиво отражающие нашу жизнь, всегда тянет пере-
честь... В основном по пальцам.
- Человек — терновый венец при-
роды.
- Только когда первая обезьяна
взяла в руки палку, остальные нача-
ли работать.
- Лучшую гибкость в управлении
имеет плеть.
- Тяга к прекрасному была у него
засорена.
- Характеристика: выходец из окру-
жающей среды.
- Искусственная почка на 15 кам-
нях.
- О каких-то вещах и говорить не
приходится, а о каких-то приходится
не говорить.
- Лозунг 1913 года: «Дадим продук-
ции в 200 раз меньше по сравнению
с 1983 годом!»

Андрей КНЫШЕВ

МЫ РИФМУЕМ

Игорь ИРТЕНЬЕВ ОБЫКНОВЕННАЯ РАБОТА

Озаряя ярким светом
Вековую темноту,
Едет по небу ракета
С человеком на борту.

Человек в научных целях
Из ракеты смотрит вниз.
Вот уж ровно две недели,
Как он в воздухе повис.

В рамках заданной программы
Дни и ночи напролет
Он в пролет оконной рамы
Наблюдение ведет.

Из глубин межзвездной бездны
Через толстое стекло
Искапаемых полезных
Он фиксирует число.

Независимый как птица,
Он парит на зависть всем
И на землю возвратиться
Не торопится совсем.

Но когда придет команда
Завершить ему полет,
Приземлится там, где надо,
И домой к себе поидет.

Рисунок
В. УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО

МЫ РИСУЕМ

Рисунок Василия ДУБОВА

ИЗ ПОРТФЕЛЯ ЧИТАТЕЛЯ

Сергей ЕВТУШЕНКО,
Владимир ЛАДЧЕНКО
(Уральск)

УДИВИВШИЙСЯ ЗИМИН

Зимин ковырял в зубах спичкой
фабрики «Победа» и вполглаза смот-
рел телевизор. Ведущий, потрясая
письмами, называл вещи своими
именами, невзирая на лица и фигу-

ры. «Во дает», — удивился Зимин
и на всякий случай телевизор вы-
ключил.

От нечего делать развернул газету.
Пробежал одну статейку, другую,
ознакомился с официальными мате-
риалами и снова удивился: «Во
дают, елки-палки». А газетку на вся-
кий случай спрятал подальше.

Радио Зимин слушать не стал, пора
было на смену. И только у себя на
заводе он успокоился — тут удив-
ляться было нечему.

— А вот откуда эта... «пожарница»
узнала наш номер телефона?!
— Так его, — говорю, — все знают.
Она говорит:
— Большое вам спасибо, товарищ
Орлов, что вы мне позвонили!
Я говорю:
— Пожалуйста. Если надо, я могу
еще позвонить.
Она говорит:
— А товарищ директор сейчас к вам
приедет. Вещички только свои соберет.
И кладет трубку.
Я говорю соседке:
— Сейчас приедут. Все нормально.
Она говорит:
— Поздно! Пожар уже потух. Сам со-
бой. Звоните, чтоб не приезжали.
Я звоню жене директора.
Заспанный голос из трубки отвечает:
— Дежурный диспетчер пожарной
охраны слушает.
— Я, — говорю, — звоню не вам,
а жене своего директора.
Они говорят:

— По какому адресу?
Я называю адрес директора.
Они говорят:
— Через минуту будем.

Через две минуты мне позвонил ди-
ректор с женой и спросил:
— Это милиция?
Я взглянул на часы и ответил:
— 3 часа 1 минута... 3 часа 1 мину-
та...

Подобрал материалы
Игорь ДВИНСКИЙ,
разрисовал — Виктор КОВАЛЬ.

МЫ ПИШЕМ

Игорь ДВИНСКИЙ,
Виктор КОВАЛЬ

ЗАЯВЛЕНИЕ

«Я, такой-то саякой-то, с 1940 года
рождения, проезжая в автобусе, опу-
стил в кассу десять копеек и, не соб-
рав сдачи, вышел на своей остановке.
За обратный проезд я денег не платил,
так как имел на это моральное право.
Меня оштрафовали на три рубля... Так,
став жертвой социальной несправедли-
вости, я приобрел моральное право на
шестьдесят одну поездку в автобусе
или бесплатный проезд в Загорск по
железнодорожной дороге туда и обратно.
Я выбрал Загорск, хотя делать там
мне было нечего. В пути был схвачен
контролерами. Дважды бежал, но
неудачно. Мое моральное право возрос-
ло до месячного бесплатного проезда
на всех видах транспорта (исключая
такси), что и дало мне повод к хищению
некоторых товаров из магазина само-
обслуживания. К моменту моего задер-
жания я успел сквитать около пятна-
дцати рублей и одиннадцати копеек —
это засвидетельствовано в милицей-
ском протоколе... И всякий раз мои
попытки возратить то, что мне поло-
жено по справедливости, терпели не-
удачу. Тогда я описал свои злоключе-
ния в виде повести о современнике.
Рукопись отвергли, хотя я из-за причи-
ненного мне материального ущерба
имел моральное право на ее публика-
цию. Это не могло не отразиться на
моем состоянии здоровья. Я стал раз-
дражителен и груб. Однажды незаслу-
женно оскорбил жену, отчего послед-
няя ушла. Такого горя никакими день-
гами не измеришь. Сын, будучи свиде-
телем наших семейных дразг, очень пе-
реживал. Без материнской ласки он
замкнулся в себе, зачерствел, как вче-
рашний бородинский хлеб, и, не спро-
сив у меня разрешения, женился. Его
жена, внешне невинное создание, роди-
ла внука Олю, которая орет денно
и ношно и мешает мне думать.

Прошу Союз писателей принять
меня в свои ряды и предоставить от-
дельную жилплощадь».

ПРЯНИЧНЫЙ ДОМ

...Начнешь в деталях рассматривать
этот веселый, расписной дом и уви-
дишь сказочного оленя — Золотые
Рога, и грозди винограда, и смешных
медвежат, подпирающих крылечко,
а на коньке — известную с детства
компанию, которая во главе с дедкой
тянет-потянет репку, вытянуть не мо-
жет (мышку вон почти всю снегом за-
несло, но и она старается). Все это
тоже из дерева вырезано да раскраше-
но искусно. Увидишь узорчатые ставни
и наличники, цветы на дымовой трубе,
десятки синичек на резной ограде (не
найдешь среди них двух одинаковых).
И много чего другого рассмотришь,
ведь только на фронтоне дома больше
тысячи расписных деталей... А тут
и дверь сказочного домика распахнет-
ся, и выйдет на крыльцо хозяин (дав-
но уж заметил он приезжего челове-
ка, давно наблюдал за ним сквозь
окно), молвит:

— Что же ты, мил человек, здесь
мерзнешь? Зайди в избу, чайком со-
грейсь...

Сидим, греемся. Нравится Алек-
сандру Андреевичу Глазкову и его су-
пруге Матрене Ивановне, когда их до-
мом любят. Нравится вести беседу
неторопливо, обстоятельно.

— Вот спросил ты меня, с чего это
у нас со старухой увлечение украша-
тельством началось, — говорит Алек-
сандр Андреевич. — Да ведь с пенсии
и началось (и сам вроде бы удивляет-
ся такому обстоятельству). Странно
как-то показалось: ничего не делаю,
а деньги мне каждый месяц несут.
Такое вот чувство. Руки к делу при-
выкли, а без дела и душа затосковала.
Понял — пропаду от безделья. Я же
столяр по профессии, в последние
годы заведовал сувенирным цехом
в лесхозе. А домишко наш тогда глу-
хим забором был обнесен — от пре-
жнего хозяина наследство. Раздражал
нас с Матреной этот забор, как будто
от всего мира отсекал, воздуха за ним
не хватало. Поручил я его, а вместо
забора легкую, ажурную ограду из
реек соорудил. Украсили ее птичками,
зверушками разными (я вырезал, а она
вот раскрашивала) — так ладно да на-
рядно получилось. Не ожидали даже.
И самим приятно, и прохожим интерес-
но.

Отогревшись чаем, снова выскаки-
ваю на мороз поснимать. Камера почти
тут же замерзает.

— Техника, — вздыхает Глазков, —
видать, она тоже не любит холод, как
и я.

«Не потому ли в росписи и резьбе
преобладают летние, теплые моти-
вы?» — думаю я. Мы идем в его ма-
стерскую, тесное помещение, заста-
вленное инструментами и заготовками
будущих скульптур.

— Хочу, — объясняет он мне, пока-
зывая почти готовые фигурки, — сде-
лать композицию «Танец маленьких
лебедей» и установить ее на фронтоне.
По наличникам пущу белок, а на трубу
посажу ведьму на помеле — из жести
придется вырезать. Планов много, до-
стало бы силы в руках...

Последние слова он говорит словно
бы сам себе, в качестве пожелания.
Я желаю ему того же.

Юрий ЛУШИН
Фото автора

Семипалатинск.

ПРЯНИЧНЫЙ
ДОМ

На дворе минус сорок. Беспородный пес по кличке Матрос (знать, недаром на 3-й Лодочной улице вырос) забрался в теплую конуру и делает вид, что не слышит, не чувствует чужих шагов. Деревья инеем покрылись, тем от мороза спасаются... А среди снегов пятеро веселых старичков лихую пляску затеяли под самодельную музыку. Холод им нипочем. Посмотришь на них — на душе светлее делается. Прочитаешь лукавую подпись под скульптурной, из дерева вырезанной группой: «Радость стариков!» — и улыбешься невольно. А как улыбешься, так начнешь в деталях рассматривать этот веселый расписной дом...

(См. в номере материал Юрия Лушина «Пряничный дом».)

